

8 (722) август, 2017

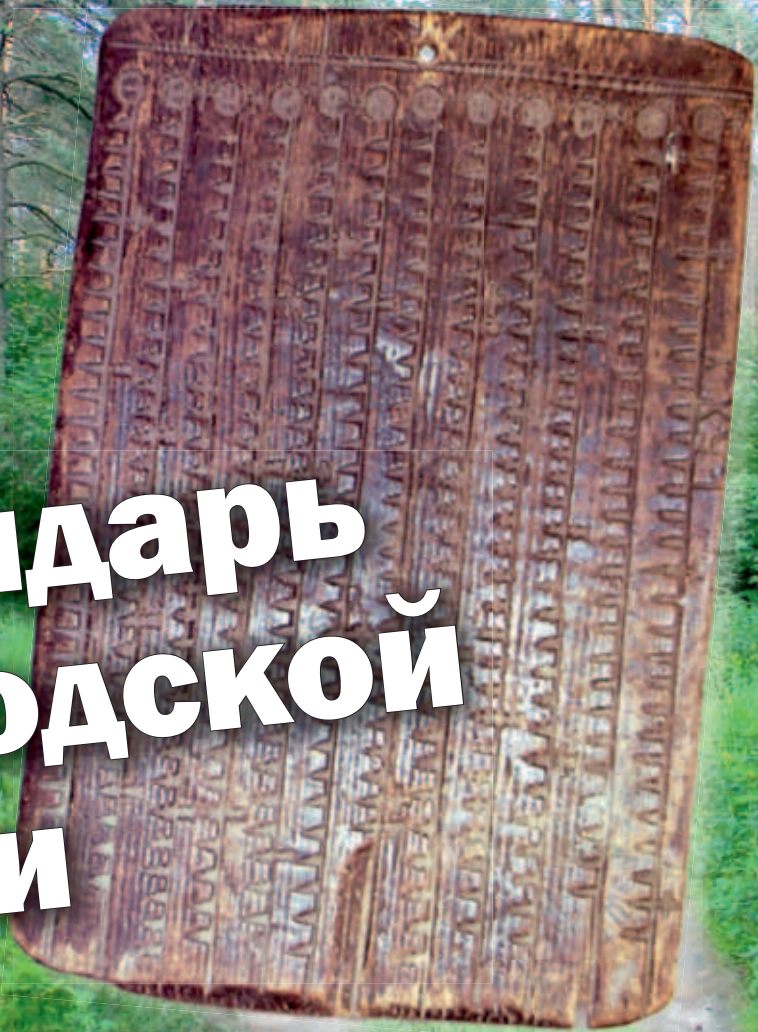
УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

ISSN 0134 - 241X

Календарь Слободской земли

НА ГРАНИЦЕ ГОР И ТУНДРЫ

ЗДЕСЬ РАСКОВЫВАЛИ
КОЛОДНИКОВ

НА РАСКОПЕ

Август 2017

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.
Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.
Редактор-консультант – С.О. Бабикова.
Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.
Корректор – Л.В. Ким.
Интернет – Е. Марков.
Архив – О.Ю. Тирикиди.
На обложке – Первая: Деревянный резной календарь. Из фондов Слободского краеведческого музея. Последняя: Э. Неизвестный в мастерской. Из фондов МДЦ «Артек».
Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».
Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
 • Асхаб Магомедович Асабов. Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.
 • Владимир Николаевич Николаевич. Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных. УрО РАН.
 • Сергей Вячеславович Левыкин. Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землеустройства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук.
 • Сергей Геннадьевич Захаров. Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.
 • Николай Николаевич Назаров. Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.
 • Евгений Викторович Голубев. Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, Кандидат географических наук.
 • Алексей Михайлович Прокашев. Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор.
 • Игорь Юрьевич Шароватов. Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.
 • Оксана Александровна Гирман. Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2017 г.
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя: 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: +7 (343) 269-22-34
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №8 (722), 2017 г.
 Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.
 Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
 Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

Быть молодым — здорово!

Н.ПАРТАНОВ

Эмдер – город солнца 3

Страна топонимия

В.КАРЕЛИН

Гора Великого Князя 6

Быть молодым — здорово!

А.ПОЛЯКОВ

Про уральские скалы 34

Экспедиция

В.ХРИСТОЛУБСКИЙ

На гранах 46

Река времени

В мире прекрасного

С.ПОГОДИН

Неизвестный и «Артек» 10

Далекое-близкое

В.СТРУГАНОВ,

О.КАРЯКИНА

От Уэлена до Мурманска 14

Давным-давно

С.ПЛЕНКИН

Деревянный резной календарь 20

Портреты

Н.ВЕХОВ

Первооткрыватель Урала 22

Павленковский ресурс

Н.КЛЯЧИНА

110 лет с именем издателя-просветителя 29

Наши проекты

С.САИТОВА

История России.

Река Чусовая.

Д. Антыбары

и Д. Кошково 38

Далекое-близкое

С.РУСИНОВ

На пече по всей ночи 42

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

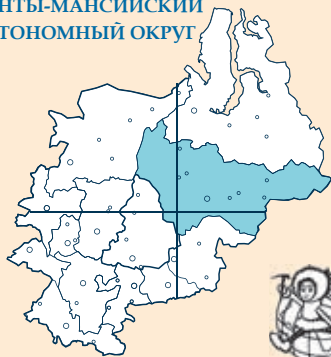
- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Журнал
в журнале **Элита**

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Никита Партанов

Родился в 1960 году в ХМАО-Югра.
В 1994 году поступил в Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Получил высшее образование учителя культурологии и истории. В настоящее время работает лектором-экскурсоводом в Этнографическом музее под открытым небом «Трум Маа». Публикуется в различных изданиях. Член Союза журналистов с 1996 г.

Фото автора

Эмдер – Город солнца

В 2016 году этот «город» в дебрях Югры на берегу небольшой, но уже широко известной в научном мире реки Ендырь создали преподаватели и студенты Уральского федерального университета, сотрудники Института гуманитарных наук и искусств. Речь идёт о полевом лагере Югорской археологической экспедиции из г. Екатеринбурга, возглавляемой харизматичным руководителем, доктором исторических наук Сергеем Фёдоровичем Кокшаровым. Нынче и меня пригласили пожить в этом «городе», о чем я давно мечтал.

Археологический лагерь в Кондинском районе называется Эмдер — по бытовавшему здесь средневековому городищу. Югорская археологическая экспедиция стала базой для десятков студентов исторического факультета Уральского университета, настоящей кузницей кадров для урало-сибирской

археологии. В студенческом фольклоре, который всегда возникает в многолетних полевых отрядах, появилось даже понятие «наука эмдерология».

На этот раз в составе экспедиции были четыре преподавателя — С.Ф. Кокшаров, С.Ю. Зырянова, Е.Ф. Курлаев, А.П. Мальгин, ма-

гистранты и студенты. «Старшие товарищи» — личности неординарные, известные в своей сфере специальности. Например, преподаватель физики и математики Алексей Павлович Малыгин у ежевечерних костров блистал остроумием и эрудицией; даже читал лекции, которые пользовались неизменным успехом.

Экспедиционный быт — это не городская квартира, здесь нет привычных бытовых удобств, и потому организация жизни отнимает очень много сил и времени. Надо обустроить место для приготовления и приёма пищи, для сна и отдыха, надо носить воду, заготавливать дрова... И — странное дело: объём работ такого рода намного больше, чем в городе, а споры и ссоры по поводу, скажем, невымытой посуды или неубранного мусора полностью отсутствуют. Студенты, помимо тяжёлой работы на раскопе, ответственно и даже с удовольствием организуют быт отряда. Девушки орудуя на кухне: утренняя «залепуха» и уха из ендырских окуней — их фирменные блюда. Парни обеспечивали процесс водой и дровами, топили печь. Была даже собственная баня.

К финалу раскопок в отряд влились ещё три человека — магистранты Ксения Смирнова и Лидия Халимова приехали их археологического

отряда, закончившего раскопки около с. Селяярова Ханты-Мансийского района, а аспирант Евгений Анатольевич Жирных вернулся из экспедиции с Магадана.

Конечно же, неизменными участниками работ Югорской археологической экспедиции являются местные жители — югорчане. В первую очередь это директор Няганьского музея А.Р. Раянова, выпускница истфака Уральского университета, и краевед Наталья Александровна Крюкова. К слову сказать, археологическая коллекция поселенческо-погребального комплекса с реки Ендырь (Октябрьский район ХМАО — Югры), сформированная в результате раскопок сотрудников Института истории и археологии УрО РАН и НПМП «Волот» С.Ф. Кокшарова и А.П. Зыкова, передана на хранение именно в Няганьский музей.

В нынешнем сезоне раскопки проводились на поселении Ендырском — в крупном скоплении археологических памятников, расположенных в большой излучине р. Ендырь, на её левом берегу. Это удобное для проживания место было обжито людьми ещё в глубокой древности и оставалось таковым вплоть до недавнего времени. Остатки материальной культуры от финала каменного века, кото-

рый археологи называют неолитом, до более поздних эпох (примерно с III тыс. до н.э.) мы извлекали из тысячелетних отложений, чтобы специалисты смогли по этим фрагментам ушедших цивилизаций восстановить историю Югры. Это обломки керамических сосудов, каменные и металлические наконечники стрел, предметы быта и украшения (например, бусинки). Мне тоже повезло — в первый же день работы на раскопе я нашёл шлифовальный камень весом около 25 кг — для изготовления наконечников стрел и копий.

Работа на археологическом раскопе многими воспринимается как романтическое и весёлое времяпрепровождение на свежем воздухе. В действительности занятие это для непрофессионала очень нудное и трудоёмкое. Азарт, подогреваемый мыслью «Вот сейчас я найду!..», требует вгонять лопату как можно глубже и копать как можно быстрее, а методика научной работы диктует глубину пласта в 5 см и постоянное отвлечение на замеры и обмеры, фиксирование и фотографирование... И кисточка, совок, фотоаппарат и нивелир пребывают в руках археолога гораздо чаще, чем лопата.

Но и при такой медленной работе мы умудрились вручную выбрать

и буквально по песчинкам перебрать 100 кубометров песка, а потом весь этот объём вернуть обратно (археологи обязаны закапывать свои ямы-раскопы).

Мне пришлось вжиться в роль археолога и почувствовать всю тяжесть этой работы. Я узнал, что такое рейка и нивелир, теодолит и рулетка... Понял, что ножами не только режут, а кисточками не только рисуют или красят — этими предметами ещё и разбирают археологические слои. Поначалу ночами мне снились бровки раскопа, траншеи и находки... Потом — богатый Эмдер: как они деревянными лопатами строят свои городки. К концу экспедиции уже ничего не снилось — сил оставалось только доползти до палатки и уснуть мёртвым сном.

Тем не менее, экспедиция — это экспедиция. Это особое состояние духа и особо дружеские и доверительные от-

ношения между людьми, которые подчас отсутствуют в нашей повседневной жизни. Многие, попав сюда однажды и даже не будучи археологами по профессии, приезжают потом снова и снова, привозят друзей, жён или мужей, детей... Вот и в нашей экспедиции работал аспирант Игорь вместе со своей семьёй — женой Марией, сыном Мака-

ром и дочерью Настей, которая была всеобщей любимицей.

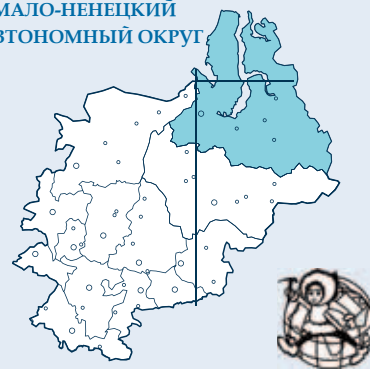
Город Эмдер существует как бы вне нашей реальности. Время пребывания в нём рано или поздно заканчивается. И переход в нашу реальную жизнь происходит по Высоцкому: «В суету городов и в потоки машин возвращаемся мы — просто некуда деться...». **УС**

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

**ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ**

◀ Гора на карте А. Регули

В самой северной части Уральского хребта, там, где он поворачивает на северо-запад, продолжаясь хребтиком Пай-Хой, находится

вершина, которая на современных географических картах имеет название Константинов Камень (483,2 м).

Гора Великого Князя

На север от этой горы до побережья Карского моря, примерно на 50 км, протянулась тундра с многочисленными озерами. Гора имеет вытянутую форму длиной 5 км. В направлении с юга-востока на северо-запад. На вершине — два возвышения. Из них северо-западное всего на несколько метров выше юго-восточного. Название Константинов Камень относится к северо-западному возвышению. На нем установлен памятный знак, посвященный 170-летию основания Русского географического общества. У западного подножия горы расположены два крупных озера. Северные склоны вершины круто обрываются к тундре, возвышаясь над ней почти на 300 м. Соседняя вершина, расположенная юго-восточнее горы Константинов Камень,

имеет современное картографическое название Малая Манясей. Между этими горами находится небольшое озеро.

Русифицированный ороним Константинов Камень появился в середине XIX века. В 1847–1850 гг. Русское географическое общество провело Североуральскую экспедицию, которая обследовала Уральский хребет от города Чердынь на север до побережья Карского моря. В 1848 г. Э. Гофман, руководитель экспедиции, на оленьих упряжках проехал от истоков р. Войкар и далее по западному склону Уральского хребта до его северных вершин. На условной северной границе гор и тундры экспедиционный отряд поднялся на вершину и, считая ее безымянной, дал ей название в честь Великого Князя Константина Николаевича, ко-

торый в то время был президентом Императорского Русского географического общества.

В своем отчетном труде о проведенном путешествии Э. Гофман записал: «Утром 6 августа отправились мы далее опять по колеблющемуся болоту и проехали мимо многих озер к северо-западному отпрыску гор. Гора, которую оканчивается этот отпрыск, ступает высотой даже соседним скалам, Миниссею и Арка-Пае, но поражает своею массою глядящего на нее с равнины тундры. Достигнув подошвы горы, мы оставили свои нарты, взяли с собою все свои огнестрельные наряды, чтобы послать привет морю, которого вид от-

▶ Гора на карте О.О. Баклунда

◀ Вид на гору из тундры (середина XX века) В.Г. Карелин

туда был нам обещан, и начали восхождение. Карабкаясь по огромным глыбам зернистого окрашенного кварцита, мы достигли через час вершины... Это была действительно самая северная гора Уральского хребта, круто падающего в тундру... Плоскость вершины горы спускается к западу сперва тремя уступами, но потом также пада-

ет в тундру круто. Подошва омывается волнами тундрового озера, из которого она встает в виде предгорья...»

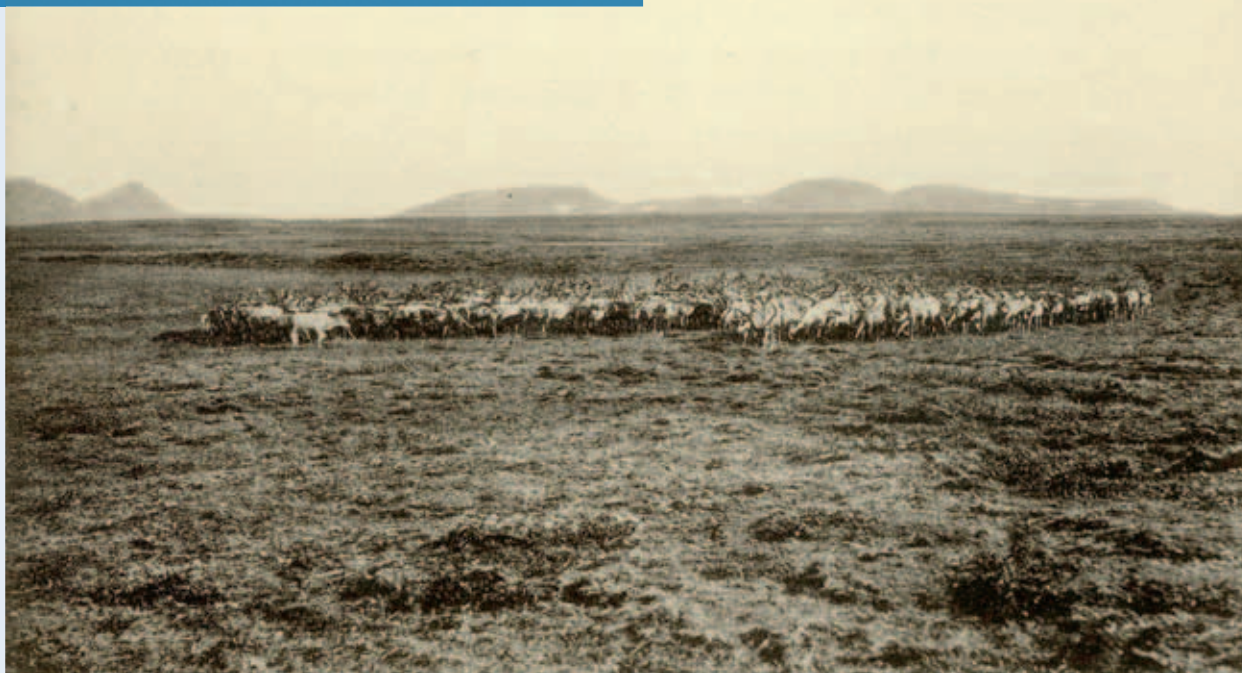
Поднявшись на вершину, Э.Гофман, считая ее безымянной, дал ей новое название: «... В таком восторженном состоянии духа решили мы дать название безымянной горе. Служа сторожевым пунктом, с которого взор да-

леко углубляется в ледовитое море, ставное поприще деятельности наших смелых плователей, рискующих жизнью из любви к истине, — эта пограничная твердыня двух частей света, большую часть которых обладает Россия, показалась нам достойною носить имя Генерал-Адмирала, царственного Президента нашего Географического общества. Громко раздалось, при взбрасывании вверх наших шапок, имя Константинов Камень в тишине этой высоты; затем последовало тройное ура и залп из всех ружей и винтовок. Потом поставили мы в знак нашего пребывания пирамиду из трех каменных плит, взяли на память по камню и воротились к своим нартам, на которых мы обогнули Константинов Камень, чтобы продолжать свой путь на север к морю...»

Как справедливо отметил А.К. Матвеев, у этой горы не могло не быть названия, употребляемого коренными жителями района — ненца-

▲ Вид на гору из тундры (начало XX века), О.О. Баклунд

ми. Матвеев приводит названия рассматриваемой вершины, записанные советскими геологами в первой половине XX века. А.В. Хабаков сообщает название горы — Туано-Пэ с переводом 'Пароход' (дословно 'Огненная лодка'). Б.Я. Осадчий называет гору Утос-Пэ. Перевод этого названия по Матвееву — «нарта без настила для перевозки шестов для чума» (по форме горы). Однако оба эти названия появились сравнительно недавно. А вершина не могла не иметь своего названия в более раннее время у местных ненцев.

И такое старинное местное название горы мне удалось отыскать в рукописных материалах венгерского путешественника А. Регули, который в 1843–1845 гг. совершил уникальное путешествие вдоль Уральского хребта от широты Екатеринбург до побережья Северного Ледовитого океана, туда и обратно. Возвращаясь в Венгрию, по просьбе Русского географического общества, в Петербурге А. Регули составил карту Северного Урала. Эта карта была литографирована в небольшом количестве экземпляров для участников предстоящей Североуральской экспедиции общества. Такая карта была отправлена к А. Регули. И она ныне хранится в архиве А. Регули, в рукописном отделе библиотеки Венгерской Академии наук, в Будапеште. Мне удалось просмотреть литографированную карту. Но на ней прочитать названия было затруднительно. Позднее я познакомился с ру-

кописным оригиналом этой карты, составленной А. Регули. Она хранится в библиотеке Русского географического общества в Петербурге. На рукописном экземпляре карты все названия читаются четко. Все записи на карте сделаны на немецком языке. Отыскал я на карте гору, которой Э. Гофман дал название «Константинов Камень». Название горы на карте А. Регули записано на латинице — Lapschemboe. Окончание бой (бай, пай, пэ), на первый взгляд, можно принять в переводе как «камень». Но тогда первая часть названия не находит объяснимого перевода. В ненецком языке имеется слово лабцей 'плоский, приплюснутый'. И тогда вторая часть названия — ембой — приобретает вполне логичный перевод: в ненецком языке имеется слово ямб 'длинный'. В итоге можно предположить, что исследуемое название состоит из трех слов: лабцей 'плоский' + ямб 'длинный' + бай (пай, пэ) 'камень' (вероятно, в названии было две согласных буквы Б-Б, но со временем в восприятии русских людей одна из них исчезла), а в целом: Лабцей + Ямб + Бай 'Гора плоская и длинная'. Такой перевод точно отражает географическую реалию. Вершина представляет ровную (плоскую) форму. На вершине имеется два небольших поднятия. На западном возвышении когда-то побывал Э. Гофман, назвав его «горой Константинов Камень». Однажды со своими друзьями-спутниками и я побывал на этой вершине. И воочию убедился в том, что безвестный ненец в давние времена абсолютно точно дал название горе — она имеет относительно ровный и удлинённый вид. На этом примере я еще

раз убедился в том, что местное уральское население дает название горам, чаще всего отражая в названии какую-то внешнюю физико-географическую характерную особенность горы, которая отличает ее от соседних, окружающих гор. Таким образом, Гофман имел карту Регули. На ней гора, на которую он поднялся, имела название Лапчембой. Однако Гофман то ли не разобрался с названиями гор на карте Регули, то ли сплуквил. Он пренебрег ненецким названием и вершине, уже имеющей местное название Лапчембой, дал имя Великого князя Константина. Гофман тонко рассчитал, что князь Константин одарит его в будущем. И он не ошибся. Через несколько лет Гофман получил золотую Константиновскую медаль, высшую награду Русского географического общества, а также Демидовскую премию от Российской Академии наук.

Ближайшая вершина, расположенная к юго-востоку от горы Лабцей-Ямб-Бай (Константинов Камень), на современных крупномасштабных географических картах имеет название Малая Манясей (525,6 м). Со стороны тундры она имеет вид острой трехгранной пирамиды с крутыми скальными склонами. Особенно крутой — юго-западный склон. Верхняя его часть представляет собою почти вертикальную стену. По сообщению О.О. Баклунда, гора Минисей была у самоедов (ненцев) культовой. При взгляде из тундры именно эта гора прежде всего выделяется по высоте. Она как бы нависает над горой Лап-

▶ Гора на карте Э. Гофмана

▶ Наша туристская группа на горе

чембой. На фоне вершины Малая Манясей гора Лапчембой кажется всего лишь низким плоским увалом.

Финский лингвист Т. Лехтисало, автор книги о мифологии ненцев и большого ненецкого словаря, название Минисей вывел из ненецкого слова минесь 'нести, тащить'. Он утверждал, что ороним следует переводить как 'носитель', используя ненецкое предание о том, что Минисей считался одним из «носителей» Земли, поддерживающих ее. При этом «носитель» с Заполярного Урала считается существом женского рода — бабушка Минисей. Пояснение Л. Лехтисало поддержал А. Матвеев.

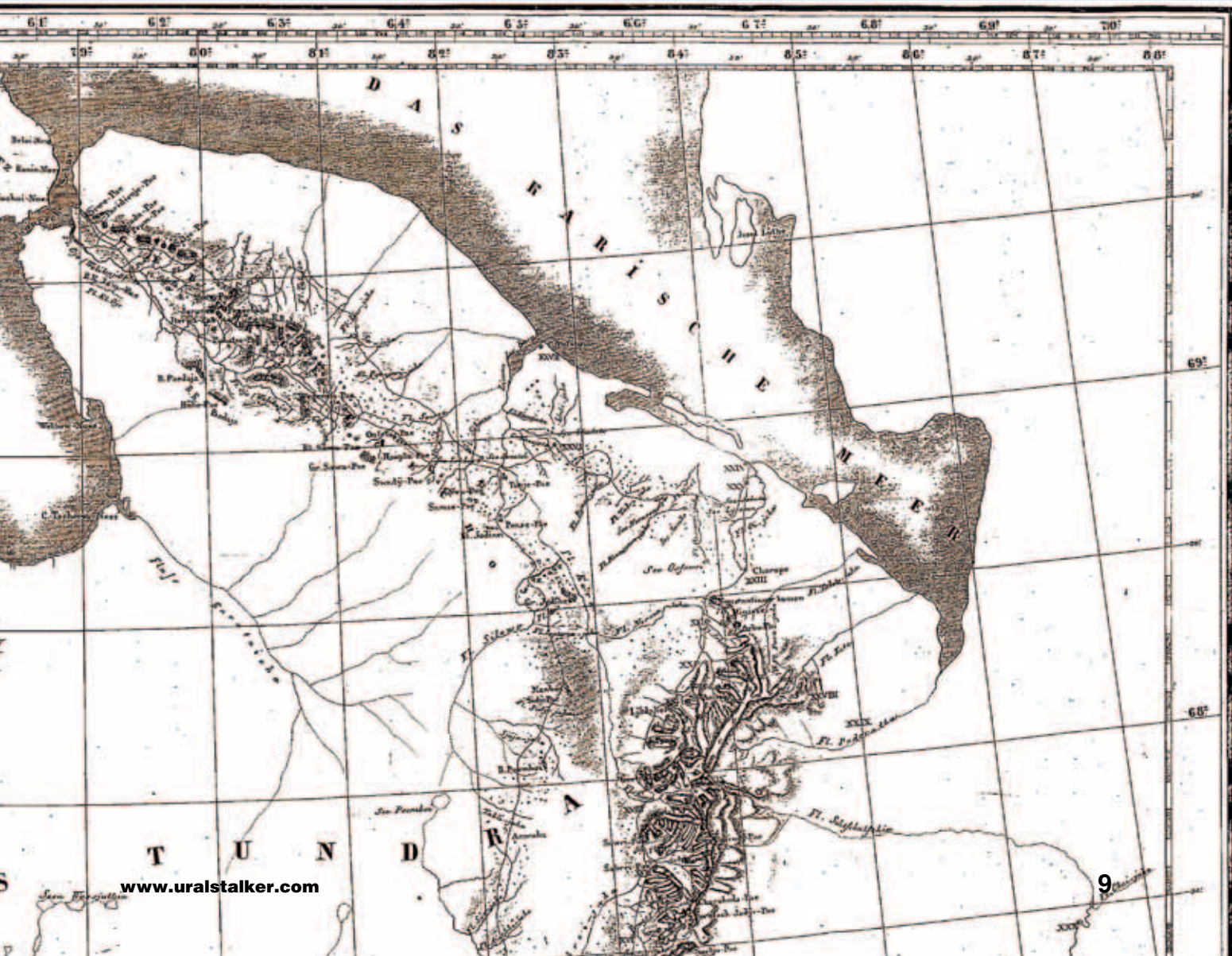
Думается, целесообразно более внимательно рассмотреть вариант перевода, предложенный А. Шренком, который в середине XIX века зафиксировал ороним Минисейпай с переводом «Скала конечных куп». Действительно, возможно исходить при переводе из ненецкого слова минзь'

(н) с гортанным смычным звуком Н, получая в итоге перевод — «предел пути, конечный пункт». Такой перевод отражает географическую реальность: гора Минзь' (н)-Пай является наиболее четко видимой конечной вершиной Уральских гор, заканчивающихся перед тундровым пространством, далее протянувшимся до побережья Северного Ледовитого океана. В итоге имеем: гора, Минзь' (н)-Пай 'Гора конечного пункта [гор]' или

'Гора, [являющаяся] конечной [среди гор хребта]'.

В завершение отмечу, что подняться на гору Лабцей-Ямб-Бай можно практически со всех сторон. С запада — от озера Хальмерто. С севера — от двух небольших озер. С востока — от озера, расположенного между горами Лабцей-Ямб-Бай и Минзь' (н)-Пай. С юга — по склону, на котором находятся многочисленные каменные останцы. **УС**

Сергей Погодин

Журналист, писатель, председатель Правления Клуба друзей художественного музея Э. Неизвестного.

Этот лагерь был мечтой каждого пионера Советского Союза, но заветная путевка доставалась лишь самым-самым. Одним из таких счастливиц в июле 1934 года стал свердловский пионер Эрик Неизвестный, будущий прославленный скульптор-монументалист. Спустя 33 года он вернулся в «Артек» творцом знаменитого монумента «Дружба детей мира». История его создания очень интересна.

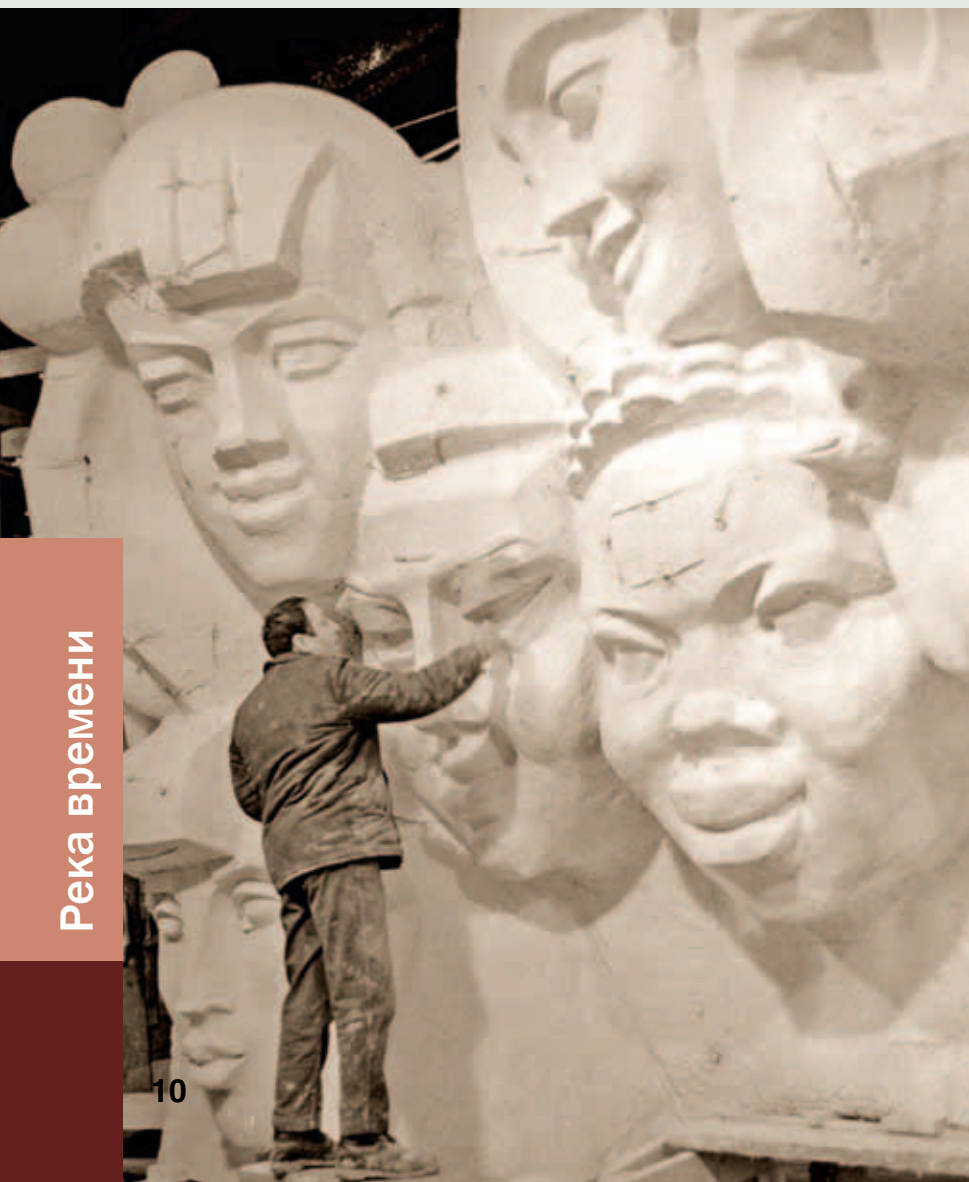
Неизвестный и «Артек»

Пятидесятилетие советской власти на территории СССР отмечалось очень широко. По всей стране в юбилейный год открывались новые заводы и школы, заселялись целые жилые микрорайоны в городах, спускались на воду корабли и открывались памятники. Одним из таких и стал монумент работы Эрнста Неизвестного в «Артеке».

История создания скульптурной композиции монумента удивляет своей парадоксальностью, ведь начало ее датировано 1962-м годом, вошедшим в историю не только годом знаменитой «хрущевской оттепели», но и не менее знаменитым скандалом в московском Манеже на выставке «Новая реальность», главным персонажем которого, принявшим удар

на себя, был Эрнст Неизвестный, не спасовавший перед Никитой Хрущевым.

Заложен он был в «Артеке» в 1962 году детьми из 83 стран мира. Они привезли с собой кусочки местных горных пород. А в Москве Центральным Комитетом ВЛКСМ был объявлен Международный конкурс на проектирование монумента

▲ Пионер Эрик Неизвестный на отдыхе в «Артеке». 1934 г. (Отмечен кружком). Из фондов МДЦ «Артек»

◀ Э. Неизвестный в мастерской во время работы над монументом. Рига, 1966 г. Из фондов МДЦ «Артек»

в «Артеке», который через год и выиграл Эрнст Неизвестный.

Работа над этим монументом шла непросто. Еще перед началом работы Эрнст Неизвестный приезжал в «Артек» и совместно с руководителем проекта выбирал место будущего монумента. Выбор именно этого места, где декоративный барельеф полностью вписан в ландшафт, как бы вырастает из скалы и рождается из камня, был логичным выра-

◀ Эскиз Э. Неизвестного «Прометей». 1965 г. Из архива автора

ки рисунков с запиской: «Петр! Сделал все, что смог. Если не нужно, выброси. Если нужно — используй. Страшная запарка. Пятого открываю монумент. Желая успеха. Твой Эрнст».

Торжественное открытие второго по величине (после памятника В.И. Ленину) и главного по идеологическому замыслу монумента пионерского лагеря «Артек» состоялось 5 июля 1967 года в лагере «Морской». Вот как это описала газета «Пионерская правда»: «Взору присутствующих предстало выполненное из туфа и ракушечника полуовальное рельефное панно, на котором была изображена фигура Прометея в оковах, борющегося со злом, и рука, прикрывающая пионерский костер, озаряющий лица детей разных национальностей, их по числу континентов — пять. На стене, рядом со скульптурным рельефом, были высечены такие слова: «Сердцем-пламенем,

жением главной творческой концепции мастера. В ее основе лежит природосообразность его уникального творческого метода, во многом сформированного под воздействием детских впечатлений от общения с морем, рассматривания и собирания причудливых камешков, часто напоминающих фигурки, образы, лица, растения на пляжах Крыма, куда будущий скульптор неоднократно приезжал с родителями.

Скульптурная композиция — 150-метровый декоративный барельеф «Прометей», олицетворяющий дружбу детей мира, была выполнена Эрнстом Неизвестным в Риге, в мастерской предприятия «Максла», входящего в состав Художественного фонда Латвийской ССР. Далее по железной дороге она была перевезена в Симферополь и смонтирована в «Артеке» под руководством московского архитектора, руководителя проекта «Большой Артек» Анатолия Полянского и художников Хаима Рысина и Джемса Бодниекса, которые, в свою очередь, там же, в Риге, выполнили металлическую часть крыши «Комнаты мира».

Когда все было готово, скульптор вылетел с женой и дочерью в Крым и на месте, вручную, продолжил доработку монумента, о чем сохранилось несколько фотографий, запечатлевших его за работой.

Заслуженный архитектор РСФСР Петр Павлов вспоминал: «За месяц до сдачи проекта в Асуане я пригласил скульптора Эрнста Неизвестного. Мы предложили ему нарисовать барельефы для внутренних пилонов монумента «Дружбы народов». Но Эрнсту было не до этого, он уезжал заканчивать барельефы монумента в «Артеке». После моих звонков в Крым за три дня до сдачи проекта Неизвестный прислал нам каль-

▲ Артековское фото на память. 1989 г. Из архива автора

солнцем-сиянием, костром-заревом, дети шара земного, дорогу дружбы, равенства, братства, труда, счастья навсегда озарим!»

Около панно была расположена «Комната мира», крыша которой представляла собой чашу, олицетворяющую Землю. В ее центре — сол-

◀ Монумент «Дружба детей мира». 2014 г. Из фондов СОКМ

це, лучами озаряющее континенты. На поверхности солнца были расположены макеты корпусов «Артека». К сожалению, под воздействием природно-климатических факторов, не получив необходимой профилактики и технической поддержки, конструкция эта пришла в полную негодность, не подлежащую восстановлению, и в 2014 году была демонтирована.

По решению Крымского облисполкома от 10 декабря 1984 года монумент «Дружба детей мира» был включен в реестр Памятников республиканского значения. Детям же он понравился сразу. На его фоне всегда делались традиционные артековские фото на память. В «Комнате мира» проводились интересные лекции и показывались фильмы. Было такое фото и у меня, когда я 13-летним подростком в 1989 году отдыхал в Артеке в лагере «Морской».

Монумент был главным местом сбора и встреч артековцев в дни знаменательных событий. Сюда приходили посланцы разных стран для участия в международных акциях «Бутылочная почта мира». Артековцы закупоривали в бутылки свои письма, обращения и воззвания к главам государств, к людям доброй воли и, отправляясь на теплоходе «Артек», спускали их в нейтральные воды, как это было и в 1983 году с участием американской школьницы Саманты Смит, ставшей для детей всего мира «Юным послом мира».

В одном из своих интервью Эрнст Неизвестный вспоминал: «Отдыхая в «Артеке» в лагере «Мор-

▶ Проект возрождения и реконструкции монумента

ской», я любил рано по утрам или сразу после отбоя наблюдать из окна нашего деревянного домика за морем и проплывающими вдали кораблями. В эти моменты я представлял себя то отважным исследователем морских глубин, то наоборот — бесстрашным пиратом, грабящим проходящие по морю корабли. Отдых в «Артеке» оставил большой след в моей жизни, и когда я узнал о конкурсе на создание там монумента о детской дружбе, то не раздумывая принял в нем участие и выиграл его».

Позднее, после отъезда скульптора из Советского Союза, авторство этого монумента во всех справочных изданиях было отдано Анатолию Полянскому, да и название монумента на долгие десятилетия стало звучать иначе — «Памятник Неизвестному матросу». Однако на открытках лагеря «Артек» его продолжали показывать, но не отдельно, а вместе с памятником В. И. Ленину и без указания автора.

С распадом СССР территория полуострова Крым отошла к Украине и за два десятилетия всемирно известный детский лагерь пришел в полный упадок.

13 марта 2014 года для «Артека» настало новое время. Крымский премьер Сергей Аксенов объявил о национализации объектов, ранее принадлежавших Украине. Вот как описал свои впечатления от «Артека»

▶ Э. Неизвестный в мастерской во время работы над монументом. Рига, 1966 г. Из фондов МДЦ «Артек»

русский журналист Юрий Снегирев, побывавший в этом лагере через неделю после присоединения Крыма к России.

«... Какое все стало маленькое и как во всем здесь чувствуется распад и бесхозяйственность. Рядом с «идальной» лагеря «Морской» (таблички пока все на украинском языке, по указанию жены президента Ющенко) я увидел что-то вроде разбившейся летающей тарелки. С трудом узнал монумент «Дружба детей мира» работы самого Эрнста Неизвестного. Увидев все это, я спросил у генерального директора «Артека» Игоря Лели, какая судьба ожидает это монумент, и он попросил обратиться к прославленному скульптору со страниц «Российской газеты» с такими

словами: «Уважаемый Эрнст Иосифович! Помогите восстановить Ваш монумент. В тяжелые годы он пострадал. Но все позади. Пожалуйста!»

Ответ из Америки не пришел. Мастер в это время проходил курс восстановления после тяжелойнейшей нейрохирургической операции. А через полгода его не стало.

10 августа 2016 года в Международном детском центре «Артек» прошел урок, посвященный памяти выдающегося скульптора Эрнста Неизвестного.

Новый генеральный директор МДЦ «Артек» Алексей Каспжак заявил: «Монумент, созданный Неиз-

вестным, подтверждает высочайшую культурную планку, в соответствии с которой происходило развитие артековского пространства. Он очень точно выражает артековскую миссию, которая со времен создания монумента осталась неизменной: вместе с детьми из разных участков планеты научиться брать самые дерзновенные высоты, чтобы изменить мир к лучшему. Это то, чему мы учим детей сегодня: искать взаимопонимание, быть активным, смело выбирать свое дело и настойчиво идти к результату. И это находит отклик у нынешних детей. Каждый артековец верит в то, что может изменить мир.

Гений Эрнста Неизвестного и состоит в том, что он воплотил в грубом железобетоне такой порыв детских душ.

Эта его работа побуждает сегодняшних артековцев обратиться к целому пласту культурного насле-

дия нашей страны, причем изучать его как с искусствоведческой, так и с исторической точек зрения. Сейчас монумент находится на реставрации, но мы уже формируем соответствующий сетевой образовательный модуль».

Монумент действительно требует серьезной реконструкции и реставрации. Он стал заложником материала, из которого был построен, в результате чего довольно крупные куски композиции обвалились.

В середине 1990-х варвары отодрали медные листы с бесценной чеканкой работы Бодниекса и Рысина, и от «Комнаты мира» остался лишь ржавый остов и расписанные граффити стены, а вместо окон решетки.

Сам скульптор заметил: «В том, что «Комната мира» сегодня зарешечена, я вижу не просто случайность, а некий символ и созвучие тому, что происходит в мире».

Еще в 2013 году на одном из украинских сайтов была такая информация: «... Вот перечень объектов, которые ранее собирались стереть с лица земли украинские национал-радикалы, поддерживаемые президентом Ющенко... Под снос приговорен монумент «Дружба детей мира». Это работа скульптора Эрнста Неизвестного. Странно. К тоталитаризму художник не причастен, скорее наоборот. Голодомора не устраивал. Творец, перед которым снимает шляпу цивилизованный мир, задумал такую композицию во времена оттепели. Но вот проблема в условиях современной Украины — детская дружба в понимании и задумке скульптора никак не совпадает с идеями украинского национализма, активно поднимающего свою голову».

Сам Эрнст Иосифович говорил: «Я монументалист, и как скульптор не могу принять разрушение, перенос или снос памятников и монументов. И не важно, в какое время они были сооружены. Это часть истории страны, срез эпохи, в которую они были созданы, и очень важно их сохранять в неизменном виде с привязкой к тому месту, где они и были установлены изначально».

К счастью, замыслам украинских националистов не дано было осуществиться. Крым присоединился к России.

Монумент Эрнста Неизвестного в МДЦ «Артек» — послание потомкам, и чтобы его донести, не нужна ни почта, ни интернет. Здесь живет диалог художника с десятками тысяч детей со всего мира. А значит, художник продолжает жить!

◀ Э. Неизвестный с дочерью Ольгой в «Артеке» у монумента «Дружба детей мира». 1967 г. Из фондов СОКМ

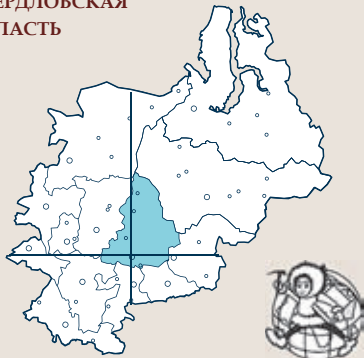

От Уэлена до Мурманска

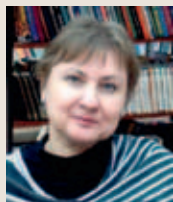
(Город Лесной и полярная экспедиция газеты «Советская Россия»)

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Владимир Струганов

Более 30 лет работал врачом в Центральной медико-санитарной части № 91 ФМБА России в городе Лесном. Бард, литератор, краевед.

Ольга Карякина

Работает главным библиотекарем в Центральной городской библиотеке имени П. П. Бажова в Лесном. Литератор, краевед.

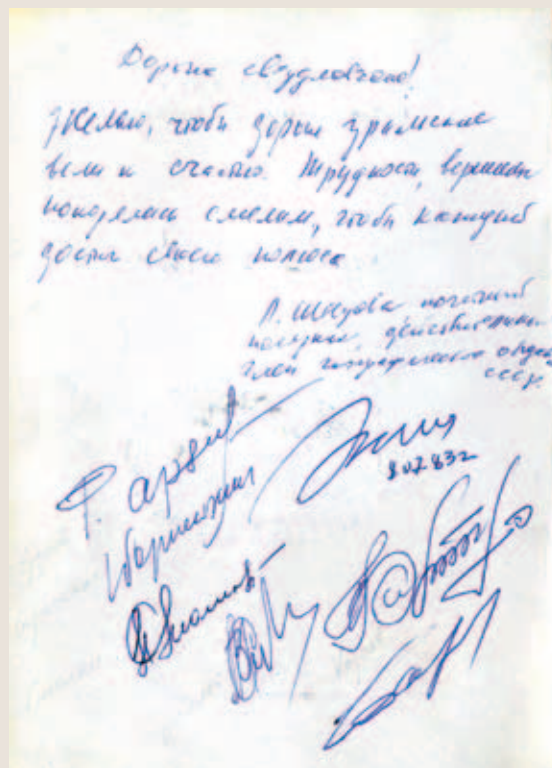
Иллюстрации
из архива авторов

В год, когда закрытый город Лесной отмечал свое 35-летие, стартовала широко освещавшаяся в стране полярная экспедиция газеты «Советская Россия» (1982–1983). Тогда о ней писали газеты, символика размещалась на почтовых конвертах, изготавливались памятные значки. А в нынешнем, 2017-м, исполняется 35 лет началу самой экспедиции...

В преддверии XIX съезда ВЛКСМ Свердловский обком комсомола и редколлегия газеты «Советская Россия» приняли решение об организации научно-спортивной полярной экспедиции. Год на юбилеи был урожайным. Проект посвятили 60-летию образования СССР, хотя можно было и 65-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Кроме научных и спортивных задач в замысел закладывалась значительная идеологическая составляющая.

Накануне старта руководитель оргкомитета, дважды Герой Советского Союза, Почётный полярник СССР И. Д. Папанин заявил: «Я знал и чувствовал, что такая экспедиция должна рано или поздно состояться. Мы просто обязаны терпеливым, мужественным и хозяйским взглядом окинуть по-

► Разворот маршрутника полярной экспедиции с портретом И. Папанина и автографами полярников

▲ На территории учебно-выставочного центра комбината «Электрохимприбор»

бережье. Это ведь северный порог нашего дома. И я рад, что взгляд этот будет взглядом молодых учёных, личные и научные интересы

► В. Карпов со своими собаками

ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ТРОЙКОЙ

В РАЙОНЕ XIX СЪЕЗДА КОМСОМОЛА БЮРО СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ И РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» ПРИНЯЛИ СОВМЕСТНОЕ РЕШЕНИЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ЕВРАЗИЙСКОМУ КОНТИНЕНТУ ОТ ТИХОГО ДО АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА. УТВЕРЖДЕНЫ ОРГКОМИТЕТ, ШТАБ ПО ПОДГОТОВКЕ И СОСТАВ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ, ПРОГРАММА ИХ РАБОТЫ.

▲ Фрагмент тележки для ездовых собак с логотипом экспедиции. Экспонат музея г. Лесного

которых тесно смыкаются с задачами, поставленными им научными и партийными органами».

Несмотря на то, что экспедиция активно освещалась в прессе, существует тема, по определённым причинам почти не затронутая журналистами. А именно: немалую роль в подготовке и организации полярной экспедиции сыграл закрытый и секретный в то время город Свердловск-45 (ныне Лесной). Расположенный в 250 км к северу от областного центра, в окружении таёжных лесов, большинству жителей области он не был известен. Между тем, практически всё снаряжение, включая металлические тележки для ездовых собак (для продвижения по весенней тундре), крепления, позволявшие облегчить установку палатки в условиях вечной мерзлоты, было изготовлено именно здесь. Точнее — на комбинате «Электрохимприбор», крупнейшем оборонном предприятии Советского Союза, занимавшемся производством атомного оружия. Руководил им в ту пору Лауреат Государственной премии СССР А. И. Галин. Комбинат же и частично финансировал экспедицию. Для научных целей была задействована работав-

шая при отделе кадров группа социологов. Любопытно, что именно в 1982 году коллектив комбината «Электрохимприбор» был награждён Красным Знаменем Свердловского обкома ВЛКСМ за значительный вклад в экономическое и социальное развитие области.

В состав маршрутной группы вошло шесть человек: Сергей Соловьёв (руководитель), Владимир Рыбин (врач), Юрий Борисихин (журналист, корреспондент журнала «Уральский следопыт»), Владимир Карпов (радиотехник), Павел Смолин (штурман) и Филипп Ардеев (каюр). Из Уэлена Магаданской области группа вышла на собачьих упряжках 5 ноября 1982 года. Шли 243 дня. В течение всего периода на связь с экспедицией по-

стоянно выходили радиолюбители многих стран мира — таков был к ней интерес. Пройдя в условиях арктической зимы и полярной ночи в общей сложности порядка 10 000 километров (иногда фигурируют более конкретные цифры: 7 105 и 9 700), 6 июля 1983 года группа достигла противоположной крайней точки нашей страны — Мурманска.

Тогда постоянно подчёркивалось, что все путешественники, за исключением Ф. Ардеева, жителя Заполярья, — свердловчане. Строго говоря, это было не совсем так. Сергей Соловьёв и Владимир Карпов были жителями всё того же Свердловска-45. Ранее они уже неоднократно участвовали в совместных крупных экспедициях. И, пожалуй, не случайно, что два бывших выпускника школ этого города стали организаторами и участниками столь масштабного проекта.

Вспоминает житель Лесного Владимир Глухих, в то время зам. начальника механического цеха комбината «Электрохимприбор»:

— Нарты (тележки) делали в нашем и других цехах, а сборку осуществляли на 4-м заводе. Правда, получились они тяжеловатыми. Ещё у нас в цехе работал Фёдор Старостин, являвшийся руководителем базовой группы. Отвечая за безопасность и материальную часть экспедиции, он постоянно летал в базовые лагеря Уэлен, Чокурдах и другие.

Не будет преувеличением сказать, что на протяжении восьми месяцев буквально всё население закрытого города с воодушевлени-

► Полярные ездовые лайки на отдыхе

▲ Альберт Туманов. Привал

ем следило за ходом экспедиции, в которой участвовали их друзья и знакомые. В центре Свердловска-45, на пешеходном Коммунистическом проспекте, регулярно вывешивалась свежая информация с картой и маршрутом следования группы. Своих газет в засекреченном городе ещё не было.

По окончании путешествия ставшие знаменитыми полярники и их четвероногие друзья — ездовые лайки посетили Свердловск-45.

Владимир Глухих:

— В 1983-м ребята прилетали к нам на самолёте. В Таёжном их встречал лично директор завода Галин. Он и провёз их через КПП в город.

(Действительно, практически с момента основания города на площадке возле посёлка Таёжный, относящегося к Лесному, держали на экстренные случаи аэроплан. В конце 1950-х в Свердловск-45 даже прилетал тогдашний «хозяин» области — 1-й секретарь обкома партии А. П. Кириленко, впоследствии член Политбюро ЦК КПСС).

— На стадионе СК «Факел» ребят торжественно встречали многочисленные горожане. Володе Карпову тогда вручили ключи от квартиры. Остальных подарками тоже не обидели. Неделю они отдыхали и жили в деревянных домиках на Большой поляне «Журавлика» (городская база отдыха на берегу Нижнетуриинского пруда). Туда им регулярно привозили еду.

В молодом закрытом городе с населением немногим более

50 тысяч жителей самое пристальное внимание уделялось спорту. Здесь уже были свои чемпионы мира, Европы, страны и даже чемпионы и призёры Олимпийских игр.

Вспоминает один из бывших руководителей краеведческого музея Юрий Овсянников:

— В нашем музее была экспозиция, посвящённая полярной экспедиции. Висели фотографии. Были выставлены металлическая тележка и довольно тяжёлый телескопический подъёмник для антенны, изготовленные на комбинате. Также экспонировались малицы (длинная верхняя одежда северян из оленьих шкур мехом внутри с капюшоном и рукавицами мехом наружу). В музее тоже было организовано несколько встреч с полярни-

ками. Выступали они и по местному телевидению. Видеомагнитофонов ещё не было, и все телепередачи шли в прямом эфире.

Вспоминает Владимир Перминов, инженер-конструктор комбината «Электрохимприбор»:

— В конструкторском бюро нам с Фёдором Старостиным поручили спроектировать нарты (сани) из лёгкого и сверхпрочного титана. Мы даже надеялись, что они пойдут в серию. Но так как заказ поступил практически накануне старта полярной экспедиции, успели выпустить только один экземпляр. Его потом хотели забрать в Музей Арктики и Антарктиды. А весной 1983-го группе Соловьёва срочно понадобились тележки для ездовых собак из-за наступившей оттепели, к которой путешественники не были готовы. Сделав их, комбинат, по сути, спас полярную экспедицию.

Руководитель маршрутной группы Сергей Соловьёв в 1980-х являлся сотрудником УНЦ АН СССР и членом обкома комсомола. Уроженец Нижней Туры (ближайшего соседа Лесного), среднюю школу Сергей закончил в Свердловске-45. Уже тогда у него проявились лидерские качества и страсть к путешествиям. Затем была учёба в Тюменском индустриальном институте, где учился и его средний брат — Борис. К слову, старший брат Сергея, Юрий, трудился рабочим на комбинате «Электрохимприбор», стал мастером спорта по альпинизму, чемпионом СССР в составе сборной команды Минсредмаша, позднее был удостоен звания «Заслуженный спасатель

► Почтовое гашение в день завершения экспедиции. Мурманск

России». Далеко не последнюю должность на комбинате занимала сестра Нина, являвшаяся начальником планово-экономического отдела. Не без её усилий стала возможной поддержка полярной экспедиции комбинатом. Очень помог, используя свои связи в Москве, занимавшийся наукой Борис.

Справедливости ради стоит заметить, что итоги экспедиции оценивались всё же неоднозначно. Сам Сергей Соловьёв спустя 30 лет вспоминал: «Мы буквально тащили собак на себе, лишь бы доказать: невозможное осуществимо. И пусть твердят, что нас поддерживали по ходу следования, пищу с вертолета сбрасывали... Ничего подобного! Один раз скинули торт — и то, когда мы уже продвигались по европейской части материка».

Чтобы увеличить скорость продвижения, полярникам пришлось отказаться от громоздкой палатки. Спали каждый в своей малице, которую ненцы называют ещё куропачьим чумом («жилище в снегу»): «Капюшон — вместо подушки, снизу завязал — и дом готов!».

Владимир Глухих:

— Уже осенью 1983-го несколько человек поехало на Камчатку. Тогда этот район был закрытым. В Свердловске встретились с Соловьёвым. Он нам значков подарил и настоятельно посоветовал посетить Паратунку — знаменитое своими термальными водами («баней под открытым небом») село. А в Петропавловске-Камчатском нас встретили военные. Всё показали, везде повозили — Соловьёв договорился.

Другой житель Свердловска-45, участник экспедиции, — Владимир Карпов. Он уроженец некогда знаменитого на весь мир своими золото-платиновыми приисками поселка Ис, что всего-то в 16 километрах от Лесного. С 1975 года Соловьёв и Карпов участвовали в ряде крупных путешествий: по Ямалу, Чукотке, Камчатке, Якутии. Будучи по натуре человеком мастеровитым, Владимир сам конструировал некоторые экспедиционные принадлежности. В экспедициях выполнял обязанности радиста и завхоза. Работал Карпов непосредственно на комбинате «Электроримприбор» электровакуумщиком. При этом владел смежными профессиями токаря и стеклодува. А ещё имел спортивные разряды по волейболу, баскетболу, альпи-

▲ На встрече с жителями Булунского района Якутии. Слева направо: В. Рыбин, Ю. Борисихин, Ф. Ардеев, В. Карпов, С. Соловьёв

низму, парусному спорту, являлся высококлассным радистом. Друзья отмечали, что Владимир был спокойным и немногословным, оттого и прозвище ему дали — Рыба (карп).

Владимир Глухих:

— С Володей мы были друзьями. Не раз вместе рыбачили. Од-

нажды был такой случай. По зиме отправились с ним на Чёрное озеро (за Старой Лялей). Оно круглое, расположено на возвышенности. Устроились в охотничьей избушке. Ночью выхожу — вижу, лежит какая-то шкура, из неё пар валит. А это Володя в малице спит на снегу... Ещё он как-то говорил, что

привёз из полярной экспедиции 16 болезней, которые у него выявили при медицинском обследовании.

Экспедиция, несмотря на противоречивые мнения о ней, многими признаётся уникальной по протяжённости полярного маршрута и по сочетанию различных неблагоприятных для путешественников факторов. Чтобы оценить её значение, необходимо иметь в виду, что основной заявленной целью меро-

приятия являлись медицинские исследования. Предстояло выяснить, какие изменения происходят в человеческом организме под действием длительных неблагоприятных факторов. Нелишне привести напутственные слова в адрес полярников тогдашнего председателя президиума Уральского отделения Академии наук СССР, академика С. Вонсовского: «Ваша главная задача — выжить! И если при этом вам удастся пройти хотя бы

половину маршрута, это будет научный подвиг».

Эта задача была выполнена.

В интервью с путешественниками упоминалось, что в постоянную Комиссию по науке и технике Верховного Совета РСФСР был направлен отчёт, на основании которого принят ряд решений по освоению Севера. Всех участников маршрутной группы представили к государственным наградам. В частности, в представлении на Владимира Карпова от 15.08.1983 указано: «За участие в подготовке беспрецедентной в истории освоения Арктики трансконтинентальной полярной экспедиции, успешное её осуществление, за активную пропагандистскую, патриотическую работу, проявленные личное мужество и героизм т. Карпов В. К. представляется к награждению орденом Дружбы народов».

Спустя три года после полярной у группы Сергея Соловьёва была ещё экспедиция — на технических видах транспорта (мотонартах и мотоциклах) вдоль всего Уральского хребта: от Карского моря до Каспийского. Однако многим планам, связанным с Севером, не суждено было сбыться — возможно, из-за начавшейся в стране перестройки и последовавшего затем распада СССР. Говорить об уральских путешественниках прекратили. Вскоре не стало Владимира Карпова.

В 1990-х в городском музее Лесного экспозицию о полярной экспедиции сочли неактуальной. Экспонаты были далеко убраны и более не выставлялись. Многие пришли в негодность. В 2010-м, в период реконструкции музея, одному из авторов этих строк довелось кое-что увидеть: в частности, задвинутую в угол подвального хранилища и заваленную другими экспонатами тележку с логотипом «Советская Россия». Малицы уже были основательно побиты молью...

Жаль, что в Лесном теперь редко кто вспоминает Полярную экспедицию газеты «Советская Россия», а новое поколение лесничих и вовсе ничего о ней не знает. Даже в недавно изданной энциклопедии Лесного нет никакой информации. Хотя для нашего города факт непосредственного участия в первой трансконтинентальной полярной экспедиции, пробудившей интерес в стране и давшей дополнительный толчок к изучению Севера, думается, значителен. **✎**

Деревянный резной календарь

Среди многочисленных и в большинстве своем уникальных экспонатов Слободского краеведческого музея представлен деревянный резной календарь, выполненный на прямоугольной доске размером 25x40 см, что соответствует иконной доске, «девятерику», т. е. девяти вершкам (4,5 см) высотой.

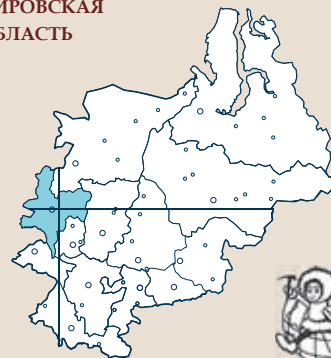
Есть описание деревянного календаря (Паса) XIV века, найденного в Пермской земле, который представляет собой шестигранную палочку длиной в четыре вершка, утолщенную в середине и разделенную вырезкой на две равные части. Число мелких насечек на гранях палочки — 365. На каждом ребре помещается по два месяца, разделенных по середине также вырезкой. Итого на шести ребрах размещены все 12 месяцев. Начало года помечено 1/III (марта). Нанесены и церковные праздники. В левой части палочки рисунок стилизованного всадника символизирует Юрьев день (святого Георгия), в правой части треугольник обозначает день Благовещения, следующий за ним знак в виде двух поперечных палочек и одной продольной — день Алексея, божьего челоука, и последний знак в виде рогатки — день сорока мучеников.

Слободской календарь также насчитывает 365 дней, расположение месяцев справа налево, что обусловлено, судя по всему, перечислением месяцев «посолонь», т. е. по Солнцу. Дни отмечены врезками сверху вниз, церковные праздники обозначены большими врезками и отмечены крестиком, земельские и общежитийные — просто увеличенными врезками. Первое число каждого месяца отмечено кружком. Если на него приходится православный праздник, то с правой стороны также поставлен крестик. Для остальных праздников крестик ставится внутри кружка. Можно предположить, что при пользовании календарь находился в горизонтальном положении на полке под киотом, на котором располагались иконы, в красном — восточном — углу

дома. Дни отмечались переключиванием по врезкам скорее всего какого-нибудь зернышка или бусинки. Год начинается 1/I (января), поэтому нижняя временная дата изготовления календаря определяется сразу — это XVIII в.

Високосный год на календаре не отмечен. Дело в том, что основное летоисчисление вела православная церковь и всегда можно было внести поправку вместе с переходящими православными праздниками. Благо, узнать было где. Только в г. Слободске (до конца XIX века город именовался Слободск) в конце XVIII — начале XIX века, это примерное время изготовления календаря, находилось

КИРОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Сергей Пленкин

Родился в г. Ухта Коми АССР. Окончил Московский техникум связи. Работая в телеателье г. Слободского, объехал всю территорию бывшего Слободского уезда. Активно занимается краеведением и древней историей Вятского края. Работы публиковались в газетах, альманахах, интернете.

два монастыря — мужской Крестовоздвиженский и женский Христорождественский, два собора — Преображенский и Вознесенско-Екатерининский, Троицкая кладбищенская церковь. Все строения каменные.

26 ноября (ст. ст.) — день св. великомученицы Екатерины — особо почитался жителями города и уезда. Дело в том, что г. Слободской и Слободской уезд — единственное место на просторах российских, где с древнейших времен до конца XVI века строились храмы и даже монастырь, а также приделы в церквях в честь св. Екатерины. В каждой церкви находился этот местно чтимый образ.

В г. Слободском церковь св. Екатерины и в старые времена была соборной, а в настоящее время — Кафедральный собор, вторая резиденция Митрополита Вятского и Слободского. Это говорит об уникальности города, заключающейся в том, что покровительницей его является св. Екатерина.

Основатель ислама, пророк Мухаммед в период арабских завоеваний выдал монастырю Святой Екатерины, находящемуся на горе Синай, охранную грамоту. Эта грамота гарантировала неприкосновенность также и всем монастырям и церквям, посвященным св. Екатерине, и их приходам, где бы они ни находились.

Андрей Боголюбский, благодаря намерениям и воле которого, хотя и после его трагической гибели, в 1181 году была основана и признана республика «Вятка» с центром в Слободском город-

ке, зная об этой грамоте, а распоряжения Пророка выполнялись беспрекословно, повелел во вновь образующихся селениях и городах Северо-Восточной Руси возводить храмы в честь св. Екатерины как центры распространения истинной веры и почитания Иисуса

Христа, одновременно защитив их от притязаний камских булгар, исповедующих ислам, у которых были отторгнуты эти земли. Впоследствии св. Екатерина охраняла город во время владычества в Вятско-Камском междуречье Золотой Орды и Казанского ханства.

Всего на календаре отмечено 46 праздников, нужно добавить еще 4 неотмеченных переходящих. Некоторые отмеченные праздники, такие как преподобной Марии Египетской, исправившейся грешнице и обретшей истинную веру (1 апреля); святого апостола Иоанна Богослова — наставника иконописного дела (8 мая и 26 сентября); св. бесребреников Косьмы и Дамиана-врачевателей, которым совершали молитву о прозрении разума к учению (1 июля и 1 ноября); св. евангелиста Луки — покрови-

теля иконописцев (18 октября); св. апостола Филиппа; преподобного Романа Чудотворца — помощь от бесплодия и бесчадия; преподобного Спиридона Тримифунского — исцеление неизлечимо больных. Последние довольно специфичны и к земледельческому делу отношения не имеют.

Это дает возможность предположить, что календарь был изготовлен в мастерских Слободского женского Христорождественского монастыря. На это указывают и буквы Х и У и полупрорезанная буква М — Христорождественский Уфимский монастырь. Такое название с прибавлением «... что в городе Слободском» монастырь носил с 1775 до 1823 года. Возможно, именно в этот период было налажено изготовление деревянных календарей и было произведено достаточно большое их количество, но распространение печатных календарей в конце первой половины XIX века положило конец этому промыслу, а уцелевшие календари после известных событий 20-30-х годов XX века исчезли в огне вместе с иконами. Наш, чудом сохранившийся, календарь лишний раз свидетельствует о том, что слобожане и жители Вятской земли были грамотными людьми, следили за временем, почитали праздники, хорошо трудились и веселиться не забывали. **УС**

Первооткрыватель Урала

Господин Гофман всюду, где бы он ни был, делал честь своей Родине скромностью, прилежанием и приятным характером.

А. Гумбольдт

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Участник многочисленных экспедиций. Автор более 600 научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

Иллюстрации
из архива автора

Урал — этот могучий, почти 2000-километровый рубеж, разделивший Россию на две неравные части — меньшую, Европейскую, и более обширную, Сибирскую, веками был своеобразной «крепостной стеной», не пускавшей на восток славянские народы. Окутанный массой легенд он внушал нашим предкам страх, и они боялись заглянуть в «сибирское Зазеркалье», пугаясь увидеть там что-то такое, что приведёт их в неописуемый ужас.

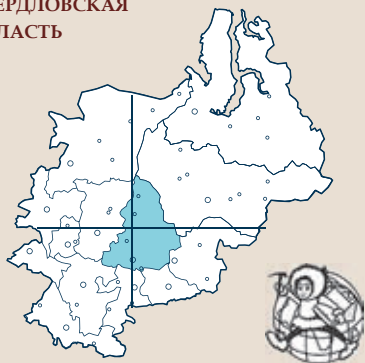
И русские, и европейские путешественники, а среди них было немало настоящих учёных, в XVIII и XIX вв. посещали Уральские горы, как правило, проездом в Сибирь или следуя обратно, никто из них подробно не исследовал этот уникальный горный пограничный рубеж.

Среди наиболее известных путешественников и учёных, которым первыми посчастливилось побывать на Урале, были преимущественно немцы. Среди них Иоганн Георг Гмелин (1709–1755), который во время работы академического отряда 2-й Камчатской экспедиции в 1733 г., по пути на Дальний Восток, организовал сбор естественноисторических коллекций, провёл метеорологические наблюде-

ния на Урале, побывал в Екатеринбург и его окрестностях, в Уктусе, на реке Урал, осмотрел и описал местные заводы (в частности, Полевской). Отметился на Урале и Н.Х. Агте (1816–1868). Один из энциклопедистов первой половины XIX в., учёный-естествоиспытатель Фридрих Вильгельм Генрих Александр Фрайгерр фон Гумбольдт, более известный как Александр Гумбольдт, в сопровождении химика и минералога Густава Розе и ботаника-зоолога Густава Эренберга в первых числах мая 1829 г. выехал из Петербурга на Урал в сопровождении чиновника Горного ведомства Меньшинина и прикомандированного к экспедиции курьера. Объехав и изучив все рудники и за-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

◀ Западноевропейская карта с изображением Урала и Сибири

▶ Э.К. Гофман

воды Центрального Урала, экспедиция проследовала через Тюмень в Тобольск. Изучал Уральские горы и профессор натуральной истории, шведский исследователь Иоганн (Юхан) Петер Фальк (?-1774), чьи полевые исследования охватили некоторые районы Оренбургской губернии, а также часть Среднего и Северного Урала. Именно Фальк первым выделил на Урале три крупные части – Башкирский, Екатеринбургский и Верхотурский Урал. Позднее они стали называться Южным, Средним и Северным Уралом.

Урал стал одним из основных регионов во время знаменитых путешествий по Российской империи Петра Симона Палласа (1741–1811), в 1769–1774 гг. руководившего первой Оренбургской физической экспедицией. Пребывание на Урале заняло у Палласа всего полтора месяца, но за это короткое время ему удалось осмотреть интересные районы и сделать ряд открытий. Он первым установил различия геологического строения западного и восточного склонов Уральских гор и отметил, что с этим связан разный тип полезных ископаемых. На г. Качканар Паллас открыл железную руду. Много внимания уделил изучению растительного покрова (особенно лекарственных трав) и животного мира. В 1778 г. его научные труды были оценены в России большой академической золотой медалью за «приложенные им труды, тщание и искусство в порядке и установлении натуральных вещей в Кунсткамере». В Кунсткамеру поступили коллекции по геологии, зоологии, ботанике

▶ Фрагмент карты с селением Троицк

и этнографии этого региона (предметы быта приуральских народов – марийцев, мордвы, чувашей и башкир). В память о деятельности П.С. Палласа на Урале уже в наше время (март, 2001) одну из его вершин назвали горой Палласа.

Но настоящим «первооткрывателем» Урала стал Эрнст Карлович (Эрнст Рейнгольд) Гофман (1801–1871). В 1819–1827 гг. он учился на медицинском факультете Дерптского (ныне Тартуского университета в Эстонии). Обучение Гофмана на третьем курсе вдруг было прервано; в 1823 г. в качестве геолога Эрн-

ста отправили в небывалое тогда путешествие — кругосветное плавание на шлюпе «Предприятие», под командой капитана О.Е. Коцебу. Продолжавшее три года плавание принесло Эрнсту Карловичу лавры покорителя морских просторов, новых и малоизученных земель, а важнейшие научные результаты своих исследований были им опубликованы в 1829 г. в Берлине в статье на немецком языке, до сих пор остающейся не переведённой на русский. Так что Гофман окончил университетский курс только после возвращения на родину, в 1827 г., и в том же году представил к защите научную работу «Геологическое описание Гохланда в Финском заливе», за которую получил степень кандидата наук по философии.

Как и многих членов тогдашней Российской Академии наук, Гофмана в числе европейских учёных пригласили в Россию (своих научных кадров в стране пока ещё не было). Уместно заметить, что до приезда в Россию в 1830–1832 гг. Эрнст Карлович «стажировался» в престижных университетах Германии — Берлинском и Гейдельбергском, у известных немецких профессоров по зоологии, географии, геологии и минералогии, а потому получил ещё дополнительно блестящее послеуниверситетское образование. В 1837–1842 гг. Э.К. Гофман — экстраординарный профессор, а затем заведующий кафедрой

минералогии и геогнозии (геологии), декан философского факультета Киевского имени Святого Владимира, а в 1845–1863 гг. – Петербургского университетов. Он дослужился до звания полковника, впоследствии стал генерал-лейтенантом Корпуса горных инженеров. Посвятил свою жизнь изучению природы Эстонии (своей родины), Украины и Крыма, Присаянья и Прибайкалья, юга Камчатки, северо-западного побережья Русской Америки, а главное – Уральских гор.

Принёсший ученому славу первопроходца и первоисследователя Урала период жизни начался в 1828–1829 гг., когда русское правительство направило специальную экспедицию на Южный Урал. Южноуральская экспедиция была одной из многих, которые с 1830-х гг. Горный департамент Министерства финансов России отправлял в разные районы империи на поиски золота. Перед Южноуральской экспедицией стояла задача «производства геогностических (геологических. – Авт.) исследований и отыскания золота на пространстве от округа Миасского завода до Губерлинской крепости, а также для определения высоты г. Оренбурга над Каспийским морем». Золота она не нашла, но параллельно с изучением геологии (геогнозии и минералогии) Оренбургского края исследователи измеряли высоту гор и истоков рек, вели наблюдения за грунтами (почвами) и растительным покровом. В биографии учёного и путешественника Э.К. Гофмана Южноуральская экспедиция стала первой, связавшей его с этой уникальной горной страной.

В 1828 г. экспедицией был обследован бассейн р. Урала, совершен ряд восхождений на горы Ирмель, Таганай и др., ученые посетили зауральские степи. В той части Южного Урала, где находятся наиболее высокие горы, путешественники выявили строгую схему расположения их хребтов и отрогов, истоков рек, выделили три меридиональные горные цепи, «к югу раскрывающиеся в виде опахала». «Первая, западная, – самая высокая, включает отдельные продолговатого вида сопки» до высоты 1200 м (наиболее высокая часть Южного Урала. – Авт.); «средняя цепь (Уралтау) – скалистая, поросшая густым лесом и на склонах – болотистая» (высота её 800–900 м. – Авт.); «Восточная цепь», представленная на севере Ильменскими горами, а южнее хребтом Ирэндык, состоит из гранита и весьма бога-

та различными произведениями минерального царства». Интересный вывод о южной оконечности Урала – Мугоджарах (ныне они территориально принадлежат Казахстану) сделал Э.К. Гофман и его спутник по экспедиции Г.П. Гельмерсен: «Южная оконечность Уральского хребта заключается не в Усть-Уртской высокой равнине (современное плато Устюрт. – Авт.), а в Мугоджарах». Их вывод подтвердили геологи только в советское время: тектонически Южный Урал связан с Мугоджарами.

Летом 1829 г. исследователи продолжили работы на Южном Урале, уделили большое внимание изучению зауральских степей к северо-востоку от Троицкой крепости. Степи здесь «начинаются от Орска и тянутся до Троицкой крепости», а редкие участки леса «располагаются по самым высоким местам увалов, спускаются и к долинам рек; они состоят из берёзы и осины. Ни липы, ни дуба, ни клёна, ни тлихты, которые встречаются в изобилии на западном склоне Урала, здесь вовсе нет».

Главным же результатом его путешествия, причём не научным, а скорее эмоциональным, стало то впечатление, которое произвёл на уже немало повидавшего на свете исследователя «седой Урал». Гофман был очарован теми картинами, которые открывались перед его глазами, – поросшие «диким» лесом хребты, утёсы самых немислимых форм, сложенные причудливым образом залегающими пластами обрывы и скалы, формы выветривания, многое другое уже так стало беречь душу естествоиспытателя, что жить без этого он более не мог.

Затем последовала экспедиция на Северный Урал, в которой Э.К. Гофман принимал самое деятельное участие. За пять лет (1830–1834)

► Полярный Урал

экспедиции удалось пройти всего лишь 430 км (по широте от 60°40' до 64°10'), но зато где – по неисследованной местности, впервые описав узкую (до 60 км) полосу восточного (азиатского) склона Урала, ограниченную на западе непрерывным хребтом – утесистыми, слабо залесёнными громадами, вытянутыми строго на север. За особые заслуги перед Горным ведомством и Корпусом горных инженеров (с 1865 г. – Горный институт) Эрнсту Карловичу был присвоен чин полковника.

В январе 1845 г. Гофман стал ординарным профессором, заведующим кафедрой минералогии физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1846 г. Императорское Русское географическое общество (ИРГО) организовало крупную экспедицию для изучения границы между Европой и Азией на всем протяжении Северного Урала, в ту пору почти не изученной. Её возглавил профессор Э.К. Гофман. (Эта экспедиция часто называется Североуральской экспедицией ИРГО). Она стала первым официальным мероприятием только что начавшего свою деятельность ИРГО. Помимо Гофмана в её состав вошли горный инженер Никифор Ильич Стражевский, сопровождавший Эрнста Карловича в предыдущей экспедиции, астроном Мариан Альбертович Ковальский и два топографа. Вторая Уральская экспедиция, связанная с изучением этой удивительной горной страны, – грандиозное предприятие в биографии Э.К. Гофмана.

Весной 1847 г. экспедиции предстояло изучить западные предгорья и водораздельный хребет Северно-

► Северный Урал

го Урала. Исследователи поднялись по Печоре до устья р. Уньи, откуда и начали работу, разбившись на два отряда. Сразу же они столкнулись с величайшей помехой — гнусом. Летом отряд, двигаясь к северу, проследил и нанес на карту истоки Печоры и все течения ее крупных верхних притоков (Уньи, Ильча, Подчерема, Щугора), открыл ряд парм, протягивающихся за Печорой параллельно Уралу более чем на 300 км (от 61°10' с.ш. до 64 °С.ш.), в том числе Высокую Парму (150 км) и Ыджидпарму (150 км).

Отряд Стражевского (топограф Дмитрий Филиппович Юрьев) летом прошёл гребнем Уральского хребта от 62° до 64 °С.ш. Маршрут отряда в основном пролегал труднопроходимой таёжной чащобой, где путешественники прорубали себе дорогу и расчищали прогалины топорами. К западу и востоку, писал М. А. Ковальский, поднявшийся на гору у 62 °С.ш., «... *глаз встречает... бесконечное море лесов, прорезанное змеобразно реками, которые при солнечном свете своим серебристым блеском кажутся рельефными*

на черной поверхности леса». Он выяснил, что к северу от 62 °С.ш. Урал «*вдруг быстро понижается, хотя боковые кряжи достигают значительной высоты*». До 62°30' с.ш. от непрерывного главного кряжа отходят на запад отроги; далее до 63 °С.ш. Урал состоит из нескольких малых хребтов, «*не имеющих правильного расположения, и линия водораздела становится весьма извилистой*». Между 63 и 64 °С.ш. р. Щугор делит хребет на две почти параллельные ветви, причем восточная (водораздельная) ниже западной.

От истоков Щугора соединившиеся отряды Гофмана и Стражевского перевалили Урал. «*Дождь и снег были нашими спутниками*». Зима наступила прежде, чем путешественники достигли р. Сосьвы, но они все же успели спуститься до города Берёзова, откуда отправились в Екатеринбург, а Гофман — в Петербург.

Летом 1848 г. экспедиция продолжила работы. От Берёзова по Оби ее участники спустились до устья Войкара, неширокой, но сравнительно глубокой реки с множеством валунов, разбросанных по долине. Река

текла в глубоком, но узком ущелье, проехать по нему на гружёных оленьих упряжках не было возможности. «*Олени из-за этого путались рогами в ветвях, нарты опрокидывались, задевая деревья*». Только искусство проводников-остяков позволило избежать больших неприятностей. Здесь экспедиция разделилась на два самостоятельных отряда.

Отряд Гофмана двинулся в сторону Северного Ледовитого океана, а отряд Стражевского — на юг, по водоразделу Уральских гор, к Берёзову.

В середине июля Э.К. Гофман со своими спутниками достиг подножий горы Пай-Ер, одной из наиболее высоких на Полярном Урале. Вершина этой горы «*намного выдаётся вверх из черты окружающих её высот, бока её круты и стремнисты. Снег никогда не тает на ней совершенно*». Перевалив в этом месте через Уральский хребет на его западный склон, Гофман достиг р. Усы вблизи её истоков, самого крупного притока Печоры. Тут инородцы-оленьеводы пасли свои стада, и путешественники, закупив у них свежих оленей, 30 июля подошли к истокам р. Кары.

В начале августа отряд Эрнста Карловича был в самой северной части Уральского хребта, там, где горы разделяются на три невысоких самостоятельных поднятия – Арка-Пая на северо-востоке, Минисей на севере (культовое место у самоедов-ненцев) и безымянной вершины на северо-западе. *«Эта безымянная гора служит пунктом, с которого взор углубляется в Ледовитое море – это пограничная твердыня двух частей света».* Участники экспедиции назвали её Константиновым Камнем, в честь тогдашнего президента ИРГО, великого князя Константина Николаевича Романова. В честь этого знаменательного события на вершине горы была возведена пирамида из трёх каменных плит. Гора Константинов Камень, хоть и невысокая, всего 492 м, но с её вершины открывается очень эффектный вид: *«Перед нами открылся вид поразительный. Это была действительно самая северная гора Уральского хребта, круто падающая в тундру. С высоты её взор беспрепятственно достигает непрерывную равнину моря, отстоящего на 40 или 50 вёрст».*

Обогнув Константинов Камень и двигаясь ещё далее на север, экспедиция следовала вдоль невысокой горной цепи, параллельной берегу Байдарской губы Карского моря. Достигнув одной из северных её вершин – горы Сале-Пай, путешественники убедились, что этим невысоким хребтом, состоящим из отдельных сопков и гряд, заканчиваются Уральские горы на материке. Новая цепь была признана Гофманом и Ковальским

самостоятельным хребтом, названа Пай-Хоем, что в переводе с ненецкого означает «Каменный хребет», и нанесена на карту. Во время открытия Пай-Хоя Э.К. Гофманом ещё не была доказана его генетическая связь с Уралом, а потому путешественник считал его самостоятельным горным образованием. В своём заключении Эрнст Карлович исходил из того, что *«низкогорная цепь Пай-Хоя отрезана от собственно Уральских гор полосой низкой тундры шириною в 40 вёрст; к тому же направление Пай-Хоя отклоняется о направления Урала на полных 90°».* Поэтому по происхождению Гофман связывал Пай-Хой не с Уралом, а с более древним Тиманским кряжем, удалённым от Уральского хребта почти на 400 км, отмечая, что *«Пай-Хой можно назвать хребтом, прорезанным до самой подошвы множеством глубоких долин. Он же отличается своим геологическим строением от Урала».*

Пройдя вдоль моря севернее Пай-Хоя, Гофман обследовал его южный склон, пересёк кряж по долине притока Кары и вышел осенью к его юго-восточному краю. На лодках Эрнст Карлович со своими спутниками спустился по р. Воркуте (правый приток р. Усы) и по Усе добрался до Печоры. В сентябре-ноябре, уже зимним путём, он через Мезень и Архангельск вернулся в Петербург.

Другой отряд экспедиции под начальством М.А. Ковальского после открытия Константинова Камня с проводником прошёл вдоль карского побережья от устья р. Байдараты до устья р. Кары. Отсюда путеше-

ственники повернули назад и вышли к р. Щучьей (эта река течёт с восточного склона Урала по югу полуострова Ямал), затем на лодке спустились по ней до Оби, в Обдорск. Этому отряду экспедиции Э.К. Гофмана не повезло. Оказавшись в Зауралье, М.А. Ковальский и его спутники попали на территорию, охваченную страшной болезнью – сибирской язвой. Путешественники, бросив провиант, свыше 200 км по дёбрям *«пеишом, без проводника 22 дня странствовали между Уральским хребтом и рекой Обью по дикому долу, наполненному непроходимыми топями, питаюсь мхом, грибами и ягодами. <...> Каждый день лишались мы множества оленей и ещё большее число принуждены были убивать, потому что они не в силах были идти вперёд; поэтому мы проходили в сутки не более 6 или 7 вёрст».*

Открытие Пай-Хоя стало одним из главных достижений экспедиции Э.К. Гофмана в 1848 г.

Третий полевой сезон (1850 г.) экспедиции Э.К. Гофмана был посвящён исследованию западной и центральной части гор, восточного склона Северного Урала южнее истоков р. Войкар. И на этот раз отправной точкой экспедиционного маршрута стала Чердынь. Сначала, по Више-

► Средний Урал. Река Усьва

▼ Северная оконечность Югорского полуострова и Пай-Хой

ре и её притоку Колве, путешественники прошли в глубь западного склона Урала. Здесь, за обширной болотистой низиной, где текут эти реки, Гофман и его спутники увидели цепь хребтов северо-западного простирания, которую Эрнст Карлович назвал Поллодовым кряжем (его длина около 100 км).

Отсюда, достигнув Печоры, путешественники направились к устью Щугора и стали подниматься вверх по его течению и главному притоку реки, Большому Патоку, к горному массиву Сабля. Вот что записал в своём путевом дневнике Эрнст Карлович: «Сабля не составляет от Урала изолированного хребта, а только западную её отрасль. Её четырнадцать зубчатых вершин не были покрыты снегом, но он одевал всю остальную её мас-

су. Величайший шпигц похож на острый гвоздь и не представляет никакой возможности для восхождения». В этом районе Урала путешественники посетили другую не менее удивительную горную вершину, одну из самых высоких гор, — Манарагу. В описании Э.К. Гофмана она и впрямь выглядит загадочной: «Извилины долины открыла перед нами боковой вид на Манарагу, тогда её звездеобразный шпигц явился необыкновенно зубчатою вершиною. По этой вершине гора получила своё самоедское имя, которое по истолкованию нашего переводчика значит «Медвежья лапа»». Эта наиболее высокая и труднодоступная часть Уральских гор получила название Приполярный Урал.

Двигаясь на нартах к северу, Гофман попутно открыл небольшие хребты Западные Саледы и Обезиз (примерно у 65°30' с.ш.). От этого «высокого и дикого узла гор» он прошел со съемкой на северо-восток

◀ Приполярный Урал. Гора Манарага

▲ Средний Урал. Река Белая

до 66 °С. ш., а затем спустился на плоту по Лемве и Усе до Печоры и в конце августа вернулся в Чердынь. В сентябре он поднялся на лодке по Вишере и перевалил Урал. При этом у 60°30' он открыл небольшой меридиональный хребет Кваркуш и взобрался на Денежкин Камень (1492 м).

Итак, итогом трёхлетних исследований на Урале первой экспедиции ИРГО – Североуральской, ставшей одновременно и второй в географии Эрнста Карловича Гофмана, стала выполненная на основе инструментальной съёмки карта Северного Урала – «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой», территории Российской империи, равной по площади нескольким европейским государствам. Эту карту составил его спутник по экспедиции – Мариан Альбертович Ковальский. На ней, как писал Ковальский, «названия местностей и рек приняты те, которые употребляют местные жители», русские же названия в основном были даны для давно освоенной ими долины Печоры и севера Уральских гор. Карта была опубликована в 1853 г. в Петербурге на русском и немецком языках. В наше время эта область Уральского хребта подразделяется на Северный, Приполярный и Полярный Урал. Был открыт и хребет Пай-Хой – связующее звено между собственно Уральскими горами и Новой Землёй, её генетическим продолжением.

Ещё одним итогом экспедиции явился и труд её топографа Д. Ф. Юрьева – «Топографическое описание Северного Урала» (СПб, 1852 г.). Небезынтересно, что прило-

женная к двухтомнику карта явилась первой изданной картографической работой ИРГО, для того времени это была самая точная и полная карта.

В ходе этого этапа уральских путешествий Э. К. Гофман выяснил, что Урал сохраняет направление, почти совпадающее с 59-м меридианом более чем на 16 градусов (48°45–65 °С. ш.). Но у 65 °С. ш. «хребет расширяется, углубляется в равнину, поднимаясь вместе с тем до наибольшей высоты... [и] резко поворачивает к востоку...». Он подметил также, что за 65°30' с. ш. Урал очень сужается, исчезают продольные котловины, «но многочисленные поперечные долины дают проход его водам на обе стороны. Эти поперечные долины, глубоко прорезанные... придают [горам] разорванный вид».

Кроме того, им впервые в географии было доказано, что между 60°30' и 67°30' с. ш. реки восточного склона Урала принадлежат бассейну Оби, а западного – Печоры. К северу же от 67°30' с. ш. реки впадают непосредственно в море; из них крупнейшая – Кара. Топографы экспедиции засняли все крупные уральские притоки Печоры и ее верхнее и среднее течение, закартировали пармы западного склона и весь Урал от 60°30' с. ш. до Карского моря, а также Пай-Хой. В ходе экспедиции были собраны богатые коллекции минералов и горных пород, гербарий, предметы быта аборигенов, сделаны чучела животных и др.

Но на этом работы Э. К. Гофмана на Урале не закончились. По прошествии нескольких лет, уже когда Эрнст Карлович занял должность профессора Петербургского университета и Горного института, будучи в чине генерал-майора, в 1853–1859 гг., ежегодно, с конца весны до начала осени, освободившись от педагогической деятельности, он занимался геологическим изучением Богословского, Воткинского, Пермского, Екатеринбургского, Златоустовского и Гороблагодатского горных округов. По современному административному делению эти горные округа соответствуют территориям

Свердловской и Челябинской областям, Пермскому краю и Удмуртии.

В летнее время 1853–1859 гг. состоялась еще одна экспедиция Э. К. Гофмана – по горным казенным округам хребта Уральского – Богословскому, Гороблагодатскому, Пермскому и Воткинскому, Екатеринбургскому и Златоустовскому. Густой сетью маршрутов, протяженностью в несколько тысяч километров, была покрыта площадь, в наши дни соответствующая горным районам Пермской, Свердловской и Челябинской областей (последняя только в северной ее части). Для этой территории Э. К. Гофманом составлены детальные геогностические (геологические) карты и около 20 геогностических профилей.

Последней экспедицией, которой руководил Э. К. Гофман, была поездка в 1864 г. на Южный Урал. Вскоре по здоровью ему пришлось покинуть Санкт-Петербургский университет. К тому времени он проработал на пользу геологии, минералогии и образования юношества в общей сложности 40 лет.

Заслуги Э. К. Гофмана перед Отечеством были отмечены орденом Святого Владимира (за работу в кругосветном путешествии). Его имя красуется и на географической карте России. В устье р. Кары в его честь назван один из географических объектов – «Мыс Полковник». В 1929 г. на массиве Сабля (Приполярный Урал) геологом А. Н. Алешковым был открыт ледник, получивший название «Ледник Гофмана». Он стал первым из ледников Урала, открытие которого послужило толчком к дальнейшим поискам и изучению современного и древнего оледенения в Уральских горах. Интересно отметить, что сам Гофман, следуя с отрядом вдоль массива Сабля в 1850 г., никакого ледника не обнаружил. Более того, он вообще отрицал современное оледенение на Урале вследствие небольшой высоты этих гор. Гофман писал: «Ни одна из горных вершин Урала не достигает области вечных снегов». Теперь мы знаем, что он ошибался. **УС**

► Полярный Урал

▼ Вид села Кын

110 лет с именем издателя-просветителя

В Кыновском заводе графа С. Г. Строганова в XIX веке было четыре школы и заводское трехклассное училище. Одна из школ носила имя

А. С. Пушкина. Во всех учебных заведениях работали свои библиотеки, созданные на средства заводской общности.

Наталья Клячина

С 1995 года возглавляет павленковскую библиотеку в селе Кын. Библиотека активно сотрудничает с детским садом, школой, сельским Домом культуры, художественной школой. Но главный интерес библиотеки — краеведение. Собран материал по истории библиотеки, воспоминания старожилов, изучаются архивные документы.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

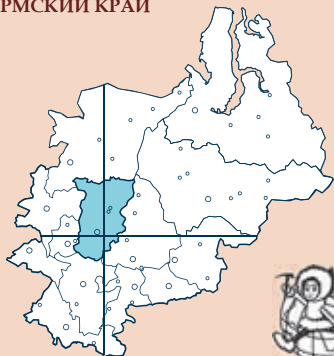

Фото автора

В 1907 году Пермское губернское земское собрание разрешило открыть в Кунгурском уезде 28 народных библиотек при начальных училищах — на совместные средства земства и издателя-просветителя Флорентия Федоровича Павленкова. В их числе была и библиотека при Кыновском училище, которая начала работать в 1909 году. Распорядился ею сам заведующий училищем. Пользовались училищной читальней все жители села.

В фонде библиотеки были книги самой разнообразной тематики: художественные, исторические, по ведению крестьянского хозяйства, религиозные и др. Русская и зарубежная классика была представлена именами Л. Толстого, В. Гаршина, М. Горь-

кого, Л. Андреева, В. Вересаева, В. Короленко, А. Герцена, Г. Успенского, М. Салтыкова-Щедрина, Э. Войнич, Г. Гауптмана, В. Гюго, Э. Золя. Библиотека выписывала еженедельный иллюстрированный журнал «Санкт-Петербург».

После революции 1917 года школы на окраинах села были закрыты. Дети стали учиться в школе 1-й ступени — бывшем училище. Часть книг из школьных библиотек передали в эту оставшуюся школу. А основной фонд поступил в сельскую библиотеку, расположенную в здании волостного правления. В 1924 году это здание сгорело. Таким образом, в Кыну осталась одна павленковская библиотека, которую называли в то время избой-читальней.

В архивах, к сожалению, не сохранилось сведений о том, кто работал здесь в то время. В 20-е годы культурная жизнь села Кын кипела ключом. Был создан агиттеатр, который вскоре объединился с драмкружком. Этот творческий коллектив выступал перед жителями Кына, соседних деревень, ез-

дил к лесорубам и сплавщикам. Включился в эту работу и библиотекарь избой-читальни. Летом на полубарках, а зимой на лошадях творческая бригада объезжала лесоучастки, где рабочие жили месяцами и даже годами. Ставили концерты, спектакли, читали лекции. Женщины чинили одежду и рукавицы лесорубам, наводили порядок в общежитиях. Библиотекарь выдавал книги, журналы, газеты, проводил громкие читки.

Библиотека и клуб в предвоенные годы были центрами общественной и культурной жизни на селе. В то время избачом был Бахарев. Если вовремя не заготавливали дрова и в избой-читальне было холодно, обсуждали проблему на партийных собраниях.

В 1940 году избачом стал Иван Александрович Ведерников. Помимо обслуживания читателей, он организовал из колхозников музыкальный ансамбль, играл на различных инструментах, сам делал гусли, гитары.

С 1941 года библиотеку возглавила Екатерина Ивановна Шабали-

на — человек высокой культуры, большой души, интересной биографии. Она родилась в 1892 году в семье рабочего Лысьвенского завода. Окончила 3 класса начальной школы. Рано увлеклась поэзией, знала множество стихов, читала их со сцены. В 1909-м вышла замуж за рабочего-подпольщика. Последовали частые переезды из города в город: Чусовой, Невьянск, Петербург... Екатерина Ивановна работала портнихой, кассиром, машинисткой, выполняла поручения большевиков. Постоянно занималась самообразованием. Заведовала отделом губернского исполкома и губернского комитета ВКП (б) в Екатеринбурге, женотделом в Нижнем Тагиле, работала в Свердловском радиоцентре.

В 1931 году она вернулась в родную Лысьву, работала в редакции газеты «Искра», в городском Совете депутатов. Кыновская библиотека в это время находилась в доме заводууправляющего. Здесь же размещался и молодежный клуб. Фонд насчитывал всего 400 экземпляров. Актив читателей был небольшим. Екатерина Ивановна приложила все силы, чтобы возродить библиотеку. При ней фонд возрос до 1600 книг, а число читателей — до 500. Она успешно совмещала заведование библиотекой и клубом. Нередко сама писала сценарии праздничных или политических мероприятий, организовывала их постановку и проведение. В клубе создала хор русской народной песни, который выступал в колхозных бригадах, на участках лесозаготовки, городских смотрях художественной самодеятельности.

В годы Великой Отечественной войны Екатерина Ивановна сумела собрать крепкий актив из числа сельской интеллигенции и колхозников. Совет библиотеки организовывал бригады по сбору грибов и ягод. Толь-

▲ Е.И. Шабалина (сидит). 1954 г.

▲ Н.Ф. Пестова

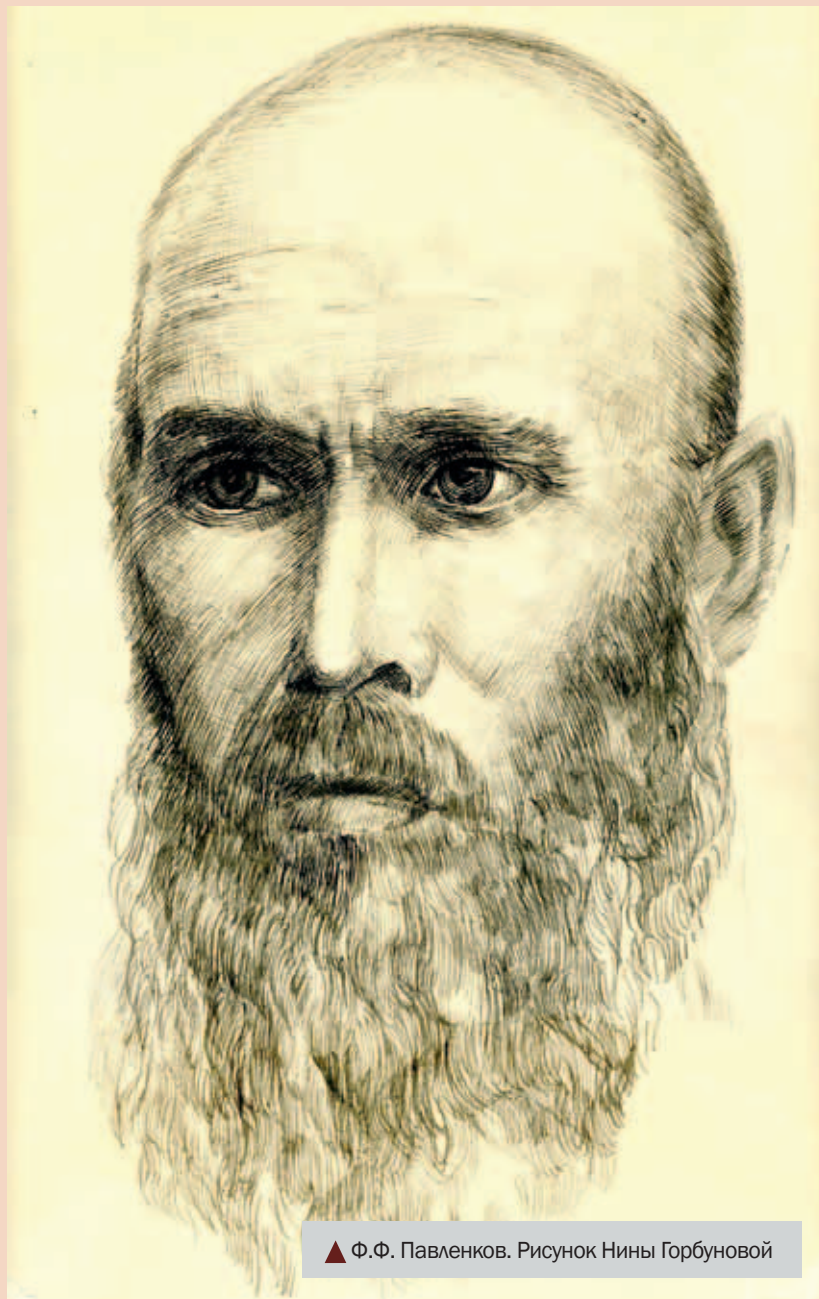
ко в 1941 году было собрано и сдано в сельскую потребительскую кооперацию свыше 500 кг даров леса. Домохозяйки помогали убирать зерновые в колхозе имени Сталина. Библиотека и клуб никогда не пустовали. Зимними вечерами здесь затевали посиделки. Пели песни, сочиняли частушки, устраивали громкие читки. Женщины вязали носки и варежки, а затем собирали посылки и отправляли на фронт. В клубе действовали различные кружки, принимались зачеты по военному делу у будущих воинов. К 1951 году библиотеку посещали уже около 900 читателей. В 1952 году стараниями Екатерины Ивановны открылась изба-читальня в деревне Веселый Луг недалеко от Кына. Книги сюда доставляли из кыновской библиотеки.

В 1954 году библиотека переехала в здание сельсовета. Небольшое помещение буквально заполнилось книгами. Сюда приходили колхозники, учителя, врачи, школьники. Библиотеке присвоили статус городского филиала № 3. Появилась еще одна ставка. Шабалина пригласила в библиотеку Ангелину Алексеевну Сивкову, а сама вышла на заслуженный отдых. Короткое время в библиотеке работали С.С. Кормило и Л. Попкова.

Тогда же в село приехал создатель и руководитель Уральского народного хора Лев Львович Христиансен. Екатерина Ивановна поделилась с ним собранным ею материалом о свадебных обрядах. Большая часть песен, записанных в Кыну, вошла в сборники «Уральские народные песни» и «На Западном Урале». Лев Львович Христиансен высоко оценил постановку «Уральской свадьбы», осуществленную силами местной самодеятельности.

В 1957 году заведующей стала Лидия Карловна Прозоровская. Вместе с А.А. Сивковой они сотрудничали с Кыновской средней школой: читали в классах новые книги, проводили беседы о малоизвестных произведениях, детские утренники, читательские конференции. Для учащихся младших классов устраивали театрализованные представления, инсценировали сказки.

В активе библиотеки работали Т. Мезенцев, Л. Чудинова, П. Чазов, Рачева, В. Дылдина, Н. Носкова и др. Во время заготовки кормов и уборки урожая они посещали бригады и фермы колхоза имени Сталина, оформляли выставки новинок, пропагандировали передовой сельскохозяйственный опыт. Активистка Люся Чудинова зимой и летом с тяжелым вещевым мешком за 15 километров добиралась из Усть-Серебряной до библиотеки, чтобы поменять прочитанные книги.

▲ Ф.Ф. Павленков. Рисунок Нины Горбуновой

На ферме Долгий Луг у доярки Рачевой всегда имелся десяток-другой книг для колхозников.

В 1961–1968 годах библиотеку возглавляла Ангелина Алексеевна Сивкова. В 1963-м после пожара библиотека переехала в старый дом по улице Революции. Происходила частая смена кадров. Трудились Галина Леонидовна Тиунова, Мария Осиповна Кыласова, Л. Носкова, Руфина Васильевна Щербакова. Состав читателей заметно молодеет. Здесь проходили заседания комитета комсомола, библиотекари шефствовали над молодежной фермой «Кошкина деревня». Передвижки работали на ферме «Долгий Луг», в деревне Кумыш, где книги выдавал К.Ф. Судоргин. В начале 1970-х библиотека села Кын стала филиалом № 3 Централизованной библиотечной системы.

Проведена работа по слиянию фонда библиотеки с единым фондом ЦБС: были написаны индикаторы на все издания, создан справочно-библиографический аппарат...

С 1976-го по 1992 год библиотеку возглавляла Нина Федоровна Пестова. В эти годы в библиотеке активизировалось краеведение. К 60-летию освобождения Урала от Колчака был проведен цикл лекций о событиях, происходивших на территории села в годы Гражданской войны, беседа о А. Новикове «Его именем названа улица нашего села» и др.

В разное время здесь работали Л.А. Кайгородова (1981–1993), М.О. Кыласова, Р.В. Щербакова, Н.А. Ялунина, И.А. Цыпляев и другие. Частая смена

библиотекарей не могла не повлиять на качество обслуживания читателей.

Краеведение и сегодня — основное направление работы. Сейчас библиотека расположена в помещении детского сада. Здесь тепло и уютно. Но «сфера влияния» библиотеки — все культурное пространство села Кын. В октябре 1999 года в Центре культуры и досуга был проведен заключительный этап областного смотра-конкурса «Павленковские библиотеки». На праздник «возвращения к истокам», посвященный 90-летию со дня основания библиотеки, съехались гости из шести городов области. В 2000 году библиотеке возвращено имя Ф.Ф. Павленкова и присвоен статус «Павленковская библиотека». В 2001-м оформлен стенд «Возвращение к истокам», оформлена постоянно действующая выставка «Странный миллионер», посвященная Ф.Ф. Павленкову. В 2004 году на празднике-смотре сельской самодеятельности «Кыновские зори» был отмечен 95-летний юбилей библиотеки.

В 2006 году заведующая библиотекой заняла первое место в районном конкурсе «Экологическое просвещение населения» в номинации «Лучшая экологическая акция». Она называлась «Письмо представителю власти». С учащимися 2–9 классов Кыновской школы был организован поход в лес и беседа о бережном отношении к природе. Ребята побывали в роли экологов и оценили состояние лесного массива, а затем написали письма главе администрации Кыновского сельского поселения и главе районного муниципального образования. Проблемы, изложенные в детских письмах, привлекли внимание органов самоуправления. На письма ответили глава Лысьвенского муниципального района С.А. Рихтер и директор комитета по охране

▼ Интерьер библиотеки

▼ Праздник весны

окружающей среды и природопользованию С.В. Михута. Проведен отчет перед населением.

Используя опыт российских коллег, библиотека оформила нетрадиционную книжную выставку «Чемодан приключений».

История Кына богата интереснейшими событиями. Вблизи Кыновского завода нашли главный символ пермского звериного стиля — бляху «медведя в жертвенной позе». Кын-завод — это родина российского бизнеса. В 1864 году в заводском поселке возникло первое в России кооперативное общество потребителей. В окрестностях Кына в годы Гражданской войны шла знаменитая «война бронепоездов» между белыми и красными. В Кыну в 2008 году Леонид Парфенов

и Алексей Иванов проводили съемки телепроекта «Хребет России Пермский край». Благодаря обилию исторических объектов и активной культурной жизни Кын победил в конкурсе «Центр культуры Пермского края» с программой «Кын-реалити», которая была реализована в 2010 году. В основу программы «Кын-реалити» положены историческое наследие и богатые рекреационные ресурсы старинного села. В течение всего года библиотека тесно сотрудничала с клубом в рамках работы по проекту. Предоставляла печатные источники, собирала сведения по истории села и церкви, различные фотодокументы. Кроме того, в рамках программы помогала в организации и проведении игровых мероприятий «Русские забавы».

Библиотека участвует в проведении традиционных сельских праздников. Для конкурса «Сельская улица» ко Дню города Лысьвы подготовлена викторина «Большая история маленького поселка». Проведены познавательные конкурсные программы на Дне села, межмуниципальном фестивале народного творчества «Кыновские зори».

В соответствии с ФЗ «Об общих принципах организации местного са-

моуправления в Российской Федерации» библиотека села Кын передана в муниципальное образование «Кыновское сельское поселение». Администрация сельского поселения неоднократно выделяла финансовые средства на книги, подписку периодических изданий, приобретение мебели, музыкального центра и т.д.

В 2011 году организовано муниципальное бюджетное учреждение культуры «Кыновская поселковая библи-

отека», получившее статус юридического лица. Библиотека села Кын стала структурным подразделением этого учреждения. 2 ноября 2014 года состоялся юбилейный вечер «105 лет – библиотечный льётся свет». Вечер проходил в стенах «Кыновского народного дома» (клубе) и собрал поистине настоящих любителей и ценителей книги. Было рассказано об истории павленковской библиотеки и работниках, служивших на этом поприще. **УС**

Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90Л01 номер 0009433.

Направления и специальности высшего профессионального образования

Экология и природопользование. Лесное дело. Ландшафтная архитектура. Землеустройство и кадастры. Природообустройство и водопользование. Садоводство.

Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов. Технология транспортных процессов. Наземные транспортно-технологические средства (Специалитет). Наземные транспортно-технологические комплексы.

Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств. Технологические машины и оборудование.

Строительство. Автоматизация технологических процессов и производств. Управление в технических системах.

Химическая технология. Биотехнология. Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии. Техносферная безопасность. Технология полиграфического и упаковочного производства.

Экономика. Менеджмент. Управление качеством. Бизнес-информатика. Прикладная информатика. Экономическая безопасность (Специалитет).

Специальности среднего профессионального образования:

- Землеустройство; Земельно-имущественные отношения;
- Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта;
- Лесное и лесопарковое хозяйство. Садово-парковое и ландшафтное строительство;
- Технология деревообработки;
- Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). Менеджмент.

- Формы обучения: очная, заочная.
- Приём документов согласно правилам приема.
- Вступительные испытания по 3 предметам (ВПО).
- Для среднего профессионального образования (СПО) – без вступительных испытаний.
- Подготовительные курсы (ко всем видам вступительных испытаний).

1000 БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ

г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37   Телефон: +7(343) 254-63-06 - приемная комиссия
 Проезд: автобусы № 1, 31, 32, 026, 047, 064, городская электричка. Остановка «Лесотехнический университет»
 Электронная почта: pk@usfeu.ru   Сайт: www.usfeu.ru

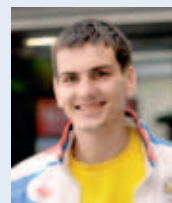
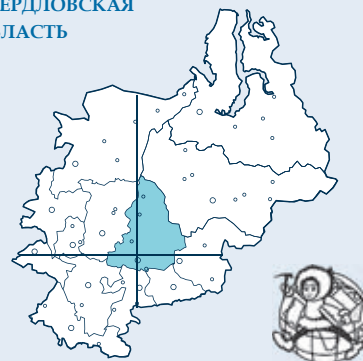

Про уральские скалы, ИЛИ О том, как провести все выходные этого лета на высоте

Уральские скалы этим летом особенно популярны и хороши. В Екатеринбурге стало заметно больше людей, увлекающихся скалолазанием, и летом многие тренируются на настоящем рельефе каждые выходные. В радиусе 150 километров от Екатеринбурга сотни маршрутов, которые можно проходить при условии не слишком дождливой погоды. Трассы очень разнообразные — как для новичков, так и для спортсменов. Спортсмен и руководитель скалодрома «Край света» Антон Поляков рассказывает о том, что представляют собой скалолазные вылазки и как к ним присоединиться новичку.

Встречный ветер

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Антон Поляков

Магистрант Института гос. управления и предпринимательства УрФУ. Мастер спорта по скалолазанию, победитель и призер российских и международных соревнований. Автор и организатор проекта скалодрома «Край света».

Фото Виктории Сенаторовой
и Кирилла Соболева

Про скалолазание

Нужно понимать, что скалолазание — это не походы в горы с рюкзаком за плечами, а лазание по скальному рельефу по вертикали в специальном снаряжении со страховкой. Скальные туфли — как вторая кожа, только обтянуты специальной резиной, которая обеспечивает максимальное сцепление с поверхностью. Скалолаз перемещается, используя различные неровности скального рельефа. Маршрут «проложен» заранее *подготовщиками* трасс — профессионалами горных видов спорта, которые вначале присматривают участки скального рельефа, подходящие для чистого *пролаза*. Затем по линии будущей трассы пробивают специальные крюки, через которые пойдет веревка скалолаза для страховки. Часто намеренно создаются или удаляются неровности на скале, чтобы придать будущей трассе необходи-

мую категорию сложности или просто сделать маршрут реальным для *пролаза*. Это не ноу-хау. Маршрутам может быть несколько лет, даже десятков лет. Но сегодня они точнее описаны, категорированы по уровню сложности и доступны всем в мобильном приложении AllClimb.

Про хорошую сторону уральской погоды

Я провожу на скалах каждые выходные, стараюсь по возможности выезжать и в будни. Также мы организуем выезды для начинающих и продвинутых скалолазов. Свой скалолазный сезон я открыл в апреле под Каменском-Уральском. А некоторые скалолазы начали выезды в марте, а то и раньше. В это время на подступах к скале еще лежит снег, но камень уже прогревается от весеннего солнца, значит, можно лезть. Температура 5–10 градусов обеспечивает отличное сцепление скальных туфель со скалой. До 15–20 градусов лазать вполне комфортно. А вот если печет солнце, ты быстрее устаешь, пальцы сильнее потеют и сцепление скальников с горячей скалой намного хуже. Бывает, на скальном массиве одну половину дня солнце, другую половину — тень. Теневые секторы предпочтительнее для лазания.

Когда мы выезжаем на скалы, смотрим погоду на разных ресурсах. В Екатеринбурге может быть холодно и шторм, а в ста километрах, в Арамашево, относительно спокойно. Поэтому почти всегда можно найти место, где условия для занятий оптимальны. В дождь, конечно, не очень приятно лазать, а на сложных маршрутах с пальцевыми зацепами — порой невозможно. Но есть и нависа-

ющие скалы, где дождь не мешает, поверхность скалы остается сухой и можно спокойно продолжать тренировку. Скалолазный сезон будет длиться примерно до середины октября, пока греет солнце.

Про цену выбора

У нас на Урале действительно большой выбор мест, куда можно съездить полазать. Это особенность нашего местоположения. Уральские горы образуют множество скальных массивов, доступных для лазания. Но не менее важно то, что на Урале есть энтузиасты — люди, увлеченные горными видами спорта, которые пробивают маршруты, чистят скалы, финансируют эту деятельность. Именно благодаря им мы можем наслаждаться лазанием по красивейшим скальным массивам, повышать уровень лазания, делать это безопасно.

В радиусе 150 км от Екатеринбурга наберется больше сотни пробитых, то есть подготовленных для лазания с веревкой, скальных маршрутов. Они доступны в онлайн-гайдбук AllClimb. Это приложение содержит информацию о маршрутах в большинстве скалолазных районов России, здесь есть и почти весь Урал. В нем можно не только выбрать маршрут для *пролаза*, но и отметить его прохождение и написать комментарий. Это вносит соревновательный элемент. Кроме того, в приложении указано, как добраться до каждого массива, есть встроенная карта. Высота трасс примерно от десяти до двадцати метров. Скалолазные маршруты категорируются по французской системе, самые легкие — 5 (a/b/c), самые сложные — 9-й категории — их *пролезает* очень малое количество людей — (в России человек 10). Самые популярные категории — шестерки и семерки, их *лазает* начинающие и люди, которые давно занимаются скалолазанием и часто тренируются.

Про адреналин, мандраж и технику

Многие спортсмены при подготовке к соревнованиям уделяют внимание скалам, так как здесь хорошо ставится техника лазания, постановка ног. Есть известные скалолазы, которые *лазает* маршруты высочайшей категории сложности на естественном рельефе, но нигде не выступают, как Крис Шарма. Некоторые находят себе спонсоров (обычно это скалолазные фирмы), выставляя в сеть видео сложнейших *пролазов*, и живут на это.

Но в основном скалы — для души, для любительского скалолазания.

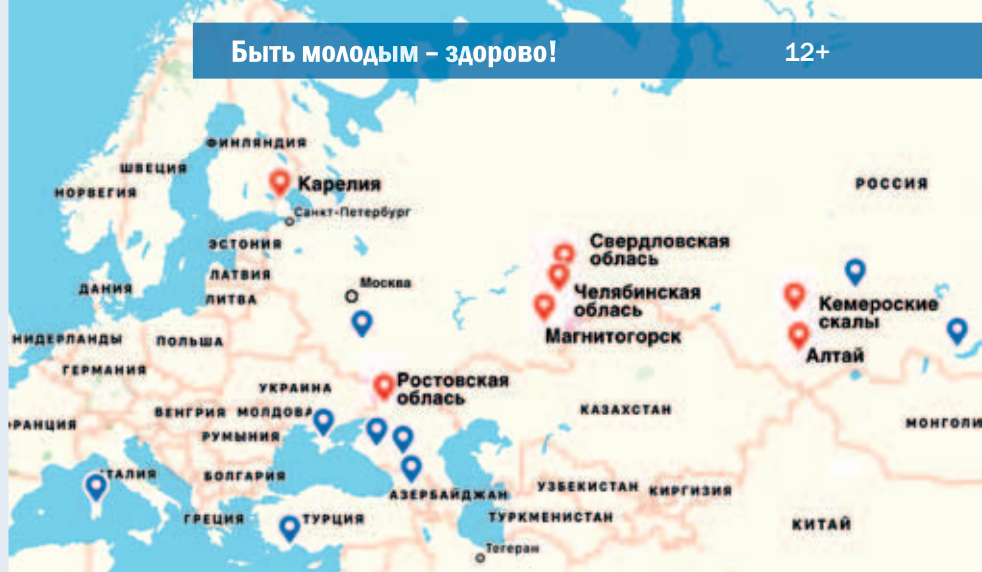
Скалолазание — это адреналин, мандраж, преодоление себя. Эти чувства наиболее сильно испытываешь на скалах. Здесь ты преодолеваешь себя, *лазя* предельные категории сложности, делая те движения, которые раньше не делал. Мне это очень нравится. Кроме того, ты находишься на природе в приятной компании таких же увлеченных людей — это придает еще больше сил!

Про безопасность

Для того чтобы начать лазать по скалам, сначала лучше несколько раз посетить скалодром, где вы получите базовые навыки лазания по стене. Начинать лучше всего с опытными людьми, у которых есть необходимое снаряжение, можно присоединиться к групповым выездам, которые организуют скалодромы. Скалолазание — экстремальный вид спорта, и самое важное — это безопасность. Нужно уметь использовать снаряжение: работать с веревкой, пользоваться страховочным устройством. Кроме того, очень важно знать правила пользования оборудованием на скале, ухватать

труд *подготовщиков*. Да и вообще, бережно относиться к природе.

Мы выезжаем на скалы, как правило, рано утром. На месте разминаемся – *пролезаем* легкие трассы, чтобы постепенно нагрузить мышцы и пальцы. Затем можно устроить себе марафон – *пройти* как можно больше трасс. Или поставить цель *вылезти* трассу новой для себя категории сложности. Над сложными трассами работаешь иногда неделями, возвращаешься к ним вновь. Но когда пролезаешь, испытываешь заслуженное удовольствие, это можно сравнить с хорошим выступлением на соревнованиях. Завершаем день *пролазом* легких трасс, чтобы мышцы пришли в спокойное состояние. Обычно за день получается около десяти подъемов, не больше.

Про место встречи

Для начинающих скалолазов я бы посоветовал несколько мест, на которых комфортно начинать лазание, здесь обязательно найдется нужная вам категория сложности.

Скалы Петра Гронского – самые близкие от города – 40 минут на машине, приятная 30-минутная прогулка по лесу и вы на красивых гранитных скалах с десятками маршрутов разных категорий. Много скальных массивов расположено вблизи поселка **Коуровка**, что в 80 км от Екатеринбурга. Пожалуй, больше всего скалолазных трасс неподалеку от Екатеринбурга (120 км) мы найдем на скалах близ села **Арамашево**. Высокий, разнообразный массив расположен на берегу реки Реж в очень живописном месте. Достаточно простая логистика и маршруты от нижних до топовых категорий делают это место очень популярным среди любителей горных видов спорта.

Я назвал лишь три места, есть еще с десяток очень хороших скало-

лазных мест на Урале, все они подробно представлены на соответствующих скалолазных ресурсах в сети и на онлайн-платформе AllClimb.

Если говорить о моих личных предпочтениях, мне интересно лазать на скалах реки Чусовой, много интересных маршрутов на камне Тюриков, очень хорошие линии и в Арамашево. В Челябинской области есть прекрасный скальный массив Шихан с покатыми гранитными зацепами. Он очень интересный, но с логистикой сложнее – около 40 минут в гору. Самый высокий маршрут на Урале – мультипитч (трасса в несколько веревок) – на Оленьем камне, его высота 80 метров. Очень красивое место на изгибе Чусовой!

Также на Урале есть бouldеринговые районы для скалолазания на небольшой высоте без веревочной страховки. Например, на станции Северка. Ехать туда полчаса, можно даже выехать на вечер. Это место представляет собой множество разбросанных камней, по которым проложены короткие сложные трассы. Только обязательно нужны с собой переносные маты – крашпады для страховки и желательно – напарник. Хороший бouldеринговый район есть на пороге Ревун. Каждую осень на Урале проводят бouldерфесты на скалах. Сейчас ведется поиск нового района для осеннего фестиваля.

Для скального выезда вам понадобятся скальные тупфли, магнезия, страховочная система (это индивидуальное снаряжение). Начальная цена такого комплекта – 6–7 тыс. руб. Для самостоятельных выездов необходима веревка (до 60 м), оттяжки для провешивания трасс, страховочное устройство, постепенно приобретает дополнительное снаряжение для комфортного лазания и просто выездов на природу.

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

Координатор проекта Юний Горбунов

Деревня Антыбары

В переписях П. К. Елизарова 1647 года значится «починок на Антыбарском лугу над рекой Чусовой, в котором проживают: Сергушка да Прохорко да Ивашко Дмитриевы дети Ершова». В переписях Ф. Бельского 1678 года названия сохранились. В 1800-х годах указывается уже д. Антыбары, что напротив поселка Лямино. Почему-то некоторые антыбарцы были прихожанами Камасинского прихода, вторые — Калининского, третьи — Сергинского и других. В 1791 году кроме Ершовых в деревне появились Кузнецовы, Каюрины, Чебыкины, Еретновы и др. Хоронили антыбарцев на Городище, за деревней Саломатово. Рядом с погостом была старая церковь, которая сгорела еще до войны.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Светлана Сaiutoва

Педагог дополнительного образования
МБОУ Ляминская ООШ им. Героя Со-
ветского Союза Г. Н. Зайцева. Краевед.
20 лет руководит школьным музеем.

Уральский следопыт, август 2017

▲ Улица в деревне Антыбары. 1966 г. Из семейного архива М.Н. Кузнецова

◀ Д. Антыбары. Фото автора

Вот что вспоминает о родной деревне Михаил Николаевич Кузнецов, труженик тыла, ныне житель пос. Лямино. Родился в 1928 году в крестьянской семье Кузнецовых, чьи предки, по его словам, прожи-

▼ На месте домика с голубой крышей стояла антыбарская часовня. Фото Сергея Попова

▲ Ученики антыбарской школы с учителями В.Д. Василенко и П.И. Синьковой. Фото из семейного архива В.С. Артеменкова

вали в Антыбарах с 1582 года. В семье было 14 детей, но выжили только семеро.

К началу Великой Отечественной войны улицу населяли примерно 80 дворов, в 11 из них обитали Кузнецовы. А до войны здесь была начальная школа, часовня, торговая лавка, фельдшерский пункт, почта, клуб.

▲ Музей. Деревенская кузница. Фото автора

► Музей. Пожарная часть. Фото автора

▼ Лавка купцов Верещагиных в Этнографическом парке

Школа в деревне была открыта в 1930-х гг. По рассказам другого жителя Антыбар Владимира Степановича Артеменкова, это был двухэтажный крестьянский дом. Внизу – квартира учителя, вверху – две классные комнаты. В одну смену учитель вел два класса. Классы были небольшими, по 10–12 учащихся.

Сам В. С. Артеменков приехал в Антыбары в эвакуацию из Белоруссии в 1942 году вместе с мамой

Варварой Дмитриевной Василенко, учителем этой самой школы, и младшим братом Евгением. Отец был на фронте.

В начале войны школой заведовала Тамара Степановна Князева, уроки вела Полина Ивановна Синькова. После войны до выхода на пенсию директорствовала В. Д. Василенко.

Рассказал Кузнецов и о некоем антыбарском могильнике, якобы раскопанном ленинградскими архео-

логами. Ими было найдено 14 захоронений людей маленького роста, в одной могиле оказалась лошадь. Археологи утверждали, что это захоронения 907 года. С началом войны все работы свернули, могилы заросли кустарником. Но то место он помнит до сих пор.

Многие антыбарцы знали, что в самом начале деревни в логу имеется могильник, но думали, что это

старые окопы. Во время Гражданской войны в этих оврагах колчаковцы расстреливали пленных красноармейцев. Об этом Михаил Николаевич узнал от Ощепкова, одного из тех самых пленных, которому удалось сбежать прямо с места расстрела. Много позже, работая на Ляминском ДСК, сам Ощепков рассказал, как это случилось.

В пору создания в г. Чусовом Этнографического парка истории реки Чусовой некоторые строения из д. Антыбары стали его экспонатами: старинная кузница, пожарное депо с каланчой.

В деревне находилось правление колхоза «Победа», имелась торговая лавка купцов Верещагиных. Находилась она прямо на подворье Михаила Кузнецова, так как землю отец Михаила купил именно у них. Купцы Верещагины, не пожелав вступать в колхоз, продали свои дворы и укатили в Екатеринбург. Лавку в 1990-х годах тоже перевезли в Этнографический парк истории реки Чусовой.

Деревня в лучшие свои годы бежала по правому берегу Чусовой одной километровой улицей. Она и теперь, хоть и стала короче, шагает рядом и в ногу с рекой.

Деревня Кошково

▲ Улица в Кошково. Фото автора

Деревню Кошково на левом берегу Чусовой от поселка городского типа Лямино отделяет неширокая грунтовая дорога. В Строгановских переписях Кошково упоминается с 1623–1624 гг. как «починок на устье Лысьвы речки». Тогда здесь со своей семьей проживал «Баженко Савельев, сын Кошков».

В первой половине XX века ляминцы называли деревню Кошкари — по прозвищу одного из жителей, имеющего, кстати, совсем другую фамилию. В деревеньке проживало несколько семей Просвирниных, Зыряновых, Солодко.

Постоянное население деревни, согласно переписи 2010 года, составляет 13 человек. В деревеньке около 10 участков, некоторые давно заброшены. Узкая улочка без названия стелется по высокому обрыву, а внизу заливные луга раскинулись до самого берега Чусовой.

Все дома в деревне новые, их не более десятка. От старых кошковских домишек остались одни развалины. Жители в основном люди среднего и старшего возраста, несколько детей. Новоселы деревни, судя по этой картинке, не только привержены обжитому месту, но и не лишены чувства юмора. Малая деревенька Кошково прилепилась к берегу реки Чусовой и живет своей неспешной размеренной жизнью, не развиваясь, но и не умирая. **УС**

▲ Пионерский лагерь в деревне Кошково. Из архива Б.И. Колтырина

Пермский ученый-историк Е.Н. Шумилов отмечает: «В переписи 1722 года указано, что в деревне «На усть речки Лысьвы» жил Наум Федоров сын Кошков (умер в 1726 г.). Ранее, в переписи 1710 года, он писался Баженовым. Его предок — Баженко Савельев сын Кошков, живший в 1623–1624 гг. в «починке на Усть Лысьвы речки». Отсюда вывод: «Починок на Усть Лысьвы речки» — это деревня Кошково.

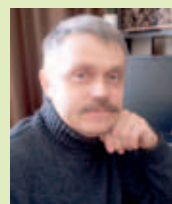
На пече по всей ночи

Современная система образования, средства массовой информации всё больше нивелируют, усредняют русский язык, который теряет своё многоцветье, местные отличия, фольклорную неповторимость. Чтобы хоть что-нибудь из этого богатства и многообразия осталось в памяти последующих поколений, обратим внимание на некоторые особенности местного уральского русского говора.

«Не спите, не едите...»

Несколько архаичным способом в наших русских деревнях выговариваются глаголы с возвратной частицей «ся» и её усечённым современным вариантом «сь». Употребление этой частицы в русском языке — отдельная большая тема. Любопытный читатель может и сам порассуждать об этом, поискав кое-какую информацию в широком спектре источников, что доступны сегодня любому.

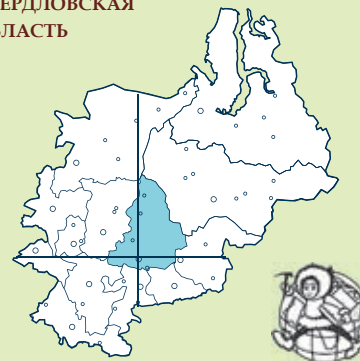
Напомним лишь о том, что в нашем древнем языке частица «ся» означала буквально «себя». Получается целая философия слова, кричащая о том, что наши предки не были примитивным варварским народом, а имели глубокое мировоззрение. Взять, к примеру, слово «растерялся». Наши селянки скажут: «растерялася» — «Ой, чёй-то я ажно растерялася!» Если перевести его с русского на русский, то буквально оно означает: «растеряла себя». Или взять

Сергей Русинов

Журналист, психолог. Окончил два факультета УрГУ. Работал в краснофимских газетах «Вперед» и «Знак вопроса». Автор статей по краеведению, философии, психологии. Живет в Краснофимске.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Рисунки Алексея Кузнецова

глагол «расстроился» («расстроила-ся») — то легко увидеть, что он означает — «расстроил себя».

В наших краях женский и множественный варианты произношения глаголов с частицей «ся» имеют такую особенность: вместо употребления в конце слова современного «сь» у нас по старинке произносятся «ся», иногда со смещением ударения на иной, отличный от традиционного варианта, слог: «умориЛАся», «потеряЛАся», «заблудиЛАся» и т.д. Например: «Ух, как я сегодня ух-мазгалася!» То есть «уработалась», «устала». Или: «Вы что ли заблудились?» То есть опять-таки «заблудили себя». Или ещё: «Славно мы сегодня повеселиЛИся!» То бишь — «веселили себя». И, наконец, перл для любителей пофилософствовать — вместо «роДИЛась» у нас скажут: «роди-ЛАся». Казалось бы, простое и привычное слово на поверку оказывается не столь примитивным — «родила себя»: «Ой, бабоньки, у Гланьки-то Колихи даве дочка родилася!»

Эта особенность выговора глаголов является («являет себя»), пожалуй, общерусской. Но есть ещё одно отличие в произношении некоторых глаголов, которую можно условно считать чисто местной. Во всяком случае, слышать о том, что она существует где-то ещё, мне не доводилось. Впрочем, я могу ошибаться. Речь идёт о смещении ударения в глаголах на «те» с одного слога на другой.

Например, во многих наших деревнях скажут не «идЁте», а «идиТЕ»: «Далеко ли вы идиТЕ?», не «спИте», а «спиТЕ»: «Уже третьи петухи прокричали, а вы всё спиТЕ». Или: «Чего это вы не едиТЕ? Али не вкусно?»

Почему она, эта особенность, возникла или закрепилась здесь — сказать сложно. Пришла ли она сюда вместе с переселенцами из какой-либо центрально-русской области или родилась (опять же: «родилася» — «родила себя») уже здесь — сказать определённо не могу. Может быть, кто-нибудь из любознательных читателей возьмётся разрешить эту загадку?

«Тамо-ка» и «туто-ка»

Для разнообразия хотелось бы несколько отойти от глаголов и упомянуть ещё об одной особенности местного выговора, которая чаще встречается в деревнях, где живут потомки староверов. Например, здесь вы, пытаясь узнать, где находится то или иное место, можете услышать следующий вариант обстоятельства: вместо «там» — «тамо» или чаще «тамо-ка»: «Вон тамо-ка, за той горой», вместо «тут» — «туто» или «туто-ка»: «Вот туто-ка я его и нашёл». Именно так: «туто-ка» и «тамо-ка» говаривал мой дед Борис Дмитриевич Попов, несмотря на свою фамилию, потомок местных староверов. Понятно, что варианты «тамо»

и «туто» («туда») являются ещё живым наследием нашего древнего произношения, а вот присоединение к ним частицы «ка» — ещё одна интересная загадка для филологов и увлечённых читателей.

«Как-тося» и «где-тося»

В тех словах, что мы с вами разбирали немного выше, употребленные возвратной частицы «ся» хоть и навевало новые смыслы употребляемых слов, зато было оправдано с этимологических позиций. А вот употребление этой частицы в тех словах, о которых мне хочется поговорить сейчас, довольно сложно, если вообще возможно объяснить каким-то словообразованием этих слов.

Часто в наших говорах можно услышать такие чудо-словечки, как «где-тося» («Где-тося тут я его и потерял»), «как-тося» («Как-тося мы по грибы ходили») или реже — «почему-тося» («Я стараюсь, а оно почему-тося не выходит»). Такое употребление частицы «ся» характерно именно для наших мест, в других же регионах России в подобных словах чаще встречается усечённый её вариант — «как-тось», «где-тось» и т.д.

Понять, почему в этих словах наш народ употребляет эту частицу, довольно сложно. Лично у меня пока никаких объяснений этой языковой особенности нет.

«Бассенька, но холодняя»

А теперь поговорим о способности звука «а» в некоторых словах превращаться в звук «йа», который для простоты буду обозначать соответствующей буквой «я».

Своеобразная инверсия «а» в «я» чаще всего заметна в прилагательных, относящихся к женскому роду. Так, например, у нас произнесут не «холодная», а «холодняя» («Уж больно вода-то холодняя»). А в кратких прилагательных звук «а» порой вообще выпадает. У нас скажут «бассенья» («Бассенья девка»), произносят именно с удвоенным «с», хотя сами исходные слова «баско» или «баской» всегда произносят с одной «с», «маленья» или «мелконья» («Уж больно мелконья картошка ноне уродилася»), «лёгонья» («Эта литовка лёгонья, как пушинка»). Звук «я» в этих словах несколько приглушается.

Сохранилась в наших местах особенность произношения имён существительных, подмеченная ещё В. И. Далем. Так, например, у нас в некоторых деревнях до сих пор

скажут «овця» или «овчя», «козя», «руковичья» или «руковиця», «улиця», «околиця».

Весьма интересно эти слова в наших деревнях склоняются по падежам. В родительном падеже то же слово «овечья» будет звучать «овечкю» («Ой, бабоньки, овечкю-ту свою я потеряла!»), а в творительном «овечкёй» («Баран гулят с овечкёй»). То же самое будет и с другими словами, приведёнными в качестве примера: «козя» — «козю» — «козёй», «улиця» — «улицю» — «улицёй» и т. д.

И хотя Владимир Иванович читал эту особенность выговора древней и новгородской, но я всё же отважусь не согласиться. Дело в том, что такую же особенность выговора имеют некоторые донские диалекты. Известно, что заводчики Осокины завозили крестьян на краснофимскую землю с Волги (с Балахны), с Приволжья же завезли народ и помещики Голубцовы, а там таких диалектных особенностей не отмечено. Новгородских же вливаний в население нашего края в истории не за-

фиксировано. Другой достаточно крупной волной русскоговорящих переселенцев в эти места были казаки, основавшие как саму Красноуфимскую крепость, так и отдельные от неё хутора и выселки. Думается, что от них-то в местных диалектах и появилась эта особенность превращать в устной речи первую букву русского алфавита в последнюю.

«Уж сколь раз имя говорено было...»

Поговорим теперь об особенностях употребления в нашей местности прилагательных, относящихся к женскому роду. Как правило, в местных сельских говорах они имеют усечённую форму. У нас скажут: не «молодая», а «молода», не «красивая», а «красива» — «молода, красива девка». Очевидно, современная форма этих прилагательных появилась в ходе эволюции литературного русского языка именно из этих усечённых вариантов, применяемых первоначально нашей лучшей половиной относительно самих себя: высказывание «молода я» со временем слилось в одно слово «молодая» и стало употребляться вне зависимости от направления его употребления — к себе или к другому человеку. Но эта особенность характерна для большинства русских деревень по всей России.

А вот форма некоторых местоимений, особенно относящихся ко множественному числу, не столь распространена. К примеру, местоимение «они» у нас нередко звучит как «оне» — «Наши суседи — оне хорошия люди». Но ещё интересней это местоимение звучит в дательном падеже — у нас скажут не «им», а «имя», с ударением на последнем звуке: «Уж сколь раз имя говорено было...»

«Даве», «эк-то» и «лонись»

Поговорим теперь об особенностях местного обозначения обстоятельств времени.

В говорах нашей сельской местности существует несколько обозначений давности происшедших событий, их временной удалённости от момента передаваемого сообщения. Например, если события, описываемые рассказчиком, происходили не так давно, у нас употребят слово «даве» — разновидность устаревшего классического «давечь», «давеча», т.е. «недавно» — «Даве по грибы в лес ходили».

Для обстоятельств, удалённых на некий неопределённый временной промежуток, у нас часто употребляют слово «эк-то» в смысле «как-то» — «Эк-то в город на базар ездили».

Интересные параллели возникают, когда от пожилых людей прихо-

дится слышать почти забытое слово «лонись», поскольку слово это казачье, донское и означает «в прошлом году». В его употреблении даже у нас имеется несколько вариантов — «лонис», «лонися» — «Лонися картошек-то мало накопили». Вот, кстати, и ещё одна местная особенность. Некоторые существительные, употребляемые во множественном числе, в местных говорах имеют необычную форму. Как пример — слово «картошек» вместо «картошки» из предыдущего предложения.

«На пече по всей ночи»

Есть в наших русских деревнях ещё одна языковая особенность, которая ярко проявляется при склонении существительных женского рода, оканчивающихся на «ь». В некоторых падежах, например, в дательном и предложном, они склоняются, так сказать, по мужскому типу. Например, часто можно услышать не «ночи», а «ноче» («Собаки брешут по всей ноche»), не «дочери», а «дочере» («Вона, гостинцы дочере собрала»), или не «печи», а «пече» («Чугунот у меня до сих пор в пече»). При этом последний слог в этих словах всегда остаётся ударным.

Надеюсь, что этот наш разговор не останется незамеченным читателями и к нему мы ещё не раз вернёмся. **УС**

Виктор Христоролюбский

Географ, председатель Курганского (Зауральского) отделения Русского географического общества (1994-2015 гг.), в настоящее время преподаватель Тюменского президентского кадетского училища.

▼ Столб находится в центре бугра

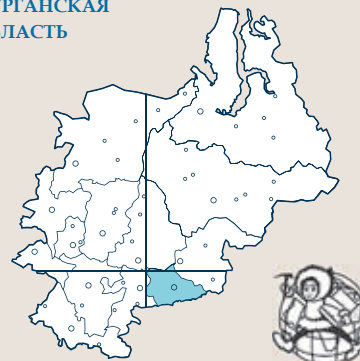
На гранах

Подъезжая по железной дороге к Кургану со стороны Екатеринбурга, миновав мост, соединяющий берега реки Миасс, примерно минут через 10 можно увидеть по левой стороне движения состава начинающуюся череду непроходимых болот и озер. Как раз в этом месте, между станциями Окуневская и Кособродск, расположено одно из интересных мест нашего Уральского округа.

В этих местах на рубеже XIX и XX вв. сходились границы трех губерний и территории смежных уездов: Пермской (Шадринский уезд), Оренбургской (Челябинский) и Тобольской (Курганский). Жители соседних станций и сельских населенных пунктов помнят, что в трех километрах на северо-запад от современного вокзала станции Кособродск стоял трехгранный губернский столб и рядом с ним росла сосна внушительного вида, на стволе которой был выжжен герб Российской империи в виде двуглавого орла. Таким образом, обойдя вокруг столба и сосны, можно было побывать не только на территориях трёх перечисленных губерний, но и постоять практически в Сибири (Тобольской губернии), на Урале (Пермской) и в... «Росsee» (Оренбургской).

В один из кратковременных экспедиционных выездов мы решили познакомиться с этим местом. Необходимо отметить, что в век сплошной автомобилизации сюда довольно трудно добраться, даже используя сверхпроходимые внедорожники. Наш путь лежал от станции Кособродск вдоль железной дороги мимо полустанка «Первомайка». Здесь можно было достичь цели нашего приезда, повернув от до-

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

роги строго на девяносто градусов и продолжив движение вдоль нефтепровода. Но буквально через пару десятков метров начался участок пути, который, по-видимому, в распутицу не удастся преодолеть даже на грузовых вездеходах «Урал. Нам пришлось продолжить путь до Окуневки, и местный охотник Володя согласился показать объект нашего поиска по окружной лесной дороге, петлявшей среди молодого березняка.

Мы вновь уже с северо-западной стороны подъехали к нефтепроводу. Машину пришлось оставить, и оставшийся участок пути (примерно 1,5 км) мы преодолели пешком. Широкие рытвины стали попадаться за 200–300 метров от центра «губернской вселенной». Траншеи существенно затянуло землей, кое-где они заросли ивняком, березами и соснами, но было хорошо видно их искусственное происхождение. Глубина некоторых траншей доходила до 2–3 метров, а отдельные участки превышали 5 метров. В нескольких местах попадались старые гати, по предположению, это был участок лесной дороги, соединяющей когда-то села Окуневское и Банниково. Получалось, что бывшее место соединения европейских и одной из сибирских губерний расположено в «бермудском треугольнике» практически на равном расстоянии от станций Кособродск, Окуневская и деревни Банниково. На небольшом бутре, в «точке соприкосновения» рытвин-траншей, ни трехгранного губернского столба, ни сосны-исполины уже нет. Но сами траншеи, которые раньше назывались «губернскими гранями» (не пугать с гранями), до настоящего времени во многих местах сохранились. Более того, мы отметили, когда прошли с километр по направлению к Кособродску, что прямые линии траншей примерно через каждые 200 метров прерываются кубическими канавами глубиной более 10 м. Версий

▶ Практически в «эпицентре» схождения гран

их происхождения появилось несколько, но остановились на том, что это водоёмы для отвода талых и дождевых вод, которых в данной местности всегда предостаточно.

По утверждению местных краеведов, «губернские грани» возводились населением деревень смежных губерний во время специальных земляных работ. Есть мнение, что самовольно переправляться через грани было строго запрещено, даже под угрозой смертной казни. В это можно поверить, так как некоторые смежные поселения были образованы беглыми людьми и вначале формировались как болотно-лесные заимки. Беглые доходили до границы и предпочитали через неё не переправляться. В этих местах стоял, притаившись на берегу одного из лесных озер-болот, женский монастырь, известный в простонародье как «Монашки». Вдоль гран проходил один из южных участков Сибирского тракта, по которому до известной Переселенческой кампании отправляли людей в Сибирь на каторгу. Подтверждение этому находится в селе Чинеево, расположенном

в 25 км к югу от станции Кособродск. Здесь хорошо сохранилось здание бывшей пересыльной тюрьмы, теперь это сельский Дом культуры.

По утверждению чинеевцев, а вместе с ними сельчан из расположенных вдоль знаменитого тракта поселений Губерля и Вохменка, в местных лесных массивах можно встретить заросшие участки «губернских гран». А жители деревни Расковалово, что находится в 6 км восточнее от мест схождения границ губерний, утверждают — название села связано с тем, что это был первый населенный пункт в Сибири, где расковывали колодников, сосланных на каторгу. Отсюда и пошло название Расковалово. По устойчивому мнению местных жителей, здесь и начинается настоящая территория Сибири. **УС**

▼ Грань между Тобольской (слева) и Оренбургской губерниями

▼ Проводник Володя прокладывает нам путь даже руками

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** 1000 0124 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** 1000 0124 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

Август 2017

Аэлита

50

Законы Вселенной

НАДЕЖДА БАУМАН

Станцуй мне о нашем прошлом

50

63

Законы Вселенной

МИХАИЛ ЗАГИРНЯК

Правила перехода

63

70

Координаты чудес

ВЛАДА ЛАДНАЯ

День открытых дверей
в отечественной истории

70

77

Повод для улыбки

ДМИТРИЙ ВОРОЖЦОВ

Жёсткая перезагрузка

77

Станцуй мне о нашем прошлом

Надежда Бауман

Всю жизнь работала с текстами как журналист и копирайтер, но писать художественную литературу начала недавно — в 2013 году. Это было детской мечтой — создавать волшебные миры и рассказывать невиданные истории. Сегодня написано несколько рассказов, есть задумки для крупных произведений. По образованию специалист по рекламе; работала маркетологом в крупных IT-компаниях. Под фамилией Франк выпустила две нонфикшн-книги, посвященные американской рекламе и культуре потребления («Просто сделай это», АСТ; «Эпоха служит рекламистам», самиздат). В настоящий момент живет в штате Нью-Джерси, США.

На шестнадцатилетие мама подарила мне книжку «Как быть счастливым, чёрт возьми?!». Сочные картинки, необычная верстка, плотные шершавые страницы; загадка, откуда такое издание взялось в Обливинске. Содержание вульгарное, но кто же знает смысл этого слова в шестнадцать лет? Я цитировала советы из книги направо и налево. Сегодня помню один: «Люди — как растения; некоторым суждено цвести в твоей жизни недолго, но ярко».

Эти слова пришли на ум, когда я листала старую записную книжку. Выцветшие чернила, имена отцветших людей. Сухое неживое прошлое, как будто школьный гербарий перебираешь.

Искала Анин номер.

Мобильный был записан рядом с телефоном новой квартиры — той, куда она переехала с мамой и отчимом. Другой конец города, незнакомый район. Разве были у нас шансы сохранить дружбу?

Я набирала её мобильный впервые. Выдохнула. Подошла с трубкой к окну. Московский пейзаж был отпечатан в три цвета, будто для экономии: чёрный асфальт, белый снег, жёлтые стены двухэтажных домиков в переулке. Я успела подумать, что за десять лет номер сменил десять владельцев, когда гудки оборвал щелчок и короткое «Алло». Голос я, конечно, не узнала.

— Аня? Это Тамара. Помнишь, из сорок седьмой квартиры?

— Ой. Да ладно? Привет! — Растерянно, но вроде бы радостно. — Ты откуда звонишь?

— Из Москвы, но скоро еду к вам. — Я уже давно не говорила про Обливинск, что еду домой. — Я подумала... Может, пересечёмся?

— Пересечёмся, конечно. Только... Там фестиваль на носу, ты знаешь? Я же танцую...

Я посмотрела на немой экран в углу кабинета. Тоненькая девушка двигалась на сцене под слышимую музыку.

— Как раз на фестиваль и еду. Перед ним у тебя никак не получится? Хотя на десять минуточек. Не знаю, как там у меня будет после...

Говорим первый раз за десять лет, а уже лгу. Аня задумалась:

— Ну... Давай в среду утром, перед репетицией, а? Поверить не могу, что это ты... В кафе каком-нибудь, да?

Мы договорились встретиться в пиццерии в центре. Я положила трубку и вдохнула — впервые, кажется, за весь разговор. Лунц, Перлуша и Инга всё это время делали вид, что изучают углы кабинета, а теперь разом повернулись ко мне.

— Ну? — Инга, помощник режиссёра, балетным жестом потянулась к стакану с водой. — Как она?

— Голос звонкий, кашля нет, — я дёрнула плечом. — Что еще можно узнать о человеке по телефону?

— Она же твоя подруга, — сказал Перлуша.

— Была подругой десять лет назад, — повторила я сотый раз за день. — Я знаю о ней ровно столько, сколько вы.

Все посмотрели на экран. Танцовщица была жарким июльским вихрем — вся в беспорядочном кружении, в рваных движениях, будто шарнирная кукла на невидимых нитях.

— Эта её экспрессия... просто... — Лунц впервые не нашел слов, чтобы завершить мысль.

— Техника на четвёрку, — строго заметила Инга. — Кое-где хореограф сплеховал.

— У нас все-таки модерн, а не балет, — отмахнулся режиссёр. — Зато я чувствую лето.

И я тоже чувствовала. Даже без музыки, одними движениями танцовщица наполнила меня воспоминаниями: истомка каникул, заноза от хождения босиком по дощатому полу, пальцы, измазанные соком. В прыжке был запах дачных яблок с «бочками», в повороте — горечь надкусанной травинки, движения рук заставляли вспомнить о водорослях в пруду, щекочащих пятки. И ведь нельзя объяснить, как она это делает...

За окном была трёхцветная снежная Москва. Я и правда многого не знаю про Аню. Например, давно ли она так танцует.

Мы учились в одной школе, жили в одном доме и дружили почти шесть лет — полжизни, когда тебе тринадцать. В этом возрасте друзей делят на лучших и всех остальных. Аня была лучшей, но дружба быстро сошла на нет, как только они переехали. И вот спустя десять лет Лунц показывает запись неизвестной танцовщицы, которая идеально подходит для постановки, и это — моя Аня. Что же мне так паршиво?

Я опустила в кресло и сказала:

— Допустим, она — то, что надо. Зачем все эти сложности? Этот спектакль со встречей лучших подруг... Почему нельзя просто вызвать её в Москву или отправить к ней Перлушу?

Перлуша — специалист по работе с актёрами. Он сам когда-то учился во ВГИКЕ, пока не решил, что сплетничать и тусоваться интереснее. Лунц ценил его способность с первого взгляда определять, приживётся ли новый человек. В труппу никого не брали без Перлушиного одобрения; он был у нас вроде талисмана.

— Я? В Обливинск? Один? — изумился талисман. — Ну уж нет. Я тут вообще-то не картошку крестьянам из глухих деревень продаю.

— Перлуша хочет сказать, что если ехать, то всем, — объяснила Инга. — А вовсе не то, что ты, Тома, крестьянка из глухой деревни.

Я фыркнула, Перлуша задохнулся от возмущения. Аня в безмолвном танце вращалась пылинкой в солнечном луче.

Лунц заявил:

— Едем втроем — я, Тома, Перлуша. Инга, ты можешь по желанию.

Бывшая балерина пожалала острыми плечами, показывая, что не обнаружила такого желания. Лунц продолжал:

— Посмотрим её вживую на фестивале и решим. До этого — ни слова. Мало ли, кто у неё хореограф, какие у него связи. Не хватало ещё слухов, что Лунц новое ставит. Проект сложный, долгий, секретный. Таким надо стрелять, как пулей. — Он посмотрел на меня. — Сама сценарий писала, знаешь. Так что вызнай у подруги всё, что получится, намекни про работу в московском театре — но не больше.

— У Обливинска сообщение с Москвой как с Юпитером, — сказала я. — Слухи дойдут лет через пятнадцать. К чему эти шпионские страсти...

Перлуша набрал что-то на телефоне и присвистнул:

— Ого! По расстоянию Юпитер и есть! Том, там хотя бы по-русски говорят?

Я вздохнула и стала собирать со стола распечатки пьесы. На душе было мерзко. Все уверены, что со мной точно получают Аню в солистки, а мне эта ответственность отчего-то в тягость. Я драматург, а не охотник за талантами!

Лунц остановил видео, и Аня замерла в повороте. Черты лица смазались, выражения нельзя было прочесть, но я увидела в нем испуг.

Сейчас кажется: чего мне стоило поддерживать связь, поздравлять с Новым Годом и помнить о дне рождения? Я, наверное, не умела ценить дружбу. Теперь-то ценю, ретроспективно, как говорят в театре. Не понимаю, как мы можем быть с Аней подругами теперь: что у нас общего, о чём говорить? А впрочем, Лунц решил за меня: о танцах, конечно.

Она появилась в дверях пиццерии — одна рука держит спортивную сумку, другая комкает вязаную шапку. Улыбнулась мне. Одутловатый пуховик и старые джинсы не скрывали пружинящей походки и танцевальной грации, как у Инги.

— Господи, надо же, это ты! — Таким тоном дети говорят с Дедом Морозом. — Я даже не поверила сначала... Сколько лет прошло?

— Десять, — улыбка далась с трудом, словно что-то сковало мне губы.

Помню, как мы виделись в последний раз: она позвала меня в гости на новую квартиру. Потом мы несколько раз созванивались, а потом все мои звонки не заставали её дома. Не то чтобы их было много, этих звонков.

Она помедлила, не зная, надо ли нам обняться. Я не хотела обниматься и придвинула под её сумку стул. Аня опустилась на стул напротив и назвала подошедшему официанту номер пиццы из меню. Я показала жестом: две.

— Ну, как ты вообще? — спросила Аня. — В Москве насовсем? Работаете? Изменилась сильно...

Рассказать бы ей о нашей творческой группе, о постановке, о роли солистки!

Вместо этого я выпалила:

— А ты совсем такая же!

Чёрные гладкие волосы, мягкий овал лица, серые глаза — как будто у неё не было кислотных прядей, пирсинга в пупке, битв с родителями

за право на татуировку... Всего, что было у меня. Ей двадцать три, но интонации, голос, улыбки остались такими же, как в тринадцать. Она пожала плечами:

— Ну а что со мной будет? Репетиции, репетиции, выступления иногда.

— И не надоедает?

Она помотала головой. Официант поставил на стол две картонные тарелки с пищей. Аня оторвала кусочек:

— Помнишь, как мы придумывали танцы и показывали их родителям?

Я засмеялась:

— В моей комнате мешался стол, в твоей — диван.

На сердце стало тепло, хоть и ненадолго. Мы помолчали.

— Я замуж вышла, — смущённо улыбнулась Аня и протянула мне телефон. С мутной фотографии смотрел светловолосый парень в спортивном костюме. Короткая стрижка, массивный подбородок, лицо, казавшееся скупым на эмоции — он напоминал Аниного отца. Хотя я плохо помнила этого человека; он умер, когда Ане было семь.

— Зовут Сережей, — щебетала Аня. — В июне два года...

— Он тоже танцует? — лягнула я.

— Нет, — Аня не заметила издевки. — Он к танцам не очень... Ругается, что мы полуголыми выступаем иногда.

— Отвечай, что Жозефина Бейкер вообще топлесс танцевала.

— Это певица? Клип новый какой-то?

— Ага, клип.

Я отпила горячего чаю. Жозефину Бейкер она не знает.

— И что, можно вот так прожить в Обливинске, зарабатывая танцами? — я указала на спортивную сумку.

— А почему нет? Мы все время выступаем. День города, корпоративы, под Новый год у нас чёс. Я ещё в фитнес-клубе занятия веду...

— А в театре каком-нибудь?

— Да какие тут театры! А если и позовут, там же не продохнуть от репетиций, придется фитнес-клуб бросить.

— Невосполнимая утрата для твоей карьеры.

Я сказала это слишком резко. Чёрт. Аня удивленно подняла глаза и ничем не выдала обиды. В детстве я часто ее задевала, она терпела — неужели и это не изменилось?

Мы обменялись ещё десятком казенных вопросов, и я не могла избавиться от чувства неловкости. Аня же, кажется, ничего не замечала.

Разделавшись с пищей, она заторопилась на репетицию.

— Хорошо, что у танцоров всё быстро сгорает, — засмеялась она, похлопывая себя там, где под мешковатой толстовкой прятался живот.

Дверь захлопнулась, впустив в пиццерию холодный воздух и шум с дороги. Я смотрела вслед и допивала чай. Один из посетителей, мужчина в чёрной куртке с салатowymi стрелками, спросил дорогу до центрального рынка. Я без запинки назвала номер маршрутки и удивилась — сколько всего хранит память!

Помню, как мама позвонила мне в Москву и рассказала новость, дошедшую через знакомых: Аню положили в больницу с какой-то травмой головы. Я восприняла это равнодушно, как и весть о том, что Аню выписали. Теперь понимаю, почему — это был чужой мне человек. Но ведь не всегда...

Я перебирала воспоминания. Мы строили дворцы из подушек, плели браслеты дружбы, собирали журналы с наклейками, гуляли по этой самой улице за окном... Сейчас на улицу не хотелось. Небо сегодня сделали из посеревшего от времени пластика, деревья торчали облезлыми метелками, троуары утонули в жиже из снега, грязи и ре-агента. Обливинск. Мой родной город. Не то чтобы я скучала...

На выходе из пиццерии я выбросила картонную посуду. Промасленная тарелка с сухой коркой от пиццы приземлилась на нетронутый кусок «Пепперони» — незнакомец в черной куртке его даже не надкусил.

С Перлушей и Лунцем мы встречались в парке за углом. Но на скамейке наш талисман сидел в одиночестве. Он прятал ладони в карманах модного дафлкота и заметно дрожал.

— Где Лунц? — Я протянула ему чай в бумажном стаканчике и села рядом. Через пальто чувствовались бугры снега, налипшие на скамью.

— Бросил меня, — Перлуша отхлебнул чаю и замурился. — Ах, хорошо!.. Пошел архиеврейские палаты смотреть. Вроде такая глушь, а и тут евреи.

— Архиеврейские палаты, — поправила я.

Белокаменные галереи девятого века, рядом — собор с синими куполами в золотых звездах, ров. Я любила гулять в Обливинском кремле, а теперь он кажется мне неухоженным и обветшалым. У города нет денег на музей, зато парады молодёжи и попсовые концерты проходят часто и с размахом. Так Обливинск разрушает прекрасное.

— Зря не пошёл, — сказала я. — Красивое место.

— Меня сейчас больше интересуют сухие и тёплые места, — мотнул головой Перлуша. Он подул на ладони, красные от мороза.

Я достала телефон; Лунц долго не брал трубку, а потом страшным шёпотом сказал, что на экскурсии и позвонит позже. Перлуша трещал:

— Может, она и правда вторая Марта Грэхем, пусть и из Обливинска. Но что толку от гениальной солистки, если у вас не будет специалиста по актерам? — Он шмыгнул носом. — А это вероятно, у меня уже обморожение пошло. Мы как спецагенты какие-то: ты на задании, шеф в музее под прикрытием, а я на шухере мёрзну. Когда в Вахтанге ставили шпионскую пьесу, мы там...

— Господи, Перлуша, ну почему ты все время трепешься?! — я взяла его за петельку модной застёжки «моржовый клык» и потянула за собой. Он покорно встал и заковылял следом.

— Как почему? Рождаю перлы. Мне по фамилии положено. Все жду, когда ты с меня персонажа напишешь.

— Может, он уже написан, просто я тебе не показываю?

— Ты его убила в первом акте, да? А куда мы идём? — спохватился он.

— К гостинице через центр. Вот, кстати, посмотри — главный театр в городе. Очень популярное у молодёжи место.

— Да ну? — не поверил он. С массивных колонн отваливалась краска, фронтон был затянут строительной сеткой.

— Ага. — Я перехватила его пуговицу другой рукой. — Перед ним ведь самый большой в городе фонтан — клёво вылить «Фейри» туда или краску. А ты о чем подумал?

Перлуша прищурился:

— За что ты так не любишь свой город, Том?

И правда... Особенно теперь, когда я живу в Москве. Какое мне, в сущности, дело, что театр тут —

пыльное развлечение для пенсионеров, у библиотек петли дверей ржавеют от простоя, а зрительницы музеев не отличаются от уборщиц ни багажом знаний, ни воспитанием... Я зубами вырвала у судьбы шанс работать в искусстве, и с Обливинском меня не связывает ничего, кроме обиды, которую я зачем-то храню. А на что обида-то?

— Понимаешь, — сказала я. — Приезжать сюда — это как школьные фото пересматривать, где тебе тринадцать, прыщи и одежда нелепая. Одно большое напоминание о прошлом, которое хочется спрятать и не доставать.

— У меня таких фото нет! — гордо заявил Перлуша и добавил уже серьёзнее:

— А ты не думала, что вот это ощущение стыда — ещё и показатель твоего развития?

Я промолчала. Думала, конечно. Но как ему объяснить всё?

Когда мы заворачивали во двор гостиницы, в глаза мне бросилась салатовая стрелка на чёрной куртке — и тут же исчезла в толпе.

Едва я стянула в номере мокрые сапоги, позвонила Инга и сообщил, что Лунц нужен ей завтра вечером.

— Он не берёт трубку, так что передай там, — щebetала она. — Это не отменить и не перенести. Это про деньги, и вообще. Я прикинула, он успеет на автобус к двум. Справитесь с Перлушей?

Талисман как раз закашлялся в соседнем номере, словно услышал.

— Справимся, — я с тоской посмотрела на пропитанную реагентом замшу сапогов. — Инга, какие ты знаешь нечестные способы стать выдающимся танцором? Не берём в расчет крайний.

— Крайний — это переспать с помощником режиссёра? — хихикнула Инга и посерьёзнела. — Тех-

нику ты никак быстро не наберёшь, но танцора не только станок делает. Значит, химия. Есть чисто спротивная — анаболики, стимуляторы, зелья для выносливости. Есть «ЦНС-ники», их только танцоры и используют, ещё актёры иногда. Не спрашивай, как это работает, я только по практической части. «Жизелька» — усиливает эмоции, в танце это сразу заметно. «Шибзики» — это если нужно свежее исполнение. Ещё есть «паста», на ней балерины как-то повально сидели...

— Как ты хорошо это знаешь.

— Будешь знать, когда за артиста под химией хореографу срок светит... А почему ты спрашиваешь? Наша звезда что-то необычное себе в чай сыплет?

Я покрутила в руках ключ, крепившийся к старомодной деревянной груше. Что-то в этой истории с Аней резало глаз. Так ощущаешь западню в словах лощёного продавца, подвох игры в напёрстки с уличным ловкачом. И после разговора с подругой детства это чувство усилилось.

— Не знаю, что думать. Просто странно, что ты — и вдруг зовёшь мою подругу звездой.

Инга прыснула:

— Так я в шутку. Серьезно я звездой только Плисецкую называю. А насчёт химии не бойся, Лунц сразу разглядит, даже из зала. В конце концов, это ему сидеть, если что, — весело закончила она.

Всё, что я знала об Ане, противоречило мысли о допинге. А много ли я про неё знаю? Только то, что она совсем не переменялась внешне, и эрудицией не отличается. Это и странно: откуда в танце берётся душа, страсть и сила, если в жизни она проста, как три копейки? За десять лет и Обливинск, и Аня остались прежними, только она вдруг превратилась в гения танца — в этом было что-то страшное и неправильное.

Я забралась в продавленное кресло с тетрадь для черновиков. Лунц и команда считают меня талантливym драматургом лишь потому, что не видели, сколько чуши приходится на одну удачную мысль. Это закон больших чисел: чем больше слов и их сочетаний переберёшь, тем больше шансов, что хоть раз получится красиво. Каждая страница готовой пьесы — часы самоуничтожения. Сегодня голосу зоила в моей голове аккомпанировал кашель Перлуши за стенкой.

В тетради стало на три страницы чуши больше, когда пришел Лунц. Его брюки промокли по колено, и он добродушно шутил про крещение в обливинском Иордане. Я пересказала разговор с Аней.

— Её хореограф, должно быть, слепой, — сказал Лунц. — А что за песню про химию ты спела Инге?

— Так она до тебя дозвонилась? — буркнула я. Надо было предупредить балерину, что это разговор не для передачи. Было бы глупо сломать Ане карьеру до того, как та началась.

— Ага, — режиссёр побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. — Придётся ехать, без меня там никак. Перлуша, видимо, вышел из строя, а на тебя оставлять это дело я побаиваюсь.

— С чего бы это?

Конечно, я понимала. Лунц встал и заходил по комнате, заложив руки за спину:

— Мы почти наверняка берем твою подругу в солистки. Тебе бы радоваться, а ты... Это из-за чего так нужно поругаться в тринадцать лет, чтобы до сих пор помнить?

— Мы не ругались. Просто... Что-то мне в этой истории не нравится.

Он остановился напротив меня:

— Тебе не нравится, что она из Обливинска. Вижу, как ты этого города стыдишься. Все эти интеллигентские страдания, что народ серая масса, в головах разруха и Набокова тут не понимают. — Он сказал это комичным капризным голосом. — Бросай-ка ты этот снобизм, Том. Город как город. Чудной немного, провинциальный, но разве ж это плохо? Музей, опять же, отличный...

Я усмехнулась:

— Понимаешь, Георгий, это для тебя угодить в центре города в лужу по колено — провинциальная экзотика и повод для библейских шуток. А для местных это нормально. Они эти лужи с закрытыми глазами обойти могут, привыкли. И пока это нормально, думаешь, будет кто ямы чинить?

— Ох, — отмахнулся он. — Всё, о чем тревожатся наши писатели со времён Радищева. Понятно, не продолжай. Лучше скажи: если возьмём её, ты-то работать сможешь? О химии не беспокойся, это я бы и на видео разглядел.

Прошлое и будущее превратились в два жернова и собирались перемолоть меня. Но кто я, собственно, такая? Если это пойдёт на пользу постановке... А еще сценарист к танцам имеет такое же отношение, как Перлуша к декорациям. И я кивнула.

Лунц направился к двери:

— Тогда отсыпайся. Завтра спозаранку на фестиваль, а потом тебе ещё Перлушу выхаживать.

Я ходила на «Танцующий город» ещё первоклашкой. Когда-то это был концерт во славу местного завода кузнечнопрессового оборудования, а теперь — престижный танцевальный фестиваль. Этого события ждут, участники едут из дальних городов, билеты стоят дороже, чем на выступление Киркорова в филармонии. Горожане достают

«проходки» и «блат». Жаль, что популярность фестивалей не сказалась на мастерстве танцоров...

Глядя на выступления с колючего кресла в третьем ряду, я гадала: что такое танец в представлении этих артистов? Тут была энергичная аэробика под бодрящую музыку; эпатажные костюмы и модные песни; эротика, маскирующаяся под развязный бродвейский стиль; прозрачные девы с ангельскими крыльями, трагично заламывающие руки. Но не было танца. Подтянутые люди с хорошей растяжкой слаженно двигались на сцене и не рассказывали зрителю ни о чём. Для Лунца этот фарс, должно быть, как мелодия пальца по стеклу.

Наконец вышла Аня.

На ней было воздушное белое платье, волосы собраны в тугую косу; музыка — ритмичные переливы пианино. Вздёрнула подбородок, повела плечом, сделала шаг... И это была уже не Аня. Незнакомая мне женщина с чертами давней подруги двигалась на сцене. Сложилась пополам, как перочинный нож; взметнулась вверх пружиной, вытянулась в струнку и опала осенней листвой. Черная коса — струя нефти, платье — облако...

Она парила над сценой, наплевав на гравитацию, и падала, подчиняясь ей. Раскрывалась, словно хотела обнять весь мир, затем исчезала в белых волнах — пряталась, дрожа. Заставляла любоваться собой и была безразлична к чужим взглядам. Это был эгоистичный, бескомпромиссный, слепой танец... Танец о молодости.

Любимая цитата Инги: «Танец рассказывает историю так, как не могут никакие слова». И если хоть в одном языке мира есть слова, способные выразить то, о чём говорила сейчас артистка, я и за десять жизней не соберу их в верном поряд-

ке. Перед ее танцем я ощущала свое бессилие — как творца, как рассказчика.

Музыка затихла, фигура замерла, морок исчез — я снова видела перед собой Аню со сценическим гримом и сбившимся дыханием. Зал молчал секунду, вторую... И утонул в овалциях. Лунц что-то прокричал мне, но я не расслышала. Было понятно: мы нашли солистку.

Сразу после её выступления режиссёр уехал на вокзал, отдав распоряжения: выходить Перлушу и показать Аню ему. Я проводила взглядом такси и помедлила на заплёванном крыльце дворца молодёжи. Тут курили зрители и артисты — пёстрая толпа, одетая в спортивные костюмы, пальто, парчу, пайетки и шифон. На мгновение мне снова померещилась зелёная стрелка на чёрном фоне... Ну и наваждение! Что, курток таких в городе мало? Да еще этот сизый дым, чёртова химия... А я забыла спросить у Лунца, похожа ли Аня на «химичку». Он сказал бы, если заметил. А если не пожелал замечать?

Из салона грязной «Волги» я написала Ане:

«Танец супер! Поздравляю».

«Спасибо! Зайдёшь в примерку?» — пришло через минуту.

Я почувствовала, как мне не хочется ее видеть, как не хочется разрушать нелепыми разговорами магию танца, портить послевкусию...

«Друг болеет. Может на неделе? Я пока остаюсь».

На неделю уж точно — утром Перлуша кашлял так, будто у него в глотке засел дикобраз. Аня прислала «Ок» и смайлик.

Открыть номер ключом на деревянной груше, держа в руках два пакета лекарств — задача для престижиджигитатора. Я постучалась к Перлуше; пусть заберёт свои порошки и микстуры. Створка клацнула и отворилась.

— Ты меня извини, но когда ты болеешь — это даже хорошо, — сказала я, шагая внутрь. — Все-таки в молчании есть своя прелесть...

Что-то толкнуло меня в стену и садануло в живот. Я отмахнулась пакетами, взвыла от боли в руке; в пальцах остался воздух, звякнуло стекло. Черная каракатица прыгнула в лицо и мир превратился в два страшных глаза, смотрящих на меня. Дышать не получалось.

— Молчи у меня, усекла? А то сделаю плохо. Будешь молчать? Ну?

Я зажмурилась — кивнуть в этой стальной хватке не вышло. Каракатица, пахнувшая поношенной кожей, отпустила.

Я привалилась к стене и вдохнула. По номеру плыл запах лакричной микстуры. Глаза различили три фигуры; одна высилась надо мной, вторая стояла у кресла со скрючившимся Перлушей и зажимала ему рот. Третья заговорила знакомым голосом:

— Вот видишь, сама явилась, врать не пришло. А ты боялся, — это было адресовано Перлуше. — С вами ещё старик был...

— Он на полпути к Москве, — присипела я. Господи, во что мы вляпались? — Слушайте, у меня в номере есть наличка, мы никуда не заявим, я обещаю...

Верзила, стоявший рядом, легко махнул рукой, и меня швырнуло в сторону.

— Значит, мальчонка не врал насчёт борода того, — говоривший пропустил мои слова мимо ушей. — Его ж не поймешь, он как драндулет трещит... Ну, будем разбираться с вами двумя.

— С чем разбираться?! — пискнула я и тут же, вдруг узнав говорящего, тупо спросила:

— Ну как, доехали до центрального рынка?

Незнакомец из пиццерии, выбросивший «Пепперони», усмехнулся мне и просунул ладонь в чёрный с салатovým рукав. Один здоровяк поднял Перлушу из кресла, другой взял меня под руку.

— Да что вам надо-то?! — повторяла я. — Чего хотите?

«Пепперони» посмотрел на меня:

— Не заставляйте и вам затыкать рот, хорошо? — Державший меня громила махнул лезвием прямо перед носом; я дёрнулась. — Идите спокойно.

— Подождите! — Что-то подсказывало, что если мы выйдем на улицу, то потеряем последний шанс. — Посмотрите на него! — Я ткнула пальцем в Перлушу, одетого в тоненькую фланелевую пижаму. — Он и так зелёный, дайте хоть куртку.

Главный покачал головой и толкнул скрипучую дверь. Мы вышли в коридор. Бандюган держал мою руку, словно стальным крюком; я массировала ноющий бок под пальто. Перлуша беспомощно пучил глаза и, кажется, не мог толком дышать под ладонью верзилы. Звать на помощь? Но кого? Вся гостиница смотрит фестиваль... Чёрт, чёрт, вот ведь попали! Пальцы наткнулись на мобильный в кармане кофты. Хорошо, что на кнопочной модели можно повторить последний вызов не глядя...

— Куда мы идём? — мой голос дрожал.

Мобильный легонько дёрнулся — разблокировался.

Пепперони нажал кнопку лифта и посмотрел на меня.

— Вы вроде местная. Знаете Алехановский лес?

Перлуша глянул вопросительно. Я промолчала. В девяностые Алехановский лес стал нарицательным именем для места, где удобно прятать трупы. Палец нащупал выпуклую кнопку вызова...

— Зачем мы вам сдались? Денег вы не хотите...

Знать бы ещё, кому я звонила последним.

Верзила рядом схватил мою руку и крутанул за спину. Я крикнула, упала и ослепла. Боль прошла спину от лопатки до шеи. Перлуша замычал; слышно было, как он возится с громилой и колотит подошвами по пыльному ковру холла. Когда искры в глазах рассеялись, я увидела, что Пепперони изучает экран моего телефона. Он посмотрел на меня, и что-то в его взгляде переменялось.

— Она не поедет в Москву.

— Вы о чём? Вы... — меня пробрало холодом. — Вы про Аню?!

— Она не поедет в Москву, — с нажимом повторил он. — Ни при каких условиях. Понимаете?

Он хочет сказать, что она не доедет до Москвы, дошло до меня. Но при чём тут она? Куда мы влезли? Я кивнула.

— Так будет лучше для неё. — Он подошел и посмотрел мне в глаза. — И для вашей совести. Понимаете?

Я кивнула ещё раз и словно в немом кино наблюдала, как верзила по команде Пепперони бережно опускает на пол Перлушу, и трое мужчин исчезают за дверью лестничной площадки.

Через мгновение мы были в коридоре вдвоём. Перлуша тяжело дышал. Телефон лежал на выцветшем ковролине. Я подползла к нему и открыла историю вызовов. Чьё имя напугало Пепперони настолько, что он решил нас не трогать?

На экране высветилось «Георг. Лунц театр».

— Они вломались и сказали, что я должен позвонить тебе и заманить в номер, — Перлуша кутался в одеяло и дрожал. Меня тоже все еще трясло.

— Ага. — Я тупо смотрела на микстуру, впитавшуюся в ковер. Пахло на всю комнату. Может, это для Перлуши даже полезно...

— Странный какой-то бандит. На «вы» обращался... Что он говорил про танцовщицу? Ничего не понял. Вы её видели? Что Лунц сказал? Она понравилась?

— Да, очень.

Я закрыла лицо руками, пытаюсь собраться с мыслями. Какие-то люди не хотят, чтобы Аня танцевала в Москве, и этим людям о чём-то говорит имя Лунца, пусть они и не знают его в лицо... И Лунц не заметил химии... И она так неопишимо прекрасно танцует... Было только одно объяснение.

— Ты слышал про Лану Чорскую?

— Ну, вроде она у Лунца как-то солировала, — неуверенно сказал Перлуша. — Писали даже — фаворитка. А потом заболела или вроде того.

Он ждал объяснения, но я вскочила.

— Слушай, погугли о ней. И не говори ничего Лунцу и Инге. Не звони и не отвечай сам, ладно? Ты больной, спишь, не слышишь. А я скоро вернусь. Если что, — если на тебя нападет обливинская шпана с ножами, — набирай мне, ага?

Телефон Аниных родителей не поменялся. Её мама поверила в полуправду: мои друзья ставят мюзикл и я подумываю сосватать им в солистки её дочь. Такси везло меня в район, из-за которого наша дружба стала невозможной. Это место и сейчас было унылым: покосившиеся балконы, кучье детские грибочки, ржавая остановка — десять лет назад подруга посадила меня здесь в троллейбус до дома, и с тех пор мы не виделись.

В однокомнатной квартире меня провели на кухню. Я вспомнила, что раньше тут стояла Анина кровать — больше в квартире для неё не было места. Мама подруги из молодой дамы в леггинсах и с подростковым хвостиком превратилась в матрону в цветастом халате; она с блеском в глазах гово-

рила об успехах дочери. Отчим с пучком седых волос напоминал дряхлеющего рокера. Он отчего-то кривился, если речь заходила об Анином муже.

Они были такими домашними, простодушными: чашки в цветочек, покупное курабье в щербатой миске. Я, должно быть, ошиблась. Это не они. Ещё ведь есть хореограф... И все-таки сказала:

— Слышала, у Ани какая-то травма головы была и операция...

Родители подруги закивали. Я закончила с нажимом:

— И вроде после этой операции у неё в танцах всё стало как-то особенно получаться.

Они могли бы пошутить, удивиться, припомнить Ньютона с яблоком, рассказать о той травме... Но отчим уткнулся в чашку, а мать начала подсыпать в вазочку курабье. Коробка опустела, повисла тишина. Если это и есть то, что ощущают герои пьес после ремарки «напряжённое молчание»...

— Я не хотел, — сказал вдруг отчим. — Я был против с самого начала.

— Вадим, ты чего? — прикрикнула на него жена.

Он поднялся:

— Говорил я тебе, что её никуда не примут с этим! Говорил, что это махинация, — и вышел на балкон, хлопнув дверью.

Анина мама пожала плечами:

— Ну, не возьмут в театр, возьмут на корпоративы.

Меня прошиб холодный пот. До конца хотелось верить, что я ошибаюсь, что это все моя подозрительность, неверие... «Какие ты знаешь нечестные способы стать выдающимся танцором? Не берём в расчёт крайний», — сказала я тогда Инге. Но нам следовало рассмотреть крайний.

— Вы сделали ей лениментомию, — наверное, моим тоном можно было заморозить всю жидкость в доме.

— Не знаю, как это по-научному называется, — она отпила чаю; её руки дрожали.

— «Совершенство» с латинского, — зачем-то сказала я.

Операция, которая встраивает человеку в голову эдакий компас, и этот компас указывает только одно направление — сцену. Всё, что не служит успеху, обесценивается и не развивается. Сторонние интересы, переживания и, главное, сомнения отходят на второй план.

— Это же еврика. Негуманно...

Глупо, она и слов таких, наверное, не знает.

Анина мама мотнула кудрями:

— Но ведь сработало! Помогло! Все замечают, какая она талантливая. Разве плохо помочь девочке раскрыться? Врач так и сказал. Они всё сделали бесплатно потому, что у неё большое будущее.

Нет, вовсе не поэтому они всё сделали бесплатно... Хотелось кричать. Я закрыла лицо руками. Пусть это всё исчезнет! Эта ужасная квартира, район словно из дешёвого триллера, женщина, которая сознательно лишила дочь нормальной жизни... Но она по-прежнему сидела передо мной с надкуренным курабьем на блюде.

— Вы знаете, как артисты зовут эту операцию между собой? — Мой голос дрожал. — Творческая лоботомия. Человек становится продуктивен только в творчестве, а в остальном превращается в овощ, как больные, которым рассекли лобные доли мозга. Не в буквальном смысле, конечно, фигурально... Понимаете?

Это не проняло; она пожала плечами:

— Для гения вся жизнь и есть творчество.

Наверное, вычитала в книжке, вроде той, что была у меня в шестнадцать лет.

Лениментомия объясняла многое. Переезд в меньшую квартиру, необходимый, чтобы скрыть перемены в девочке. Её вечное отсутствие, когда звонит лучшая подруга. Странная травма головы. Неизменная с тринадцати лет внешность, мимика, интеллект. Значит, и душа у неё осталась тринадцатилетней. С этим компасом она никогда по-настоящему не откроет мир, не научится радоваться новому, не узнает себя, не испытает взрослой любви. Стоп. А как же муж, который так раздражает отчима? Эмоциональные калеки, прошедшие лениментомию, не способны на привязанность!

Мороз пробрал по коже. Слышала, что эти врачи умеют такое, но разве можно поверить... Я всмотрелась в морщинистое лицо женщины. Могла ли она?

— Вы вживили ей воспоминания о первом муже, — сказала я. — Она запрограммирована любить человека, похожего на отца. Чтобы у неё было подобие нормальной жизни, да? Поэтому он раздражает отчима?

— У девочки должен быть муж, — ответила женщина беззлбно.

Я вскочила. Стул завизжал, проехав по линолеуму.

— У неё должен быть выбор! Вы дали ей выбор? Она хоть догадывается об операции? Что весь успех — подделка, догадывается? А что её не возьмут ни в одну приличную труппу — это вы ей сообщили?

Анин отчим плотнее закрыл дверь балкона. Её мама взяла меня за руку и повела к двери.

— Доктор нам ничего такого не сказал, — говорила она, зажигая в коридоре свет. — Не возьмут — их проблемы. Зато она пашет больше всех в ансамбле. И получает нормально, в фитнес-клуб устроилась.

— Вот какой пик карьеры вы представляли себе, когда калечили дочь, — я держала в руке сапог, позабыв, как надевать его.

Им не нужна великая танцовщица. Они всего лишь хотели, чтобы Аня не пропускала репетиции и зарабатывала. Но такой ценой...

— Чего ты взбеленилась? — устало спросила хозяйка. — Твоё что ли дело? Езжай в свою Москву, Тамара, и там по ихним правилам живи. Хотят, чтобы талантливым дети сами барахтались — вот пусть и барахтаются. Ане-то хватит ума не рассказать?

Она посмотрела на меня, совсем как мужчина в чёрной куртке. А потом наблюдала с балкона, как я шагаю по двору.

Зуб не попадал на зуб, но не от холода. Голова трещала.

Операция заморозила Аню в тринадцатилетнем возрасте. Если показать ей школьное фото, она не почувствует ни стыда, ни смущения, потому что душой и умом осталась прежней. И вот откуда в её танцах это обаяние звонкой дерзкой юности — больше-то ничего и нет! И вот почему она так рада мне — это старая не выветрившаяся привязанность, а для новых людей, нового опыта и впечатлений её душа навсегда закрыта. Даже тот кусок пиццы Аня никогда не распробует по-настоящему. Я вытерла слёзы. Как там было с Ланой? Сколько прошло времени, прежде чем ей не о чем стало рассказывать в танце? Я слышала эту историю только с чужих слов, и ни разу — от Лунца.

Зато мне стало ясно, почему мне так тяжело рядом с Аней. Она вся для меня — то самое школьное фото, смотреть на которое больно.

«Что со встречей? Там же в пицце?» — высветилось на экране. Я набрала: «Дела в Москве. Извини». Кажется, мы никогда не увидимся снова.

Я стояла за высоким столиком кафетерия и пыталась написать хотя бы страницу. Поезд задерживался из-за снегопада, Перлуша отсыпался на скамейке, неловко запрокинув шею.

— Зря вы пошли к её родителям, — человек в черной куртке поставил передо мной стакан горячего морса и облокотился на пятиугольную столешницу напротив.

— Если бы они не знали, вы бы этого не позволили, так ведь? — я спрятала в сумку тетрадь. Снова получалась чушь.

— Думаете, у нас по «кукушке» на каждом балконе? — усмехнулся он. — Мы медицинские работники, на минуточку.

— Помню скальпель у себя перед носом. — Я отпила из стакана, безразлично подумав, что он мог отравить морс.

Медицинский работник помолчал. Мне раньше следовало собрать детали вместе: это «выкание» во время налёта, эти дорогие часы под дешёвой курткой.

— Что вы скажете Георгию?

— Лунцу? Что она не подошла. Перлуша обещал подыграть.

«Пепперони» кивнул.

— Это хорошо. Для неё же. Он может снова раздуть скандал... Не простил той истории с Ланой. Говорят, сложный был случай. А может, и ошибка. Сейчас как узнать? Все действующие лица сидят, сами понимаете.

Я понимала: и почему они отпустили нас, решив не ссориться лишний раз с Лунцем, и почему работают в маленьком городе. «У Обливинска сообщение с Москвой как с Юпитером».

— Весь ваш проект — одна огромная ошибка, — резко сказала я.

— Когда вы увидите, что мы умеем, заговорите по-другому, — беззлобно пригрозил он. — Это станет популярнее, чем ринопластика. В конце концов, если можно улучшать людей в утробе, то почему нельзя делать это и после?

— Потому же, почему делать аборт можно, а убивать взрослого человека — нет. — Я осушила стакан, не почувствовав вкуса, и выбросила его в урну. — Вы создаете не гения, а робота, который какое-то время может притворяться человеком. Потом человек в нем иссыкает... И что дальше? Химия? Это не искусство.

Он посмотрел на меня почти ласково:

— Вот вы перебрались в Москву из Обливинска. Неужели ни разу не кольнуло, что у всех разные возможности? Неужели не хотелось волшебной таблетки? — он кивком указал на сумку, куда я сложила тетрадь.

Мне был противен его тон; будто я не понимаю какой-то большой тайны жизни. Но это он не понимает! И хуже всего, что я боялась ответить на его вопрос честно. Я смутилась.

— Но... Но ведь искра иссыкнет. У Ланы было года два, сколько сейчас? Пусть лет пять — а что будет с Аней потом?

— Еще три года. А потом — ничего. — Пустой стаканчик полетел вслед за моим. — Это же Обливинск. Думаете, кто-нибудь заметит? Просто режиссеры из Москвы не будут обращать на нее внимания. И она будет обычной танцовщицей.

— И против вас не будет улик.

— И против нас не будет улик.

Он кивнул, улыбнулся и пошел прочь. Снег бесновался за мутными окнами вокзала «Жалко. Когда снова к нам?» — пришло от Ани. Я не ответила на этот вопрос. **УС**

Правила перехода

Михаил Загирняк

Родился 28 июня 1984 года в г. Мозыре (Гомельская обл., р. Беларусь), проживает на западном крае самого большого государства в мире в г. Светлом (Калининградская область). Кандидат философских наук, ассистент кафедры философии БФУ им. И. Канта (г. Калининград). В художественном творчестве рассматривает гуманистические проблемы человеческого бытия.

Хорошо, что день выдался хмурым. Остальное Сергей Юров предусмотрел.

На плакатах, расклеенных по городу неделю назад, во вспышках фотокамер блестела ковровая дорожка. Как Сергей и предполагал, её расстелили к главному входу отремонтированного ДК.

Очередной лимузин — на ковёр вышли гости.

Юров жажал большим пальцем отверстие светового сигнала лазерной указки, а средним нажал на кнопку.

Готовность номер один.

Сергей облизнул губы. Вот и урод пожаловал. Не один. С очередной девчонкой, которая мечтает о красивой жизни. Они машут руками в телекамеру. Девушка остановилась, чтоб её щёлкнул очередной фотограф. Теперь кавалер немного впереди.

Другого шанса не будет.

Всё замедлилось. Сергей будто слышал эхо шагов по дорожке. Сердце гулко отдавалось в голове. Урод приближался к пункту назначения.

Сергей отодвинул большой палец и зажмурился.

Назад пути нет.

Ещё минуту назад всё было в порядке: фотографии щёлкали затворами, операторы провожали камерами гостей, а зеваки ждали, когда же придёт приглашённая голливудская звезда.

Вдруг — яркая вспышка, гром и дымящийся труп. Сразу в толпе — вопли, суета, родители закрывают глаза всхлипывающим детям.

— Что там, мама?

— Не смотри, не смотри...

Полицейские стали разгонять толпу. Сергей постарался изобразить испуг. При этом быстро засунул в карман лазер и проговорил:

— Надо правильно переходить на тот свет.

Он искал глазами спутницу жертвы. Девушка сидела на коленях, руками вцепившись в ограждение. А урод дымился. Молния попала точно в цель.

Теперь можно поддаться всеобщей панике. Вжав голову в плечи, Юров пошёл в квартиру, где ещё так много напоминает о ней.

Тишина внутри нарастала. Всё сливалось в разноцветные пятна — люди, дома, машины... Лица и ноги, шаги и крики.

— Ты видел? Видел?

— Ужас...

— Среди бела дня.

За спиной остались звуки сирены и переговоры по рации полицейских.

Дома Сергей выпил полбутылки коньяка и немного пришёл в себя. Он убил человека. Но лучше от этого не стало.

* * *

Агент ФСБ Борис Чаков смахнул щелчком соринку с рукава пиджака. Осмотрел ворот. Чисто. Никаких пятен, шерсти и прочего мусора.

Теперь можно посмотреть на собеседника, который ждёт ответа.

Расчёт оказался верным.

Спеси поубавилось.

Агент сложил руки в замок на столешнице.

Молчание — лучший способ поставить на место выскочку. Сначала крикун смотрит на тебя взглядом победителя, потом ответное молчание наводит на мысль: «что-то не так». Неуверенность обостряет память, а инстинкт самосохранения включает страх.

— Будем разбираться, — ответил Борис.

Многозначительная фраза. Сейчас у собеседника в голове крутятся: с кем? со мной? с убийцей?

Прокурор мнётся в дверях. Сколько бы он продержался в секретном отделе ФСБ? Нисколько. Он бы туда не попал. Грузный мужик, рубашка распирает на животе, красное лицо, одышка. Визитку теребит пальцами. Злится. На себя. Но больше — на собеседника.

Привыкли тут у себя, что никто слова против не скажет. Все смотрят в рот с подобострастием и умилением, когда уста начальствующие глаголют истину. Однако быстро этому чиновнику доложили о вызове подозреваемого Юрова.

— Что-то ещё? — спросил агент.

— Вы... мне сразу сообщите. Мой сын... понимаете...

ФСБшник медленно кивнул в ответ и сказал:

— В рабочем порядке.

— До свидания.

Чиновник положил визитку на стол и ушёл.

Конечно, в первую очередь, не откладывая, сразу судорожно докладывать этому хому чиновнику. Сына надо было учить выполнять правилам дорожного движения, а не бегать теперь, молнии метать!

Молния... В газетах, теленовостях, в интернете новость о смертельном ударе молнии. Один день — и миллионы просмотров. Что удручает. Любой мало-мальски толковый специалист заметит, что молния вызвана искусственно.

Значит — тайная охота за гением объявлена открытой. Кто доберётся первым? Чьи спецслужбы?

Агент отсмотрел две официальные высококачественные видеозаписи, плюс одну с мобильного. Убитый ударом молнии — сын прокурора Константин Орехов.

Чем же и кому не угодил мальчик из золотой молодёжи? Гонщик, завсегда с ночных клубов и любитель девушек мог досадить многим. Но кто

мог убить так изощрённо? У главного подозреваемого, доцента Сергея Юрова, был явный мотив. Три недели назад прокурорский отпрыск сбил на смерть его невесту.

Агент представил картину, когда читал дело.

Девушка в наушниках переходит дорогу. Белое платье, пока не порванное и без кровавых пятен, развевается на ветру. Она улыбается. Идёт по краю пешеходного перехода. И тут на бешеной скорости вылетает гелик. Визг тормозов. Шум удара. Вминает девушку в бампер — она даже не успевает вскрикнуть. Тело отлетает на асфальт и переворачивается несколько раз.

Смерть. Не мгновенная. Но быстрая. Что видят свидетели? Есть ли свидетели? Ребёнок, старушка, студент, клерк... Показания разнятся, как надо предвзятому следствию. Их запугали, потом запутали следователи уточнениями вопросов — и преступление как-то затёрлось. Видеорегистратор — о чудо! — водитель забыл включить.

Она лежала на дороге. А плеер продолжал играть.

Когда доцент пришёл на допрос, агент долго молчал. Хотелось, чтоб Юров выдал себя. Случайным жестом, словом. Может, сознается?

— Добрый день, — нарушил молчание Юров.

— Добрый день, — ответил агент. — Вы подозреваете в совершении преступления.

Сергей кивнул.

— В городе произошло убийство, — медленно проговорил ФСБшник. — Ударом молнии убит Константин Орехов. Не будем играть в прятки — это не стихийное бедствие, не рука злой судьбы и тэ дэ, это — преднамеренное убийство. Посмотрите.

Он запустил видеозапись.

— Итак, Константин Орехов ступает на дорожку. Машет ручкой. Вспышки фотокамер. Идёт, идёт... Включаем режим тепловизора. Видите? Замедляем. Так... Из толпы на краю кадра вверх уходит луч. С двух крыш посылаются сигналы. В их перекрестие на ковровой дорожке — внимание! — бьёт молния.

Борис нажал на паузу и торжественно посмотрел на доцента.

Точно. Ему не жалко жертву. Никакого сочувствия.

— Как, по-вашему, — сказал агент, — можно было направить молнию?

Поколёбавшись, доцент ответил:

— Не знаю. Это никак не объясняет, в чём я подозреваюсь. Молнии очень плохо изучены. Сложно сказать, что может заставить на таком расстоянии с такой точностью планировать удар.

ФСБшник замолчал. Посмотрел на доцента.

— Идёт сигнал активации. Из группы людей, среди которых — и вы.

— Это не доказывает мою вину.

— Убитый сбил насмерть вашу невесту.

— Поэтому я не могу сказать, что соболезную по утрате господина Орехова.

Юров сохранял спокойствие.

Агент снова запустил видеозапись и замедлил.

— Смотрите! Остаточный заряд уходит по направлению к крышам. Мы посмотрели, куда именно.

Он достал полиэтиленовый пакет, в котором лежали обугленные и деформированные приборы, и продолжил:

— Обнаружено на крышах. Пластик, внутри схемы... Скорее всего, это датчики сигнала для молнии.

Юров сделал вид, что с интересом разглядывает их.

— Можно посмотреть? Мне как учёному любопытно...

Борис Чаков улыбнулся. Ему нравилось самообладание преступника.

— Да, конечно.

Доцент повертел в руках обугленные куски.

— Схемы перегорели. Сложно сказать, что это и для чего.

ФСБшник спросил:

— Как вы считаете, гений должен дать человечеству знания?

— Гений? Сам решает, достойно ли человечество открытия.

— Вот открытие. Управление природным электричеством. Мир бы изменился к лучшему.

— Думаете? Кого-то из черни сбивает машина властителя. И что? Как помогли правила дорожного движения? Колесница Нерона давит подданных... У вас ещё есть вопросы?

— Спасибо за беседу. Вы свободны. Пока.

Сергей Юров ушёл.

Агент довольно забарабанил пальцами по столешнице. Сомнений не осталось. Во-первых, Юров — это и есть убийца-гений, во-вторых, он обижен на всех.

Почти неуправляемый. Значит — у него только один выход из ситуации. Выход, который устроит всех властимущих.

В школе на уроках алгебры Борису нравилось смотреть ответ в конце задачника. А потом — решать уравнение. Так и сейчас — итоговый результат известен. Икс найден. Осталось дело техники — составить решение задачи.

Он потянулся к визитке Орехова-старшего...

* * *

Юров ненавидел пешеходные переходы. И альбом Beatles «Abbey Road». Попробуй так походить по улицам! Никто не выживет.

Всего лишь шаг на белую полосу. Если перешагнуть через чёрную. Но что, если белые полосы — это всего лишь просветы сквозь решётку? А увольнение по сокращению — это чёрная полоса или белая? Паниковать не стоит — остались сбережения с гранта. Но сил искать новую работу пока нет.

Ключ громко провернулся в двери. Как будто рванул по сердцу. Одноушка одного одиночества.

Сергей поставил чайник и пришёл в комнату. Сел на диван — он не раскладывал кровать, спал так, скукожившись на диване. Чтобы не просыпаться в большой кровати одному.

— Всё хорошо, прекрасная маркиза... — прошептал он и снова пошёл на кухню.

Чайник закипел и выключился. Вода громко булькала в стеклянной колбе.

Надо что-то съесть.

Сосиски. Отварить.

Недоделанная статья ждала в закрытом ноутбуке. Можно дописать, но... как заставить себя?

Стоит отвлечься — и он забывал, что невеста мертва. По привычке ждал звонков, сообщений.

Как в тот день.

Вечерний сеанс. Места для поцелуев.

Теперь любимая — только в памяти. Сколько он ещё будет помнить её голос? Её запах... Её тепло. Прогулки, смех, забавные морщинки у носа от сощуренных глаз.

Труднее всего просыпаться. Одному.

Сергей помнил последнее утро. Поцелуй на прощание — и беззаботный день. После работы купил билеты в кино. Положил в карман рубашки.

Уже потом, когда разделся в одиночестве, вспомнил про них. Смял. Расправил. И положил за стекло книжного шкафа.

Очевидцы говорят, что был скрежет тормозов и удар. Десять метров тормозного пути. Она вышла из дома и через полчаса попала под машину.

Вечерний сеанс. Места для поцелуев.

А он думал о любимой весь день как о живой. Пока не узнал от её родителей.

Потом на суде убийца... Его слова врезались на-мертво в память:

— Надо правильно переходить на тот свет.

Сергей прошёл на кухню, выключил газ под кастрюлей. Сосиски вроде сварились.

В этот момент в дверь позвонили.

Это был Орехов-старший.

— Я пройду? — без приветствий сказал он, стоило открыть дверь.

За ним оставались грязные следы.

— Дождь идёт? — спросил доцент, глядя на следы.

— Если это — ты, то лучше сознайся.

— В чём признаться?

— Не валяй дурака! Кто ещё мог... так убить?

— Молния попала.

Юров посмотрел на прокурора. У того хищно раздувались ноздри.

— Молния?! — крикнул Орехов. Посмотрел по сторонам, будто разыскивая что-то, и побежал на кухню. Послышался звон бьющейся посуды.

— Что вы делаете?! — заорал Юров.

— Это не я, это — землетрясение! — сказал прокурор и убрался из квартиры, громко хлопнув дверью.

Сергей прошёл на кухню, сел за стол. Достал спички.

На весь стол он выложил спичками сердце, чередуя направление головок влево и вправо. Потом поджёг. И смотрел, как вспыхивают огоньки через один.

Опознавательные знаки для самолётов и ангелов. Чтоб знали, где их ждут. Танец огня.

Он смахнул со стола трупы спичек. Остались следы. Полоски. Будто кто-то нарисовал пешеходный переход в форме сердца. Лестница перехода. Пешеходный переход в вечность.

Доцент улыбнулся внезапной мысли. Кому должен гений? Только себе. Никому не были нужны его изобретения. Он рассказал руководству университета. И что? Декан посчитал его выскочкой. А сегодня — увольнение по сокращению.

Похоже, иного выхода нет. Только путь в вечность. Навстречу к любимой.

Раньше он дарил возлюбленной молнии на опушке леса.

— Ты должен это показать. Ты... Это нужно лю...

Людам — хотела договорить она.

— Любовь, — сказал он и закрыл её губы поцелуем.

Громыхали молнии, они целовались. В отблесках света её волосы развевались, а она нежно закрывала глаза.

Сергей надел куртку. Сгрёб из-за стекла датчики и сунул переделанный лазер в карман куртки.

На улице было пасмурно. Больше ничего не требуется, чтобы поймать молнию.

За город, подальше от людей, подальше от духоты и суеты. От лжи и фальши.

Он устал. Очень устал.

Вот и опушка. Ботинки давно промокли. Но это не важно.

Юров долго устанавливал датчики. Закреплял на деревьях в странной последовательности.

Сейчас, подожди, ещё чуть-чуть.

«Я уже рядом.

На подходе.

Жди».

Сергей встал в центре сердца.

Лазер в кулаке сигнальным отверстием вверх.

Осталось нажать на кнопку.

Вдох.

Сигнал устремился вверх.

Молния пробила рядом. Зажгла дерево слева.

Ещё сигнал.

Загорелась берёза напротив.

Затем — где-то за спиной.

Снова и снова молнии били в деревья вокруг поляны.

Мир замедлился и поплыл перед глазами. Небо закружилось, пожар заполнил всё снаружи и внутри.

Если посмотреть с высоты птичьего полёта, то молнии сотворили на поляне большое сердце из полыхающих деревьев.

Надо правильно переходить на тот свет. Сердце — это путь по ту сторону света. Просто надо начать. Смерть — всего лишь незначительное препятствие к вечной любви. Когда ж молния снизойдёт? Когда подарит покой и счастье восхождения?

Краем глаза Сергей заметил летящую в него палку. Боль пронзила руку. Кулак разжался. Лазерная указка выскользнула и укатилась.

Сергей осмотрелся по сторонам.

По прореску к нему бежал ФСБшник. С фонариком. Видимо, он следил за ним от самого дома. И не дал уйти за любимой. Надо было не убивать этого Орехова, а сразу уходить...

Агент посветил фонариком возле ног Юрова, поднял лазерную указку.

— Что-то гроза разыгралась, — сказал он. — Пойдёмте. Быстрее.

Доцент взглянул в глаза ФСБшнику. И подчинился.

Агент выглядел уставшим. По пути навстречу им в сторону поляны бежали люди в спецовке.

— Вы очень неосторожны. Пришлось убрать с пути всех следящих за вами.

— Зачем?

— Скажу честно, шансы поймать преступника ничтожно малы. Ничтожно. Даже если вычислить, кто он. Доказательств вины до сих пор нет. Поэтому... могу быть с вами откровенен?

Юров пожал плечами и ответил:

— Как хотите.

— Хорошо. Нас интересует не столько поимка преступника, сколько сама техническая возможность управления молниями. Даже скажем так... нас больше не интересует поимка преступника, если мы владеем технологией управления молниями.

Они встретились взглядами.

— Интересное предложение, — сказал после паузы Сергей и отвернулся.

— Готовы к переходу?

Доцент снова посмотрел в глаза агенту.

— А откуда... — сказал он и замолчал. Хотел спросить: «Откуда вы знаете про правила перехода?»

Немигающий взгляд. Умный карий взгляд.

Юров задумался. В принципе обмен понятен. ФСБ легче всю жизнь держать его на привязи преступления. Власти закрывают глаза на убийство. А он за это выдаёт им открытие.

— Мы почти дошли до машины, — сказал агент. — Я подвезу вас.

— Куда меня?

— Если не возражаете, то домой.

Юров сел в машину.

На людях агенты оцепляли территорию пожара оранжевой лентой.

Дворники смахивали капли. Три с половиной движения дворников длился вдох и выдох Сергея.

— Согрелись? — спросил ФСБшник.

— Немного. Это вы подослали прокурора ко мне?

— Я, — честно ответил агент. — Он сразу возьмётся за вас, как только я уеду.

«Понятно, если я откажусь — ты натравишь местных», — мысленно перевёл Юров. Сердце огня захлопнулось ловушкой.

Огни города размывались дорожками дождя по стеклу. А машина везла его в новую жизнь.

* * *

Прокурор очень настырный. Вот прилетел ни свет ни заря. Чуть ли огнём не пышет.

Борис медленно развязал папку и передал Орехову отчёт, адресованный главе отдела ФСБ.

— Читайте.

— Ммм... не виновен? А... кто тогда?

Прокурор вернул лист.

— Ну уж не знаю, — ответил ФСБшник. — Враги... Серьёзные какие-то. Заказное убийство.

— Точно не он?

— У меня проверенные данные.

— А куда этот доцент делся? Исчез из города...

— Я занимаюсь поимкой преступников, а не розыском невиновных, — нехотя ответил агент.

Теперь — отвернуться и сделать ужасно занятой вид.

Орехов не уходил. Пришлось добавить:

— Зачем было пугать парня? Ночные разговоры по душам...

— И ночные пожары от кучи молний.

Да, конечно, прокурор догадался. Но надо было дать Юрову выпустить пар.

— По пожару готов отчёт. Природная аномалия, — сказал он с нажимом и обернулся к Орехову.

Вот стоит этот грузный мужик. В глазах — только жажда мести. Опомнись. Пока тебя не убрали.

Юров — теперь птица не твоего полёта.

Орехов дрогнул. Отвёл взгляд.

— Понятно, понятно... — пробормотал он и попятился из кабинета.

* * *

Борис получал удовольствие от работы.

Один звонок в университет, чтоб уволили доцента. Ещё один — Орехову. Два разговора — и гений наш. Забегал, заиклился на своей усопшей зазнобе — и попался. Другого выхода у Юрова не было. Но зачем принуждать, если можно создать иллюзию выбора?

Конечно, в крайнем случае доцента бы убрали. Но похвалило бы начальство за потерю мозгов? За потерю открытия?

Миссия выполнена. Парень получит заведование лабораторией. И нуждаться ни в чём не будет. Всё равно ему надо было сменить обстановку, чтоб не дай Бог руки на себя не наложил. Хотя огненное сердце из молний — это, конечно, романтично...

Свободный вечер. Такое бывает, когда одно задание уже выполнено, а новое ещё неизвестно. Время, когда можно пофилософствовать.

Совместимы ли гений и злодейство? Глупый вопрос. Сможет ли работать гений, если справедливость не достигнет злодея? — вот верный вопрос, на который агент точно знал ответ. **У**

День открытых дверей в отечественной истории

Новелла в стиле фэнтези

Влада Ладная (псевдоним)

Родилась в г. Железнодорожном. Окончила филфак МОПИ им. Н.К. Крупской. Училась в творческой мастерской Андрея Куцаева при Союзе писателей СССР. Поменяла полтора десятка профессий: работала редактором в библиотеке им. В.И. Ленина, секретарём в Ассоциации промышленников и предпринимателей России, кадровиком, медсестрой, уборщицей, художником, сторожем, продавцом. Двадцать лет преподавала литературу в средней школе и в высшем учебном заведении. Жила на Камчатке. Автор романов, учебников, пьес, статей. Член Союза писателей России. Награждена медалью М.Ю. Лермонтова. Имеет медаль «За верное служение отечественной литературе», немало дипломов литературных конкурсов и призов.

*Самопожертвование... разворачивает
тех, кому приносят жертву.*

Оскар Уайльд

*Если имею дар пророчества,
и знаю все тайны, и имею всякое
познание и всю веру, так что
могу и горы переставлять,
а не имею любви, — то я ничто.*

Св. апостол Павел

Трассирующие пули протрачивали помещение, горящие стрелы вонзались в дубовые створки ворот, пулемёт «максим» старательно выводил речитатив, стрелецкие бердыши сновали в воздухе, как челноки, тень атомного гриба маячила вдалеке.

Безобразничали в городском музее. Стилизован он был под русский терем, но с готическими витражами, с самаркандскими изразцовыми куполами и с древнегреческим портиком при входе. Обычное дело для Чтоделательландии. Здесь же, как в Ноевом ковчеге, кого только нет. Вот и аукается.

И — выхлестнулось.

Законсервированное с трудом в витринах и припиленное к стендам, наше прошлое вырвалось на свободу и разгулялось.

Юные кавалергарды 1812 года рубились на палашах с французскими гренадёрами, лётчики времён Великой Отечественной метелили люфтваффе, дружинники князя Олега врезались в конницу половцев, ветераны-афганцы стояли насмерть против моджахедов.

Крики, взрывы, ошметья человеческих тел, мольбы о помощи.

Как меня сюда занесло? — Пришёл с войны.

Неважно, с какой, мало ли горячих точек в чокнутом мире!

От всего было больно. Автобусы, где люди сдавлены, как скот, который везут на убой. Одинокие старухи, безнадежно волокущие за собой неподъемные сумки. Синие тушки невинно убиенных кур в магазинах и то отзывались трагедией.

Скомканное небо; чудовище бюрократии; близкие, которых перестал узнавать; друзья, которые напрочь забыли: война потрепала меня капитально. Жена от меня ушла.

Это раньше ездили за мужем в Сибирь. Теперь — в Нью-Йорк за любовником.

Спасибо, оставила мне дочь.

Единственный, кто тогда не предал меня — город.

Он твердил:

— Я тебя обойму своими тенетами, обовью своими пеленами: колоннадами и парками, руками статуи и площадями. Я уйму твою боль своей красотой. Ты заслушаешься музыкой улиц. Ты напьешься гармонией храмов. Если больше нет сил выносить жизнь, — иди ко мне, в параллельный мир искусства. Живи прекрасным.

И пусть мёртвые хоронят своих мертвецов.

И — сбылось.

Бывший крутой спецназовец, я пошёл работать чичероне в музей исторический. Водил экскурсии, пичкал детишек рассказами о святых и героях, читал дояркам из глубинки Цветаеву и Гиляровского. Орошал заблудшие души родниковой водой культуры.

И постепенно обрёл нечто.

Это называется душевным покоем, а в религиозной литературе — сладостью бесстрастия.

Но — всё рухнуло в одночасье.

Мэру приспичило провести то ли фестиваль, то ли перформанс, то ли день открытых дверей вочечественной истории, и, конечно же, в моём музее.

Сейчас в узкие проходы между тематическими побоищами проныривали танцующие: раут тоже был в разгаре. Кому война, а кому мать родна. Да и затевалось-то всё как праздник.

Так что вальсировали, плясали вприсядку, рок-н-роллили, поскальзываясь на окровавленном паркете, круглолицые боярышни — коса до пят — с космонавтами; вольный каменщик с мумией алтайской принцессы; гимназистки в белых фартуках с рындами в белых же терликах, с топорами под мышкой; Лев Троцкий с неандерталихой; комсомольцы, покорители целины, с придворными дамами государства Урарту; Лжедмитрий с Верой Комиссаржевской.

Светский щебет на фоне исторических реалий не прерывался.

И на каждую фразу современного бомонда эхом отзывались слова тех, кто уже стал жертвой истории.

— Да, гламурно всё организовали, стильную забабахали вечеринку...

— Наши светские мероприятия были изысканнее. Только кончилось всё быстро. Я в восемнадцатом схоронила мать, умершую от тифа, отца расстреляли, так что даже могилы не осталось, а потомки наших крепостных сожгли имение с коллекцией итальянской живописи. Вот и весь гламур...

...А тем временем не только история подверглась форменному приступу сумасшествия. У природы, и той крыша поехала.

В законном саду в мае месяце вдруг начался февраль. Метели заносили старый город по самую крышу. Волки выли у порога, как будто это бушевал пугачёвский буран в оренбургской степи.

И гости не умолкали. Кого-то волновала прибыль. Кого-то — спасение страны.

— Этот сейшн — прекрасный способ отмыть деньги... Удачная мысль!

— Вот кой век твердят: ах, счастье-то какое привалило жить в такой богатой стране! — А где оно, счастье-то? По-моему, так наоборот: проклятье. Каждый жадный мерзавец тянет свои грязные лапы к нашим богатствам, тут и приходится, знай, воевать всю тысячу лет истории без перерыва на обед. Да и работать никак не научимся, сокровища ж под ногами. А если б не былоу нас ни шиша, как у той Японии, пришлось бы брать только умом и трудолюбием...

...А то вдруг там, за окном, в кротком саду размером с диванную подушку, начинался сущий июль, да не наш, а африканский: жара палила, словно в пустыне, песчаными барханами заносило газоны, дым торфяных пожаров набивался в кроны деревьев и в лёгкие проходим, люди терялись, блуждая в сизой мгле.

И снова жажда наживы перемежалась философией.

— Откаты увеличиваются: инфляция, милейший...

— Или ещё! Великая Россия, великая! Да что нам с того? И при Иване Грозном козыряли величием, и при Петре, и больше всего — при Сталине. А толку-то? Чем больше величия, тем ужаснее жилось народу. Может, не над грандиозностью работать, а над добротой, например? Как вам: милосердная к своим гражданам Россия! Звучит? — По крайней мере, свежо...

Богатство губительно для человека, — но, может быть, и для страны?..

Гордыня, заставляющая алкать величия, смертельна для души, но, кажется, и для государства?..

— Вы, значит, считаете, что, когда на нас напала фашистская Германия, нам надо было смирять

гордыню, власяницу носить и оккупантов встречать хлебом-солью?..

И некогда легкомысленная стрекоза с кружевным веером грустила. Даже её история сделала философом.

— Ах, какой душка был тот гусар! Куда там нынешним, сплошное вырождение! Да только сгинул он под Бородином...

...Легкомысленных и занудливых танцоров одинаково теснили и толкали то Ленин со товарищи, бесцельно таскавшие своё бревно по музею туда-сюда, то древнерусские охальные скоморохи, со свирелями, с волынками и с медведем на сворке, то коронационная процессия Николая II, то надутые чиновники мэрии, перед которыми раскатывали ковры деловитые шестёрки.

Затевался этот содом с тайным умыслом: на халюву получить консультации, как же всё-таки быть с Чтоделательландией. Можно её как-то цивилизовать и наладить или пора закрыть на переучёт и упразднить втихаря?

Но историческая элита могла только отважно сражаться да упоительно повесничать. Путного слова же от неё так и не удалось добиться.

— Да если бы мы знали, куда идти, разве мы допустили бы революцию в семнадцатом? — оправдывались сенаторы и помазанники Божьи.

В совсем уж тёмном углу притулились на скромном чаепитии жёны декабристов.

К ним на пресс-конференцию высадили десантом девочек-подростков из лица с гуманитарным уклоном.

Преподаватель их, костлявый, нелепый, с плохо вымытыми, клочьями седеющими волосами и в поношенном вязаном жилете ромбиками, сверкал залапанными очками с дужкой на лейкопла-

стыре и строго бдил, чтобы окружающая мужская шатия не пускала слюни вокруг Лолит.

Декабристки пытались рассказать о своей жизни. Но молодёжь это не интересовало. Ей не терпелось высказаться.

— Я нахожу, что это идиотизм: ехать за мужем в Сибирь да ещё лобызать его кандалы в благодарность за то, что он мне жизнь сломал. Где логика?

— А на что вы хотели бы потратить себя, если не на любовь? — тихо спросила страшно постаревшая Полина Гёббль-Анненкова. Ещё бы: француженка — да в пятидесятиградусные морозы. В острожной церкви венчание, только на это время и сняли цепи с жениха. Восемнадцать детей родила, и лишь шестеро выжили.

— Конечно, на карьеру, — ответствовала девушка в безупречном английском костюме, мечта ревнителя дресс-кода. — Как можно быть чьей-то тенью? Я имею право на собственную самореализацию, — взгляд у девушки был как холостой выстрел.

Молодёжь искала смысл жизни. Но история уже дала ответы на эти вопросы:

— Батюшка мой стал премьер-министром, да тут грянула революция... Стоило на карьере эту жизнь гробить! — на ходу бросила фразу вальсирующая с кем-то дама.

...И вновь в музейном саду развернулась несусветица: осень как есть, проливные дожди без конца и без края, желтый бред обрываемых ветрами листьев.

— А я хотела бы просто радоваться жизни! — возгласила отроковица в блёстках: и платье, и губы, и платформы туфелек переливались огнями, как рождественская ёлка. И вся девочка была как новогодняя побрякушечка, сверкучая, мимолётная. — Выйти замуж за бизнесмена, ну, там дом на Рублёвке, «мазератти», яхта, круиз вокруг света.

Мы ведь для этого приходим в сей мир, для радости!

Да все о благополучии мечтают, и вы тоже!

...Новая порция танцоров прогарцевала мимо, болтая без передышки:

— Накопил я немало, — хвастался брюнетке красавец Алексашка Меньшиков. — Принадлежало мне девять городов, девяносто тысяч душ крепостных, девять миллионов в зарубежных банках (это при том, что на пятнадцать копеек можно было телёнка купить, а за рубль — дом в деревне), бриллиантов на целый миллион, сто пять пудов золотой посуды.

А потом арестовали меня, всё добро отняли, а меня в одном кафтане сослали в Берёзов вместе с семьёй, с дочерью, которую собирался я выдать замуж за императора Петра II. Там дочь моя обожаемая и умерла. И понял я: всё материальное — суета сует...

...И снова зима лихолетила в садике: иней перехрусталил деревья, воздух оделся в кружевные жабо-манжеты снежинок, словно галантный елизаветинский кавалер.

— Я бы тоже не поехала за декабристами в Тьмутаракань какую-то. Они же на власть законную покусились, переворот задумали, а мы знаем, чем это закончилось в 1917 году и чем вообще свержение законной власти заканчивается: недавняя история дарит свои страшные примеры.

Декабристы — убийцы, преступники, а жены, им сочувствующие, стали их соучастниками, — влезла девочка-двоймочка с беленькими волосиками в бифокальных очках, превосходящих по тяжести её живой вес. Видно, что отличница.

Но ответом на эти рассуждения вундеркинда стали восторженные воспоминания Салтычихи:

— Девки мои дворовые сами виноваты: нечисто белё мыли и полами манкировали, — убеждала партнё-

ра разгорячённая мазуркой помещица. Взгляд у неё был такой, как будто её всю через глаза вывернули наизнанку. — Пришлось поучить: мерзавок побил поленом, выпорола по-матерински после того, как раскалёнными щипцами их прижигала. Преставились от этого сто тридцать восемь лентяек. Ну, квёлые оказались. Так на всё воля Божья!

Дюймовочка в бифокальных очках слегка сбилась. Наверное, ей пришло в голову, что неизвестно всё-таки, то ли декабристы убийцы, а то ли спасители народа от салтычих многочисленных.

— И своих детей вы бросили, маленьких совсем, помчались за мужьями-сумасбродами. А дети-то без пригляда умерли! Вы в детоубийц превратились! — не сдавалась вундеркиндша.

— Однажды к древнегреческому философу во время научного спора пришли с сообщением о гибели сына. Учёный помолчал, а потом сказал: «Я всегда знал, что породил смертного». И продолжил дискуссию, — вмешался, наконец, преподаватель девушек.

...А за окном словно разрезвился апрель: мелькали то солнце, то пасмурь, то смех, то слёзы. Будто кто-то фокусы показывал, выдергивая из цилиндра поочередно ленты, пауков, цветы, шипящую кобру. Или как если бы у разноглазого человека случился нервный тик, и уникам замигал бы иногда чёрным, а временами голубым.

— Нет, это всё слишком по-детсадовски, — вонзилась в обмен мнениями красотка, вылитая фарфоровая статуэтка, но в косухе, в берцах, в заклёпках и в цепях. — Здесь дело принципа.

По-моему, наша страна так ужасно, убого, нищенски живёт из-за таких, как вы! Это вы со своим альтруизмом оголтелым приучили людей собой жертвовать. Простачки повелись, поверили. А тут и подросли шустрые и хитрые, которые сели

жертвователям на шею и стали погонять, покрикивая: «Ещё, ещё давай, нам твоих жертв мало!»

Философия самопожертвования порочна. Она окружающих портит. Она приучает разных проходимцев пользоваться добротой людей, как дойной коровой.

— Но ведь современный мир создан подвижниками и теми, кто не жалел себя за други своя, — пыталась вставить Трубецкая, сидевшая в инвалидном кресле на колёсах и раздираемая кашлем: у неё был рак лёгких. Та самая княгиня, которую пугали, что её в Сибирь за мужем погонят в каторжанских кандалах по этапу, пешком сотни вёрст, в мороз, — а Екатерина Ивановна только просила скорее надеть на неё цепи, чтобы быстрее отправиться в путь.

— Да, и каков этот мир! В нём же жить невозможно: войны, зверства, жадность! — вскричала девушка в косухе. — История и сама жизнь не богадельня. Чем меньше нам делают незаслуженных подарков благотворители, тем человек вынужден быть сильнее и трудолюбивее. А если народ, как ваши муженьки, приучится, что его проблемы доброхоты языками вылизывают, это будет не народ, а паразит.

И это уже не история, а садомазохизм.

— Ты, папа, хотел бы, чтобы я поехала за каким-то придурком в Сибирь? — дёрнулась девица в мою сторону. Ибо признаюсь, сия продвинутая особа — моя дочь.

Пришлось отвечать честно.

— Не пустил бы.

— Не пускали, — вздохнула Волконская. — Отец проклясть обещал. Мать запретила мне ей писать. Ребёнка отняли. Всё равно уехала.

— И Вы ни секунды не пожалели о сделанном? — вцепилась в Марию Николаевну моя дочура.

Волконская молчала. Угрюмое лицо её, с тяжёлым неприятным взглядом, как у законченного мизантропа, могло сойти за ответ.

— Я на декабристок молиться готов, — вмешался я. — Но дочь не отпустил бы. Всё, что угодно, только чтобы наши дети не сжигали себя на жертвенниках, чтобы отпрыски просто были счастливы. Довольно того, что я всего себя отдал своей стране, вернулся контуженный.

Так я всегда думал.

До сегодняшнего дня.

Но вот сейчас послушал собственное чадо, как оно поёт оду эгоизму, и понял: я вырастил чудовище.

Или моя кровь всё же права?

Устами младенца глаголет истина?..

Не знаю, в чём правда. Запутался.

В девятнадцатом веке и аристократы, и крестьяне жили по принципам самопожертвования. А у нас ни бояре, ни народ. Так ведь теперь все существуют гораздо легче и комфортнее, чем двести лет тому назад.

Что случилось? Как могла история так протухнуть?

— Приучая детей к альтруизму, вы отправляете их на убой, — надсаживалась доча, — делаете их гарантированной добычей обманщиков и манипуляторов, создателей финансовых пирамид, чёрных риелторов, искателей пушечного мяса. Вы плодите обречённых агнцев.

Что их ждёт?..

— «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится... не ищет своего, не раздражается... всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит», — едва слышно прошептала Ентальцева, цитируя апостола Павла.

Лицо её было по-русски мягким, нежным, простым. А ей досталось, пожалуй, горше всех: в первый раз вышла замуж за игрока, который всё проматывал и опустился до шулерства. Кое-как развелась с ним, и тоже ценой потери дочери. Обвенчалась с Ентальцевым, настоящим букой, старше Анны Васильевны, далеко не красавцем. А его сослали в Сибирь, как других декабристов. Поехала за ним. А он при всех, не стесняясь, стал изменять жене с её служанкой. Потом вовсе сошёл с ума. И Ентальцева до самой смерти за мужем ухаживала.

— Я же говорила: дурдом! — подвела итог моя дочь. — Исповедовать такие идеи сегодня — самоубийство, вы в глаза реальности-то взгляните, блаженные!

Мой тренер по боевым искусствам учит: никого не пускай за спину, никому не верь, будь всегда начеку, ты в мире одна против всех! Только так можно выжить. Мир — это бассейн с акулами, а вы призываете с ними целоваться? Вы хоть понимаете, сколько вы жизнью уже сломали и ещё сломаете своими проповедями?

— Вот чему вы тут мою дочь учите? — ворвался префект в тет-а-тет поколений, хватая за руку и выволакивая из чайного сообщества крошку в бифокальных очках. — С девчонкой и так сладу нет: родители вздумала осуждать, нравственность, видите ли, нарушаем. А что дочь о жизни-то знает? Пусть сначала хоть копейку сама заработает. Если сможет, с совестью этой.

Хватит чушь нести! И затевать это позорище не стоило! Мэр надавил: культура, культура. Актуально. Модно. — Разводилово сплошное эта культура ваша!

— Короче, нужен порядок, — кивнул префект ше-стёркам.

Половцев разогнал ОМОН. Кавалергардов и моряков Красного Флота затолкали обратно в витрины телохранилища мэра. Врачей, прививавших себе чуму и холеру ради спасения человечества, посадили на десять лет за игры с бактериологическим оружием. Мать Марию, участвовавшую во французском Сопротивлении, арестованную гестапо и добровольно пошедшую на казнь вместо другого человека, чтобы подарить ему жизнь, — отправили по «скорой» в психушку. Пушкина, за то, что вступился за честь жены, уволили по сокращению штатов из солнц русской поэзии. Зое Космодемьянской просто устроили такой чёрный пиар, что она второй раз сама повесилась.

Ввели уголовную статью за начитанность и духовность. Порядочность сослали в глубь истории.

Может, они и правы?

Вдруг, действительно, только так реально выжить?..

Но стоит ли выживать чудовищам?..

А, может, это я мутант и чудовище, специально выведенный, чтобы затыкать собой дыры в здании социума? Последователь секты приносителей себя в жертву?

Но я на войне был, я знаю: вместе, прикрывая друг друга, выжить легче!..

Дочь верит в иные идеалы.

Каждое следующее поколение должно быть умней.

Это и называется прогресс человечества.

Это прогресс?..

Меня разжаловали в сторожа, за то, что допустил бесчинства на вверенном мне объекте.

Но зато я обрёл утешение. Я снова полюбил.

Анну Васильевну Ентальцеву.

Она там, в девятнадцатом веке, я тут. У неё своя жизнь, у меня никакой.

Я скитался ночами по залам музея, залитым луной, безжизненным, как санитарная зона между эпохами.

Я искал, где ступала нога любимой. Я по-юношески расточительно и дерзко высекал из сердца стихи. Мне чудился взгляд Анны, отражённый в музейных стёклах.

А я один, один, любовь моя погребена в толще истории.

Нет надежды.

Вот разве что вдруг установился истинный май на дворе, хрестоматийный даже. Словно любовь исцелила раздробленный в мелкие осколки климат. Цвела безумная сирень, извергались трава и листья, соловей изрыгал трели, поражавшие жестоко, как проклятья.

Я, кажется, понял, что хотел нам сказать взбесившийся календарь.

Цивилизация ходит по кругу, как годовой цикл.

Абсолютный эгоизм, конец морали и сексуальная революция Древнего Рима. — И христианские добродетели, альтруизм и аскетизм, воцарившиеся после нашествия варваров. На полторы тысячи лет вразумили они общественность.

Снова жадность, исчезновение морали, беспутство и распущенность восемнадцатого века — и все притихли после Великой французской революции, когда гильотина навела чистоту в рядах дворян. Весь девятнадцатый век пылинки сдували с нравственности.

Опять распылили мораль в начале двадцатого века. — Семнадцатый год всем прочистил мозги. Все такими скромниками стали.

Внушает ли это надежду?

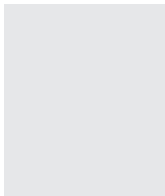
Недолго ведь человечество помнит урок.

Но, по крайней мере, всё возвращается на круги своя. Мы не разрываем с нравственностью окончательно.

И из пыльной витрины музея полузадушенно доносились обрывки:

— «Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»... **УС**

Жёсткая перезагрузка

Дмитрий Ворожцов

Начинающий писатель, ценитель качественной литературы, примерный семьянин и просто интересный человек. Родился 3 октября 1981 года в городе Первоуральске. Окончил электротехнический факультет Уральского государственного технического университета — УПИ. В настоящее время живёт и работает по специальности в городе Шадринске Курганской области. Совместно с любимой женой Анечкой воспитывает двух маленьких и очаровательных принцесс — Виолетту и Василису. Стал писателем совсем недавно — около трёх лет назад, причём совершенно случайно. Пишет о вымышленных мирах и самоотверженных людях, умеющих преодолевать любые капризы злодейки-судьбы. С некоторых пор любит ставить в текстах произведений точки над буквой «ё». Старается расти над собой каждый день и в глубине души надеется на то, что однажды напишет нечто действительно стоящее...

К старинному дому, спрятанному посреди заброшенного яблоневого сада, подъехал жутко тарахтящий скутер, за которым на полсотни метров тянулся сизый шлейф дыма. За рулём сидел худощавый парнишка лет восемнадцати в униформе «Pizzeria Uno». Кареглазый, смуглолицый, со смешными редкими усиками. Парня звали Анджело — его предки когда-то давно перебрались в Америку с Сицилии. Разносчик пиццы заглушил мотор и припарковал скутер у проржавевшей кованой калитки, видневшейся в полуразрушенном каменном заборе. Слез с мотороллера и достал из багажника заказ: две коробки чикагской пиццы и литровую бутылку диетической «Кока-Коль». Анджело с недоверием посмотрел на обветшалый двухэтажный особняк, двери и окна которого были заколочены прогнившими досками, но всё-таки поплёлся к нему по брусчатой дорожке, заросшей выгоревшей на солнце травой. Парень обошёл вокруг дома и отыскал только один вход с косвенными признаками человеческого присутствия. Анджело увидел на земле громадные следы от ботинок, ведущие к деревянной двери. Краска на ней пожелтела от старости и облупилась, а в нижней части виднелись царапины от кошачьих когтей. По центру двери не слишком ровно был посажен на шурупы жёлто-чёрный треугольный знак — «Осторожно! Высокое напряжение!», а под ним — табличка «Опасно!». Анджело, конечно, понимал, что всё это тут неспроста повесили, но электричества боялся гораздо меньше, чем остаться без чаевых. Звонка на двери не было. Курьер несколько раз постучал, косясь на знаки, но никаких признаков жизнь изнутри дома не доносилось. Решив, что час, потраченный на дорогу, всё-таки должен быть компенсирован материально, Анджело осторожно потянул за ручку, и дверь со скрипом отворилась. В просторном, но запущенном холле пахло не слишком приятно, а из глубины брезжил электрический свет и доносился гул, напоминающий

пчелиное жужжание. Курьер осторожно переступил порог — его не смутило, что при этом он нарушил главное правило разносчиков пиццы — не входить в жилище клиента ни при каких обстоятельствах: Анджело обожал нарушать правила и не хотел жить как всё. Ничего не произошло, никто ему на встречу не вышел. Паренёк дошёл до источника света и заглянул в дверной проём — никого, лишь ведущие в подвал ступеньки. Снизу несло тяжёлым, спёртым воздухом, отдававшим сыростью, плесенью и гнилью. Анджело наморщил нос и начал спускаться, держась одной рукой за стену, которая на ощупь казалась холодной и склизкой, словно лягушачья кожа. Свет становился всё ярче, а шум громче. Через минуту курьер очутился в небольшом мрачном помещении, напоминающем каменный мешок. Можно предположить, что комнату вырубали прямо в горной породе. Потолок очень низкий, едва ли выше двух метров. Вот только парня сейчас волновало другое — заказчика он не увидел.

— Чёрт! И здесь никого! — возмутился курьер.

По левую руку, в пяти шагах от Анджело, громоздилась от пола до потолка непонятная конструкция, похожая на овальное зеркало. К её мощному основанию молчаливыми змеями вились десятки чёрных кабелей. По периметру зеркальной глади висели какие-то датчики, с изредка мигающими разноцветными светодиодами. О предназначении таинственной установки оставалось только догадываться. На противоположной от парня стене виднелся ряд размеренно гудящих серверных стоек. Прямо перед ними смердела мусорная куча: коробки из-под пиццы, пластиковые бутылки от «Кока-колы» и тьма гниющих яблочных огрызков. По правую руку, у дальней стены, стояли повёрнутое спиной ко входу кресло и огромный письменный стол, на котором Анджело увидел аж пять жидкокристаллических мониторов. Собственно, они и служили основным источником света в помещении. Что на экранах, парень рассмотреть

не смог — слишком мелко и далеко. Любопытство взяло верх, и он направился к столу, где и обнаружил хозяина подземелья, внешне очень похожего на старого гнома. Невысокого роста хозяин подвала, уместаясь в кресле почти целиком, лежал без движения, закинув скрещённые ноги на стол и запрокинув голову. В уголках полуоткрытого рта виднелась пузырящаяся белая пена. По неухоженной бороде в стиле «а-ля Усама бен Ладен» текли вязкие слюны. Длинные волосы цвета чернозёма торчали в разные стороны. Лицо бледное, как у мертвеца, а под плотно сомкнутыми веками виднелись фиолетовые мешки. К тому же мужчина был страшно худой, словно большую часть свободного времени проводил в Освенциме. На нём красовался расстёгнутый медицинский халат, заляпанный пятнами, причём надетый почти на голое тело: ни футболки, ни брюк, ни носков, лишь трусы, но зато на ногах — зимние ботинки с мощным протектором на подошве. На животе у незнакомца дремал серый кот, грязный, тощий, со слипшейся сосульками шерстью. Он приоткрыл один глаз, бросил недовольный взгляд на Анджело и вновь уснул. Курьер подошёл поближе к креслу, с отвращением посмотрел на «труп» и протянул руку к его шее, чтобы проверить пульс... «Жмурик» захрипел и приоткрыл глаза.

— Кто ты, мать твою, такой?! Что ты здесь делаешь? — отвратительно-сиплым голосом заорал он на Анджело, выкатив глаза.

Разносчик пиццы от неожиданности потерял дар речи, шарахнулся назад, оступился, путаясь в кабелях, и чуть не упал — заказ полетел на пол, а сам парень бросился к выходу, потеряв бейсболку. «Мертвец» же столкнулся с собой недовольного кота и с трудом встал на ноги. Затем бросил взгляд на коробки с пиццей, порывшись в кармане халата, вытащил несколько купюр и крикнул:

— Эй, ты, стой! Тебе говорю! — но Анджело уже и след простыл.

— Деньги возьми, придурок... — лениво сказал «труп» и потянулся. — Слабенький оказался. Хотя нужно признать, выдержал дольше всех, — добавил он и зловеще, словно безумец, рассмеялся.

Незнакомец очень любил пугать людей — такое вот странное хобби. Не со зла, а так просто, от переизбытка скуки. Не обзавёлся властелин подвала ни женой, ни друзьями, ни знакомыми. Никем... Он сам отказался от любого вида общения, даже с родственниками. Шутника звали Перри Тайм, и этот дом принадлежал ему. Перри купил особняк лет десять назад у пожилой пары, прожившей в нём безвыездно семьдесят два года, но не стал почти ничего здесь менять. Единственное, что обустроил, — подвал, превратив его в научную лабораторию. Перри был гениальным изобретателем, фанатиком, посвятившим себя науке. Он наверняка давно бы уже получил Нобелевскую премию, дело лишь в том, что учёный совсем этого не хотел. Предпочитал вместо написания никому ненужных трудов работать руками — воплощать в жизнь безумные идеи. Хотя немудрено: гениальность и помешательство всегда идут рядом по тернистому жизненному пути, взявшись за руки и смотря с любовью друг другу в глаза. Перри вёл затворнический образ жизни и почти не бывал на улице. Разве что летом выходил на свежий воздух — в сад за яблоками, которые любил до беспамьятства. Собственно, из-за них он и приобрёл этот особняк. Всё остальное, в чём изобретатель нуждался, он заказывал через интернет. Тайм поднял сначала жёлто-чёрную бейсболку с логотипом «Pizzeria Uno», а после и коробки с пищей. Подошёл к столу, открыл верхний ящик и швырнул в него кепку. Теперь их там стало пять. Затем уселся обратно в кресло, выгнул кусок пиццы и с жадностью затолкал в рот. Он почти не жевал, заглатывал, словно удав. Не ел Перри со вчерашнего утра — в моменты озарения учёный забывал обо всём на свете: о еде, сне и окружающей действитель-

ности. Перри жил в придуманном мире, в котором стал если уж не Богом, то зловредным божком — точно!

— Компиляция файлов системы завершена, — раздался из динамиков монитора женский голос. — Вы можете продолжить работу, мистер Тайм. Вероятность успеха — девяносто девять и девять процентов.

— Хорошо, м-мадам, — пробурчал с набитым ртом Перри. — Включите установку.

— Сию минуту, мистер Тайм.

Почти сразу же послышалось потрескивание электрических разрядов, и помещение наполнилось запахом озона, заметно перебивавшим вонь. По зеркалу у стены забегали молнии, частота и сила которых увеличивалась с каждой секундой. Вскоре свечение стало нестерпимо ярким, словно в подвале зарождалась звезда. Что-то громко ухнуло, и в комнату вернулся полумрак. Зеркало превратилось в овальную линзу из жидкого расплавленного металла цвета. Перри доел, вытер руки о халат, придвинул кресло к столу и забарабанил по клавиатуре, уставившись в центральный монитор. По экрану побежали цифры, формулы, непонятные слова. Через несколько минут учёный нажал на клавишу «Enter» и с довольным лицом откинулся на спинку кресла.

— Выставь сегодняшнюю дату и время на одну минуту назад, — распорядился Перри. — Точка прибытия — подвал.

— Готово, мистер Тайм.

— Ну что ж, будем тренироваться на кошках, — с ухмылкой произнёс учёный. Он встал с кресла, позвал кота и взял несопротивляющееся животное на руки. — Послужишь науке, Эйнштейн.

Перри подошёл к светящейся установке и бросил в центр линзы кота, который тотчас бесследно исчез в её глубине. Изобретатель резко развернулся. Его нижняя челюсть отвисла, глаза налились кровью, лицо обезобразилось гневом.

— И?.. Мать твою, где он? — зашипел Перри на компьютер. — Ты сказала: вероятность успеха — почти сто процентов.

— Так и есть, мистер Тайм. Я не знаю, в чём дело, система работает нормально.

— Ты, на хрен, никогда ничего не знаешь! Дура! Мы из-за тебя уже полгода топчемся на месте, — заорал учёный, поднимая с пола пластиковую бутылку, которую выронил разносчик.

Перри зарычал и запустил «Кока-Колу» в гладь линзы. Бутылка тоже исчезла. Учёный сжал кулаки и сделал пару шагов. Вдруг будто из ниоткуда на него выпрыгнул обезумевший кот с выпученными глазами. Перри ловко его поймал, поднял за шкурку и осмотрел со всех сторон. Ничего подозрительного не нашёл и отдал приказ:

— Зарегистрируй в дневнике. Запись шесть тысяч триста один. Эксперимент прошёл нормально, дефектов распада материи не выявле... — Перри не договорил. Вылетевшая, словно пуля, бутылка сбила его с ног, ударив по лбу.

Изобретатель схватился за голову руками, застонал и пролежал так с полминуты. Затем с трудом поднялся и вновь заговорил:

— Когда ты в последний раз синхронизировалась, глупая железяка?

— Неделю назад.

— Всё с тобой ясно! Из-за тебя мы отправили Эйнштейна не в прошлое, а в будущее. Слишком много опытов, время в подвале искажается.

— Простите, мистер Тайм. Я учту этот момент...

— Конечно, учтёшь... Запись шесть тысяч триста два. Синхронизацию с серверами точного времени проводить по закрытому каналу не реже, чем раз в час.

— Принято, мистер Тайм.

Лицо Перри расплылось в улыбке, он обезумел от счастья. Наконец-то его детище заработало. Двенадцать лет,

двести десять дней и тринадцать часов не пропали даром. Никто не верил, что он создаст машину времени...

— Если бы ты это видел, то захлебнулся бы от зависти, чёртов Робинсон! — закричал Перри. — Это я должен быть лучшим. И сегодня я всё исправлю!

Фридрих Робинсон был закадычным и к тому же единственным другом учёного. Сколько Перри себя помнил, они всегда проводили время вместе, как говорится — не разлей вода. В детском саду, школе, институте. Одинаковые увлечения, мечты, взгляды на жизнь. Всё изменилось в один день — на защите диплома. В комиссии тогда сидели представители крупнейшей корпорации «SRC». Лучший из одарённых студентов мог получить путёвку в жизнь — место в компании и неограниченный лимит на продвижение изобретений. Фридрих успешно защитился, его работающий на бытовых отходах энергетический реактор произвёл фурор. А Перри... с треском провалился... Летающий скейтборд, идею которого учёный тоже подсмотрел в фильме «Назад в будущее-2», не заработал... Той же ночью он отыскал причину: перегрев гравитационного корректора. Его помог установить Робинсон, и воткнул в гнездо вверх тормашками. Перри решил, что друг сделал это специально и тем самым сломал ему жизнь. С годами обида переросла в скрытую ненависть. Мечь Робинсону стала целью его жизни, каждый день он засыпал и просыпался с мыслью о мести. Она грызла серое вещество учёного, словно ненасытный червь яблоко. Тогда Перри и придумал коварный план — создать машину времени и радикально исправить ошибки прошлого.

— Выставь шестнадцатое июля тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Три часа ночи, — отчеканил Перри. — Точка прибытия — кампус Чикагского университета. Основная лаборатория факультета физических наук. Автоматический возврат в исходную точку через двадцать минут.

— Готово, мистер Тайм.

Перри подошёл к светящейся линзе и без раздумий шагнул вперёд. Больше ждать он не мог...

* * *

Всё произошло моментально. Никаких изменений в теле и неприятных ощущений. Ни температурных перепадов, ни покалываний от разрядов. Абсолютно ничего. Раз — и он переместился в пространстве. Одна нога ещё стояла на полу в подвале, а вторая уже скользила по кафельной плитке лаборатории. Перри вышел из линзы и осмотрелся. Было темно, но всё же он мог ориентироваться — благо, на улице ярко светила луна. Хотя за долгие годы учёный и так ничего не забыл — он по-прежнему помнил, где и что лежало, и мог найти любую вещь даже в полной темноте. Перри прошлёпал вдоль столов с банками-склянками, свернул направо и вошёл в университетскую лабораторию. Уверенным шагом приблизился к шкафу, распахнул дверцы и наклонился к металлическому сейфу, стоящему на нижней полке. Набрал знакомый код и через пару секунд уже держал в руках злополучный скейтолет, с которого начались его неудачи. Перри открыл на аппарате крышку, выгасил ногтями корректор и установил правильно. Вернув скейт на место, учёный уселся на пол и ухмыльнулся — осталось дожидаться. Вскоре он почувствовал, как его манит к себе временная линза. Кисти рук стали полупрозрачными... Мир перед глазами завибрировал и начал стекаться в точку, словно вода в слив раковины. Темнота проглотила Перри, но, подавившись, выплнула обратно на свет...

* * *

Учёный вновь очутился в подвале. С его лица не сходила улыбка. Он подбежал к столу и протянул руки к беспроводной клавиатуре...

— А-а-а! — закричал Перри как резаный. — Что это, мать твою, такое?!

— Что-то не так, мистер Тайм? Вы взволнованы...

— Конечно, не так! Всё не так!!! Где мои пальцы?!

Охренеть! Я теперь долбаный ниндзя-черепашка! — визжал учёный, хватаясь за голову.

— Что вас удивляет? Вы всегда так выглядели, сколько я вас помню.

— О, мой бог! Найди мне все сведения о несчастном случае со мной.

— Готово, мистер Тайм. Шестнадцатого июля в Чикагском университете произошёл несчастный...

— Переходи к сути! — оборвал он компьютер на полуслове.

— В результате взрыва источника питания прототипа гравитационного скейтборда пострадал студент университета Перри Та...

— Хватит! Найди мне информацию о Фридрихе Робинсоне.

— Найдено восемьсот сорок совпадений, мистер Тайм.

— Он работает в корпорации «SRC»?

— Фридрих Робинсон — знаменитый учёный-изобретатель, лауреат Нобелевской премии по физике. С две тысячи двенадцатого года занимает пост генерального директора корпорации «SRC»...

— Вот дьявол! Стало только хуже! Чёртов Робинсон! — зарычал Перри и швырнул в стену клавиатуру, отчего та разлетелась на мелкие кусочки.

— Мне продолжать, мистер Тайм?

— Нет! Нужно всё исправить, — пробормотал учёный, открывая нижний ящик стола. — Странно...

— Что странно, мистер Тайм?

— Я всегда здесь хранил запасные клавиатуры, а теперь их там нет.

— Возможно, это какая-то ошибка. Вы всегда держали запасные устройства ввода в верхнем ящике.

Перри не стал спорить, открыл нужный ящик и положил на столешницу новую клавиатуру, но вновь замер в нескрываемом удивлении.

— Что-то ещё не так, мистер Тайм?

— Ерунда... но всё же... Неужели разносчик пиццы не приходил? Здесь лежит только четыре кепки.

— Никак нет, вероятно, опаздывает. Мне позвонить в службу доставки и уточнить о времени прибытия курьера?

— Не надо, запись шесть тысяч триста три. Уделить внимание исчезновению разносчика пиццы. Не забудь напомнить мне по прибытии. И выставь...

— Извините, что перебиваю, но я должна вам сообщить важную деталь.

— Не отвлекай меня! Позже... Выставь седьмое июня тысяча девятьсот девяносто третьего года. Семь часов утра. Точка появления — Чикаго, район Энглвуд, улица Халстед, дом триста шесть... Автоматический возврат через двадцать минут.

— Готово, мистер Тайм. Я обязана сообщить вам о том, что...

Перри уже не слушал, он на всех парах нёсся к зеркальной глади линзы.

— ...разница во времени между входом и выходом в линзу составила две минуты сорок шесть секунд...

* * *

Изобретатель вылетел из портала, как пробка из бутылки шампанского, разве что без пены. Не сумев остановиться, он врвался в кирпичную стену и стёк на пол, но через несколько секунд очухался, поднялся на ноги и осмотрелся. Никаких сбоев не произошло: Перри оказался там, где и планировал — в доме родителей Робинсона, а вернее сказать, в гараже. В центре его стоял не автомобиль, а экспериментальный утилизатор-расцепитель бытового мусора — первый достойный

проект Фридриха. Сегодня товарищи будут презентовать свои детища на ежегодной школьной выставке изобретений и инновационных технологий: Робинсон — утилизатор, а Тайм — миниатюрный, со спичечный коробок, аккумулятор, с номинальной ёмкостью в десятки килоампер-часов. На выставке таланты юных гениев и разглядела специально приглашённая почётная гостья — Ханна Холборн Грей, президент Чикагского университета. Учёный прибыл сюда с одной целью — испортить изобретение друга. Перри решил, что тогда задумку Робинсона не оценят и не примут его в университет, и он не сможет испоганить ему жизнь. Тем более что Фридрих однажды сам подсказал, как это сделать. Достаточно вывести из строя микрочип защиты контура охлаждения, и процесс станет неконтролируемым. Перри с третьей попытки схватил с верстака отвёртку, подошёл к утилизатору и вскрыл крышку. Через пару минут всё было кончено. Тайм уселся на пол и стал дожидаться зова линзы. На этот раз лицо его приобрело серьёзность...

* * *

Учёный уверенно вышагнул в подвал, но тут же врезался в стоявшего у зеркальной глади линзы разносчика пиццы. Анджело свалился на пятую точку и застыл мраморной статуей. Лицо исказилось гримасой ужаса, глаза вылезли из орбит, в горле застрял крик. Перри даже показалось, что курьер подавился и перестал дышать.

— Пшёл вон отсюда! — гаркнул Тайм, уже отводя ногу для пинка.

Анджело как будто только и ждал команды — бросил заказ, вскочил и понёсся без оглядки вверх по лестнице, не издав при этом ни единого звука. Перри ехидно ухмыльнулся и переключил внимание на более важную для него деталь — на собственные пальцы. В этот раз он насчитал их ровно десять, ни больше ни меньше. Учё-

ный закрыл на несколько секунд глаза и вновь уставился на пальцы. Сначала пересчитал слева-направо, потом справа-налево...

— Извините, что отвлекаю, но вы просили напомнить о том, что нужно разобраться с разносчиком пиццы.

— Я уже с ним разобрался, надолго запомнит, — буркнул Тайм и направился к столу. — Вот только почему он так опоздал? Искривление пространственно-временного континуума? Хотя... Да и пёс с ним, с этим бедолагой. Важно проверить другое!

Перри протянул руку к клавиатуре, но не смог её взять: она как будто ускользала от него, а учёный лишь гладил воздух.

— А теперь-то что за ерунда? — спросил Тайм. — Я не ощущаю объём!

— Что вас удивляет? Монокулярное зрение не позволяет...

— Заткнись! — перебил электронную девушку раскрасневшийся Перри. — Хочешь сказать: я, мать твою, одноглазый циклоп?

— Не так грубо, но это правда, мистер Тайм.

— Рассказывай...

— Седьмого июня в Чикагском университете произошёл несчастный случай...

— Ближе к теме и — вкратце!!!

— Взорвался утилизатор-расщепитель материи. Пострадал абитуриент Перри Тайм. Частичная потеря зрения, десять процентов ожогов тела...

Перри поднёс руки к лицу и прикоснулся к нему. Всю кожу покрывали ужасные грубые рубцы, отчего учёного даже передёрнуло. Но на этом он не остановился, дотронулся до правого глаза и нащупал в глазнице стеклянный шар...

— Дерьмо! А как же Фридрих Робинсон?

— Ваш друг? Он, к счастью, не пострадал, всё обошлось. В момент взрыва его не оказалось поблизости.

— Дай мне информацию по нему!

— Фридрих Робинсон — знаменитый учёный-изобретатель, лауреат...

— Дьявол меня раздери! Я думал, что хуже быть не может! Гребанный Робинсон! — заорал Перри, но тут же перешёл на шёпот. — Нет, с тобой надо по-другому... Пусть ты не узнаешь о моих достижениях. Неважно. Я сотру даже воспоминания о тебе... Так, так... Выставь четвёртое июля тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года! — скомандовал Перри и двинулся к линзе. — Без трёх минут полдень. Точка прибытия — Чикаго, деловой центр, небоскрёб «Саут-Уэкер-стрит». Автоматический возврат в наше время через двадцать минут.

— Готово, мистер Тайм. И я обязана сообщить вам о том, что... — ответила девушка, но звук ушёл уже в пустоту. ...Временной разрыв увеличился до семи минут.

***

Первое, что увидел Перри — промышленная стройка. В нос закрался резкий запах гудрона, бетона и выхлопных газов. Вокруг всё громыхало, брякало, стучало... Гудела техника. Внутри Перри проснулась ностальгия. Он помнил это время, как сейчас. В тот день они с Робинсоном гуляли на стройке возводимого небоскрёба. Проверяли, кто из них бесстрашней, ползая по балкам перекрытий между этажами. Фридрих тогда оступился. После он рассказал, что заметил какое-то человекоподобное чудовище с мерзкой мордой и испугался. Он бы наверняка разбился, если бы Перри его не спас. Для этого безумный учёный сюда и вернулся — исправить досадную ошибку... Всё стихло. Наступило время обеда. Перри знал, куда нужно двигаться. Через минуту он уже взбежал по лестнице на третий этаж и увидел их — двух одиннадцатилетних мальчишек. Фридрих заметил его и шагнул в сторону, мимо балки. По этажам прокатилось эхо детского крика. Маленький Перри подбежал

к Робинсону и схватил его за рукав. Сердце учёного отчаянно заколотилось, словно у колибри. «Может, я делаю что-то не так? Пока ещё есть возможность остановиться... Он же мой друг... Нет, чёрт тебя подери! Робинсон — убийца моей мечты!» Приняв тяжёлое решение, учёный собрался с духом и закричал:

— Остановись, Перри! Он предатель!

Мальчик обернулся, отпустил руку друга и попятился. На его лице застыл ужас.

— Он сломает тебе жизнь!

Маленький Перри стартовал и вскоре скрылся из вида. Учёный перевёл взгляд и увидел, как Робинсон разжал пальцы и полетел вниз, прямо на торчащие клыки оголённой арматуры... Перри с отрешённым видом стоял и смотрел, как истекает кровью маленький Фридрих. Месть осуществилась, он победил... Вот только Перри почему-то не радовался. В его душе теперь поселилась пустота и холод, а по щекам текли слёзы... Учёный почувствовал знакомую вибрацию. Руки становились прозрачными. Скоро безумный гений вернётся в мир, в котором он стал Богом...

* * *

В мрачный подвал спустился худощавый паренёк со смешными усиками — разносчик пиццы по имени Анджело. В одной руке он держал пакет с заказом, в другой — серебристый скейтолет с логотипом «ПТ».

— Чёрт! И здесь никого... — выкрикнул парень, бегло осмотрев помещение. — Что за день-то такой? Ховерборд почти умер, где я теперь его заряжу? Лучше бы на старом мотороллере поехал. Неэкологично, но зато шустро бегает, на полчаса быстрее бы точно добрался. Ещё и пицца никому не нужна — чаевые мимо кассы.

Анджело подкрался к отливающей серебристым металлом линзе, но так и не разобравшись, что это такое, двинулся дальше. Обойдя кучу мусора, он подошёл

к огромному столу с пятью мониторами, осмотрелся, выгнал из кресла грязного кота и уселся сам. Сложил пакет и доску на край стола и уставился в центральный монитор — там на экране бежали цифры, таймер с обратным отсчётом — пятнадцать секунд, четырнадцать...

— Прогнозное время прибытия... — прочитал вслух Анджело надпись над таймером, удивлённо кривя губы. — Странная игруха, хрень какая-то! Включу лучше другую, — с досадой произнёс паренёк и нажал на клавиатуре три заветные клавиши.

— Программу запрещено завершать. Произойдёт непоправимое. Нельзя нарушать правила, — запищал голосом девушки компьютер.

— Усни, железка! Правила для того и придуманы, чтобы их нарушать, — отгрызнулся Анджело и нажал на кнопку «завершить».

В комнате послышался жуткий гул буйного электричества. Ослепляющая вспышка — и вновь потемнело, всё стихло. Неожиданно в тишине раздался глухой удар, как будто что-то свалилось на пол. Анджело обернулся и побелел... Посреди подвала лежал труп мужчины. Вернее, его левая часть. Безумного учёного в медицинском халате словно разрезали лучом лазерной установки — «линза» захлопнулась раньше, чем Перри из неё вышагнул.

Учёный не сразу отправился к праотцам, его разделённый в пространстве и времени мозг медленно угасал ещё секунд сто. Вполне достаточно для того, чтобы подвести жизненную черту. Левое полушарие металось в поисках логического объяснения происходящему, пытаясь вычислить, где в эксперимент Перри вмешалась досадная случайность, его несчастливая «звезда»... Правое же, напротив, не искало бессмысленных ответов, а безудержно мечтало о жизни Перри в новом мире, в котором исполнилось всё, к чему стремился Тайм. Вот только в этом варианте будущего воссоединиться и хоть что-то исправить полушариям мозга было уже не суждено... **□**